

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

**№1
2018**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 2 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 1/2018

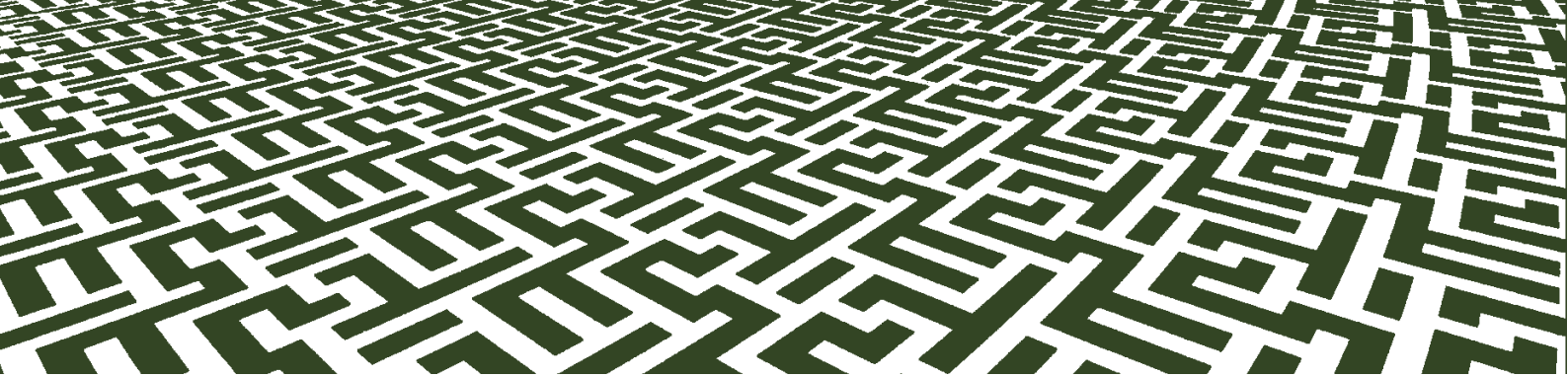
Главный редактор
П.А. Ореховский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	А.М. Либман
О.И. Ананьин	В.И. Маевский
Ю.П. Бокарев <i>зам. гл. редактора</i>	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
А.Е. Варшавский	В.С. Мартьянов
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	В.Ю. Музычук
Г.Д. Гловели	Р.М. Нуреев
Р.С. Гринберг	Н.М. Плискевич
В.Е. Дементьев	Л.И. Полищук
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	В.М. Полтерович
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	Б.А. Хейфец
	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Редактор Ерзнкян М.Д.
Компьютерная верстка Гришиной М.Ф.

Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **From theory to economic policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

Nº1
2018

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 1/2018

Chief Editor
P.A. Orekhovsky

Editorial board

V.S. Avtonomov	A.M. Libman
O.I. Anan'in	V.I. Mayevskiy
U.P. Bokarev <i>Deputy Chief Editor</i>	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
A.E. Varshavskiy	V.S. Martyanov
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	V.U. Muzychuk
G.D. Gloveli	R.M. Nureyev
R.S. Grinberg	N.M. Pliskevich
V.E. Dementiev	L.I. Polishchuk
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	V.M. Polterovich
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	B.A. Kheyfets
	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В.М. Ефимов

О двух типах социальных порядков. Часть 1 7

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С.А. Андрюшин

Централизованные и децентрализованные денежные системы..... 26

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

И.Г. Чаплыгина

Трактовка творчества М.И. Туган-Барановского в западной литературе 50

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.С. Малахов, М.Е. Симон

К генеалогии миграционной политики в России: столкновение
двух правительственных рациональностей 58

С.Г. Кирдина-Чэндлер

Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве..... 73

Т.В. Чубарова, Е.Е. Шестакова

Структурные социальные риски как последствия социальной политики современного
государства: методологические аспекты..... 89

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А.В. Мамаев

Институт городского самоуправления и проблема модернизации муниципальной
инфраструктуры в России в начале XX в. 102

В.Л. Степанов

Крымская война и экономика России 117

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ореховский

Реальность: классическая интерпретация (о книге В.Т. Рязанова «(Не)Реальный
капитализм»)..... 138

А.И. Волынский, М.С. Круглова

Об итогах научного симпозиума «Фундаментальные особенности
мезоэкономического анализа: возможности и перспективы эволюционной
и синергетической парадигмы»..... 146

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

V. Yefimov

On two types of social orders. Part 1 7

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

S. Andryushin

Centralized and decentralized monetary systems 26

HISTORY OF THOUGHT

I. Chaplygina

The reflection of M. Tugan-Baranovsky economic thought in the western economic literature..... 50

INTERDISCIPLINARY STUDIES

V. Malakhov, M. Simon

To the genealogy of Russian migration policy: the collision between two governmentalities 58

S. Kirdina-Chandler

Western and Non-Western institutional models in time and geographical space..... 73

T. Chubarova, E. Shestakova

Structural social risks as the consequences of social policy of the modern state:
methodological aspects 89

ECONOMIC HISTORY

A. Mamaev

Institute of city self-government and the problem of modernization of municipal
infrastructure in Russia in the early XX century..... 102

V. Stepanov

The Crimean war and the Russian economy 117

SURVEYS & REVIEWS

P. Orekhovsky

Reality: classical interpretation (review of the book of V.T. Ryazanov «(Not)Real Capitalism»).... 138

A. Volynskii, M. Kruglova

On the results of the scientific symposium «Fundamental features of mesoeconomic analysis:
opportunities and prospects of the evolutionary and synergetic paradigm» 146

В.М. Ефимов

д.э.н., независимый исследователь, Франция

О ДВУХ ТИПАХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ (Часть 1. Окончание – в №2 ВТЭ)

Аннотация. В статье приводится теоретическое построение, которое может рассматриваться как альтернативное тому, что было представлено в книге Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки». То, что эти авторы назвали «порядком открытого доступа» в статье определяется как монетарный социальный порядок. Название «порядок открытого доступа» очень неудачен. Доступ в этой системе открыт далеко не всем, а только тем, кто имеет деньги, причем доступ тем шире, чем больше денег. Неудача авторов в теоретической характеристике социального порядка, который они назвали «порядком открытого доступа», проистекает от методологической традиции экономической дисциплины игнорировать деньги и делиберации как инструменты взаимодействия между людьми. Какую роль играют деньги при этом взаимодействии, и кто осуществляет важнейшие делиберации в обществе и определяет существо имеющего место в этом обществе социального порядка. В обществе, где основным способом взаимодействия являются деньги, насилие не может быть чисто физическим. Силой заставить купить нельзя, или, по крайней мере, трудно. Напротив, там, где деньги не являются основным способом взаимодействия, угроза применения физического насилия представляется важным рычагом воздействия с целью достижения своих целей. Отсюда и власть тех, кто обладает средствами для осуществления физического насилия. Название «естественное государство», которое связывается авторами с «порядком ограниченного доступа», представляется неподходящим по нескольким причинам, основной из которых является методологическая. Любая черта социальной реальности не является «естественной», а всегда искусственной, то есть имеет человеческое происхождение. На самом деле и социальный порядок «естественного государства» и монетарный социальный порядок являются порядками ограниченного доступа. И при том и другом в принятии решений участвует абсолютное меньшинство, а интересы большинства принимаются при этом во внимание в той минимальной степени, при которой возможно еще сохранять социальный мир.

Ключевые слова: *экономическая теория, социально-экономическое неравенство, экономическая политика, экономическое развитие.*

Классификация JEL: A13, D63, E20, E25, I30, O15.

1. Что такое деньги?

Разобраться в том, что происходит сейчас и предложить что-то потенциально действенное, принципиально невозможно без понимания природы денег. К сожалению, такого понимания не было ни у создателей Советского Союза, ни у тех, кто принимал важнейшие решения в постсоветской России. Нет его в России и сейчас. Университетские учебники по курсам «Деньги. Кредит. Банки» или «Монетарная экономика» по-прежнему навязывают ложные теории денег. Причем это касается как тех из них, которые продолжают советскую традицию, так и тех, которые более решительно следуют западным моделям таких учебников. Предпосылкой, от которой отталкиваются в своих рассуждениях авторы учебников по монетарной экономике, где излагается теория денег, кредита и банков, является происхождение денег из бартерного обмена. Вот, что пишет по этому поводу немецкий социолог Йозеф Хубер: «Большинство людей все еще связывают происхождение и природу денег с тем, как это представлено в классической политической экономии, например, у Адама

Смита, и в неоклассическом расширении этого представления, осуществленном Карлом Менгером в 1871 (австрийская школа). Согласно этой точке зрения, деньги, как предполагается, возникли как спонтанное творение архаичного бартера и рыночных процессов для облегчения обмена товарами. Деньги рассматриваются в этом контексте как товар и, следовательно, как любой другой товар, относятся к частной сфере. Эту точку зрения чаще всего называют товарной теорией денег» [Huber, 2017. Р. 35]. И далее: «Перед лицом эмпирических данных, которые смогли собрать экономические историки, в частности, относительно западного мира, начиная с ранней древности, Греции, Рима, Византии, арабо-исламского мира, христианского средневековья и ранней современности, версия Смита–Менгера происхождения и природы денег представляется в значительной степени фиктивной. Из добытых историками сведений следует подтверждение концепции отнесения денег к общественной сфере и прерогативе правителей, короче говоря, подтверждение государственной теории денег» [ibid. Р. 36]¹.

Для Йозефа Хубера все деньги, независимо от их формы, являются символическими, представляющими в определенных условно выбранных единицах абстрактную ценность. Монеты – это жетоны-символы, а банкноты – это талоны-символы, ну и, конечно, как банковские чеки, так и электронные деньги также являются символами. В то же время все деньги, независимо от их формы, являются кредитными, так как отражают обязательство (долг) сообщества, в котором они циркулируют, предоставить обладателю определенного количества денежных единиц товаров и услуг, равных им по ценности. Важнейшим этапом в развитии денег является появление их особого вида, который в настоящее время стал главным, а именно денег на банковских счетах (*money on bank account*) или, как их называет Й. Хубер, банковских денег (*bankmoney*).

Итак, деньги, выражающие определенную ценность, являются жетонами (для их монетной формы), талонами (для бумажной) и записями на счетах (для безналичной), которые дают право на получение товаров и услуг, имеющих эту ценность. Право это связано не с тем, что деньги, в том числе и монеты, изготовленные из драгоценных металлов, обладают какой-то своей субстанцией, имеющей внутреннюю ценность. Оно обусловлено тем, что зафиксировано в правилах функционирования денежной системы как социального института. Эти правила поддерживаются авторитетом государства (в том числе способностью применить силу), на территории которого выпускаются деньги определенной денежной системы, и доверием ее пользователей к данному государству. Правила эти закрепляются привычкой и верой в покупательную и платежную силу денег этой системы.

При советском социализме кредитная (долговая) природа денег проявлялась специфическим образом, так как в СССР, по большому счету, имелся только один продавец, который одновременно являлся и единственным работодателем. Деньги имели большое значение исключительно для потребительских товаров, так как их роль при движении производственных ресурсов была ничтожно малой: под распределенные в натуральном виде ресурсы, для их «покупки», деньги выделялись автоматически государственным банком. Все работники советских предприятий получали два раза в месяц от своего единственного работодателя-государства определенное количество денежных единиц (руб.) в виде заработной платы, как правило, наличными бумажными деньгами и монетами. Получив эти универсальные талоны–карточки–жетоны, работники советских предприятий и организаций приобретали у единственного продавца-государства все то, что он предлагал для продажи. Полученные работником деньги были по существу свидетельствами долга государства ему, и их можно трактовать как стандартизированные «долговые расписки».

¹ Государственная теория денег была разработана Георгом Кнаппом [Кнапп, 1924], представителем немецкой историко-этической школы.

При покупке товаров в государственных магазинах долг государства перед работниками гасился, и эти «долговые расписки» возвращались ему.

Когда продавцов и работодателей много и деньги обслуживают не только оборот потребительских, но и производственных продуктов и ресурсов, то их кредитная (долговая) природа проявляется в том, что деньги, циркулирующие в определенном сообществе, есть свидетельства долгов этого сообщества предъявителям денег. Для официальной валюты страны таким сообществом являются все физические и юридические лица, действующие на ее территории. Бумажные деньги являются как бы безличными стандартизированными «долговыми расписками», универсальными «талонами–карточками» на получение ресурсов и услуг в рамках сообщества; в случае монет – это универсальные «жетоны», свидетельствующие о долге этого сообщества их обладателю. Эти «талоны–карточки» и «жетоны» признаются членом сообщества в качестве оплаты товаров и услуг в силу его уверенности, что другие его члены примут эти «долговые обязательства» в обмен на товары и услуги, которые ему нужны, и тем самым будет погашаться долг сообщества этому его члену. Ну а в случае электронных денег, которые преобладают в современных обществах, деньги – это «бухгалтерские записи» на электронных носителях таких же долгов, которые, в частности, будут погашаться с помощью банковских карт при получении товаров и использовании услуг.

Замечательное открытие сторонников кредитной теории денег состоит в том, что, в отличие от господствующего мнения, что прерогатива эмитировать деньги принадлежит исключительно государству, значительная часть денежной массы производится частными банками при выдаче кредитов. Причем деньги эти производятся частным образом, можно сказать, «из ничего». Мнение, что банковские кредиты выдаются банками из имеющихся у них депозитов, является абсолютно ложным. Масса денег при выдаче кредитов на величину кредита увеличивается. Теперь представьте себе, какие возможности по захвату ресурсов сообщества имеют те его члены, которые получают право печатать и принимать назад с «процентом» «талоны–карточки» на получение реальных ресурсов и услуг, циркулирующих в нем.

2. О возникновении монетарного социального порядка в Англии

Монетарный социальный порядок я определяю как *социальный порядок с безраздельной властью тех, кто производит и контролирует деньги (финансовые капиталисты, и тех, кто их использует для найма работников (промышленные капиталисты)*. Историю возникновения этого порядка в результате осуществления английской Славной революции 1688 г. я заимствую из книги британского социолога Джеффри Ингема под названием «Природа денег» [Ingham, 2004].

До возникновения сильных государств существовали определенные социальные и политические пределы рыночной экспансии кредитных денег. Важнейшее денежное пространство для подлинно безличной сферы обмена в конечном счете обеспечивалось государствами. Как крупнейшие плательщики и получатели платежей, а также в качестве тех, кто объявляет, что приемлемо в качестве оплаты налогов, государства были конечными арбитрами. Они создали денежные пространства, охватывающие и интегрирующие социальные группы, взаимодействие которых было заложено определенными социальными связями или конкретными экономическими интересами. Пока частные кредитные деньги не были включены в состав финансовой системы государств, которые обеспечивали безопасную юрисдикцию и легитимность, можно утверждать, что они представляли собой, с точки зрения эволюции, тупик [ibid. P. 122].

К концу XVII в. были доступны две формы денег – частные кредитные и государственные металлические монеты, но они были неравномерно распространены по евро-

пейским странам. Однако, они по-прежнему были разделены, и их соответствующие производители, т. е., государства и капиталистические торговцы, оставались в конфликте. Социальная и политическая структура Англии способствовала интеграции разных интересов, которые были связаны с различными деньгами. При этом баланс сил был таков, что компромисс и распределение денежного суверенитета стали возможны. Но не должно быть никакого предположения о неизбежности гибридизированной денежной формы, сочетающей преимущества каждой из них, – суверенной монеты и частного кредита. Как всегда, определенные события оказались решающими для того, чтобы увести от монопольного контроля государством предложения денег [ibid. Pp. 126–127].

Перед надвигающейся войной с голландцами ежегодный доход английской короны составлял менее 2 млн фунтов, а долги – более чем 1,3 млн фунтов. Карл II перестал платить по своим долгам. Это было критически важным событием в отторжении лондонской торговой буржуазией английского абсолютизма. Оно завершилось в 1688 г. Славной революцией и приглашением голландца Вильгельма Оранского вторгнуться со своей армией в Англию и претендовать на трон. Предотвращение любого повторения дефолта – вот чем руководствовался парламент, который конституционным решением 1689 г. посадил на трон голландского короля. Прежде всего, Вильгельму было намеренно предоставлены недостаточные для покрытия нормальных расходов доходы, и, следовательно, он был вынужден стать зависимым от парламента в получении дополнительных средств. Кроме того, с одобрения самого Вильгельма и по совету его голландских финансовых консультантов правительство приняло долгосрочные заимствования. Это было профинансировано путем выделения конкретных налоговых поступлений для выплаты процентов. Кредиторы государства были выбраны из лондонских купцов, которые поддержали предложение о создании в 1694 г. Банка Англии с тем, чтобы продолжить развитие финансовой системы. Они обеспечили 1,2 млн фунтов в качестве акционерного капитала банка, которые затем были переданы в качестве займа королю и его правительству на условиях 8% годовых, которые, в свою очередь, должны были покрываться таможенными и акцизными поступлениями [ibid. P. 127].

По сути дела, находящийся в частной собственности Банк Англии трансформировал личный долг государя в государственный и, в конце концов, в государственную валюту. Подоплекой этой трансформации в общественном производстве денег было изменение в балансе сил, выраженное в юридической концепции суверенитета конституционной монархии «Король-в-парламенте» ('King-in-Parliament'), состоящей в разделении власти между королем и парламентом. Именно так в Англии начинают принимать форму институты производства капиталистических кредитных денег, а также баланс экономических и политических интересов, которые лежали в их основе. Государство было профинансировано за счет займов у мощного класса кредиторов, которые были направлены через центральный банк. Каждый из них имел интерес к долгосрочному выживанию другого [ibid. P. 128].

Слияние двух типов денег, а именно частных бумажных и государственных в виде монет, которое стало возможным в Англии благодаря политическому урегулированию и отказу от абсолютистского денежного суверенитета, позволило решить две существенные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в предыдущих версиях социальной технологии кредитных денег. Частные деньги в виде векселя поднимались с уровня частной торговой сети и включались в более широкое и абстрактное денежное пространство, основанное на безличном доверии и легитимности [ibid.].

Монарх потерял абсолютный контроль над деньгами, который теперь осуществлялся совместно с буржуазией. В отличие от фактической и неформальной связи между чеканными королевскими монетами и векселями, а также счетными деньгами банкиров-менял в XVI в. во Франции, в Англии произошла интеграция двух этих форм, что предопределило дальнейшее развитие кредитных денег. Монеты и банкноты стали в конечном итоге

связаны официальной конвертируемостью, при которой вторые обменивались на первые, изготовленные из драгоценных металлов. Этот гибридный характер системы двух денежных форм явился результатом компромисса в борьбе за контроль, что в конечном итоге привело к взаимовыгодному соглашению [ibid. Pp. 129–130]. В этой системе центральный банк имеет прямой доступ к наиболее востребованному обещанию платить, а именно обещанию государства платить своим кредиторам. Деньги, напечатанные центральным банком, находятся на вершине иерархии обещаний в этой кредитно-денежной системе. [ibid. P. 130]. Это было началом социального порядка, который я предлагаю назвать *монетарным социальным порядком*, где обладание деньгами, а тем более правом их создания и контроля над ними является важнейшим источником власти. То, что Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] назвали «порядком открытого доступа» на самом деле является монетарным социальным порядком. В реальности доступ при нем ко многим возможностям открывается фактически только тем, кто обладает деньгами, этими универсальными талонами.

3. Джон Локк и Адам Смит как идеологи монетарного социального порядка

Идеологом Славной революции был Джон Локк. Именно он ввел понятие естественных законов, действующих в обществе, которое было положено в основу классической политической экономии, и к которой неявно продолжает обращаться современный экономический мейнстрим. Локк выводит существование этих законов из божественной воли: «... неужели же только человек – вне закона, совершенно независим, неужели он явился в мир совершенно бессмысленно, без закона, без каких-либо норм своей жизни? В это трудно поверить всякому, кто размышлял о всемогуществе господа, о всеобъемлющем согласии всего рода человеческого всегда и повсюду, наконец, о себе самом и о своей совести» [Локк, 1988. С. 3]. Вот как он определяет этот закон: «... закон природы может быть описан как проявление божественной воли, познаваемой благодаря светочу природы, указывающее нам, что согласуется и что не согласуется с разумной природой, и тем самым повелевающее нам нечто или запрещающее. Менее правильно, как мне кажется, некоторые называют его диктатом разума. Ведь разум не столько устанавливает и диктует нам этот закон природы, сколько исследует и открывает его как освященный высшим могуществом и вложенный в наши сердца; он не создатель, а толкователь этого закона, ибо не хотим же мы, умаляя достоинство верховного законодателя, приписать разуму установление того закона, который он лишь ищет; ведь разум, будучи лишь способностью нашего духа и частью нашего существа, не может устанавливать для нас законы» [там же. С. 3–4]. Здесь чувствуется влияние его контактов с Королевским обществом естествоиспытателей, однако если гипотеза божественного происхождения законов природы не особенно мешала им проводить свои экспериментальные исследования, то применительно к социальной сфере она полностью блокировала возможность её понимания.

Французский социолог Пьер Розанваллон, автор книги «Утопический капитализм. История идеи рынка» [Розанваллон, 2007], так характеризует суть идеологии развиваемой Локком: «Второй трактат о правлении» Локка является резкой критикой договора о подчинении. Локковская критика прежде всего опирается на радикализацию разрыва с теориями божественного права ... В этом смысле Локк оказывается теоретиком конституционной монархии и даже провозвестником демократического индивидуализма... Локк не разделяет гоббсовской концепции войны, имеющей место в естественном состоянии. Зато, как и Гоббс, он видит основание естественного права в инстинкте самосохранения индивида. Но он понимает это стремление к самосохранению совершенно иным образом

благодаря своей *теории собственности*. Определяя собственность как продукт труда, – что является новшеством, – Локк представляет собственность как продолжение индивида. Следовательно, поскольку труд в естественном состоянии существует, то и собственность в естественном состоянии существует. Именно поэтому “человек, будучи господином над самим собой и *владельцем своей собственной личности*, ее действий и ее *труда*, в качестве такого заключал в себе самом *великую основу собственности*” [Локк, 1988. С. 287] ... Локк в определенном смысле автономизирует, приватизирует и персонализирует понятие собственности ... Из этого следует, что Локк не различает самосохранение и сохранение собственности» [Розанваллон, 2007. С. 48–50]. Как сейчас очевидно для многих, собственность не есть элемент «естественного состояния», а является социальным институтом, т. е. совокупностью правил, определяющих власть собственника определенного предмета над всеми остальными по отношению к последнему. Правила эти рукотворны и могут быть изменены. Власть собственника над предметом может возникнуть как продукт труда, не обязательно его, а вполне возможно – других, находящихся в его подчинении, или путем захвата предмета собственности, в том числе и нелегальным или полунелегальным путем.

Отличие социально-экономической реальности от природы состоит в том, что она представляет собой поток экономической деятельности и есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных, и, конечно, вес первых в этой результирующей выше (часто намного), чем вторых. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые в свою очередь базируются на в основном разделяемых ими верованиях (идеях и ценностях). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные и убедить последних в правоте новых верований и легитимности новых правил [Ефимов, 2016. С. 33]. Участники экономической деятельности взаимодействуют друг с другом. При этом они используют два инструмента – деньги и язык. Как деньги, так и язык являются институтами, т. е. совокупностью определенных правил. Среди языковых взаимодействий нужно выделить их особый вид, а именно *делиберации*, которые представляют собой коллективное обсуждение с целью понимания предмета и принятия решения по его поводу.

Идеи Локка, дополненные рядом других мыслителей, подхватывает Адам Смит. Это он ввел понимание общества как торгового общества, как рынка: «...понимание общества как рынка получает наиболее полное и яркое выражение в трудах шотландской школы XVIII века, особенно в работах Адама Смита. Главное следствие этой концепции состоит в полном отказе от политического: отныне не политика, а рынок должен управлять обществом. В такой перспективе рынок не сводится к простому техническому инструменту организации экономической деятельности, он несет в себе гораздо более радикальный социологический и политический смысл. Если перечитать Адама Смита с такой точки зрения, то он оказывается не столько отцом-основателем современной экономики, сколько теоретиком отмирания политики. Здесь перед нами не экономист, который философствует, но философ, который становится экономистом в процессе осуществления своей философии ... Идея рынка в этот период скорее представляет собой некую альтернативную *политическую модель*. Формальным и иерархическим фигурам власти и руководства рынок противопоставляет возможность такой системы организации и принятия решений, которая существенно отделена от любой формы власти; он обеспечивает автоматическую согласованность, он осуществляет перемещение и перераспределение средств таким образом, что в этом движении воля индивидов в целом и «элит» в частности не играет никакой роли» [Розанваллон, 2007. С. 26–27]. На самом деле в монетарном социальном порядке, возникшем в результате Славной революции, формальным и иерархическим фигурам власти и руководства рынок противопоставляет власть тех, у кого есть деньги, а как они

возникли, кто их создает и как они попали в руки определенных лиц, это вопросы, которыми и должна заниматься экономическая наука. Однако она этого не делает. По мнению Розанволлана, «Маркс – естественный преемник Смита. Либеральная экономическая утопия XVIII века и социалистическая политическая утопия XIX века отсылают, как ни парадоксально, к одному и тому же видению общества, основанному на идеале полной отмены политики. С этой точки зрения либерализм и социализм, несмотря на все имеющиеся между ними расхождения, соответствуют одному и тому же моменту взросления и самоосмысления современных обществ²» [там же. С. 29].

4. Политико-экономический проект Анри Сен-Симона для постреволюционной Франции

Великая французская революция произошла почти на сто лет позже английской Славной революции. Обе они решающим образом способствовали возникновению в этих странах монетарного социального порядка. Первый, кто открыл путь английскому влиянию во Франции, был Франсуа Вольтер. Поехав в Англию в 1726 г., он не мог не соприкоснуться с идеями Локка, и эта поездка решительно повлияла на его деятельность. Свои впечатления об Англии Вольтер обобщил и изложил в знаменитых «Английских письмах» («Lettres sur les Anglais», название иногда переводится как «Философские письма»), вышедших в свет, однако, лишь через несколько лет (1734) после его возвращения на родину³.

После того, как революция во Франции свершилась, английское влияние в этой стране продолжало сказываться, и одним из его носителей был Анри Сен-Симон. Это имя обычно ассоциируется с так называемым утопическим социализмом. Это может показаться странным, но в своих многочисленных работах Сен-Симон ратует за введение социального порядка, который очень похож на установленный первоначально в Англии и действующий в настоящее время на Западе, а именно – монетарного социального порядка. Возможно, это следствие его пятилетнего опыта пребывания в североамериканских колониях, где он участвовал в их войне за независимость от Англии. Не меньшее значение, по-видимому, имел также опыт участия Сен-Симона в спекулятивных операциях по продаже земли, конфискованной после революции у земельной аристократии и духовенства.

В своих работах он постоянно призывает передать политическую власть предпринимателям-капиталистам. Это означало дополнить их экономическую власть властью политической, что и представляет суть монетарного социального порядка: «Нет сомнения, что политическая власть перейдет в руки тех, кто уже теперь распоряжается почти всеми общественными силами, кто повседневно управляет физическими силами общества, кто создает его денежную силу...» [Сен-Симон, 1948b. С. 88]. Как промышленники, в число которых Сен-Симон включает и банкиров, увеличивали свою политическую власть, он объясняет следующим образом: «Промышленники вступили в союз с королевской властью против дворянства, и благодаря оказанной ими поддержке короли получили возможность овладеть политической властью, находящейся в руках дворян. В обмен за услуги, оказанные королевской власти, промышленники получили ее покровительство ... Затем промышленники организовались и при помощи своей организации превратились, наконец, в крупную социальную силу, силу мирную, но более внушительную, чем сила военная, во главе которой и до сих пор остались дворяне. Сила промышленников такова, что короли без затруднений могут доверить им руководство светской властью ... Организация про-

² Во французском оригинале – «sociétés modernes» [Rosanvallon, 1999. P. VII], т. е. общества эпохи Нового времени (1640–1918).

³ rushist.com/index.php/west/2735-volter-fransua-biografiya#c2.

мышленников была завершена учреждением банка, который связывает между собой все отрасли промышленности и дает то или иное политическое применение ее капиталу» [там же. С. 303–304].

Любой читающий произведения Сен-Симона не мог пройти мимо того, что он в своем проекте социальных преобразований отдает центральную роль банкирам. «Класс промышленников, все более преуспевающий, отвоевывающий все новые и новые позиции у феодального строя, получил законченную организацию лишь в XVIII в., с образованием нового вида промышленности. Этот вид промышленности – банковское дело. Земледельцы, фабриканты и торговцы до возникновения банков составляли отдельные корпорации. Банк объединил их в единой системе кредита, придав тем самым классу промышленников, взятому в целом, такую денежную силу, какой не обладают ни все остальные классы, ни даже государство. Эта мысль об организующей роли банков, брошенная Сен-Симоном, получила дальнейшее развитие у его учеников» [Волгин, 1948. С. 37–38].

Современный читатель, привыкший видеть в Сен-Симоне социалиста-утописта, наверное, удивится, прочитав следующее: «Суть этого сочинения, на которую я хочу обратить внимание в первую очередь, сводится к сближению или, лучше сказать, к обобщению интересов королевской власти и промышленников. Это я провожу всюду. Сочетание этих двух сил было господствующей идеей, занимавшей мой ум на протяжении всего моего труда» [Сен-Симон, 1948b. С. 23]. В этой новой политической системе «для организации общества, наиболее благоприятной прогрессу наук и процветанию промышленности, необходимо доверить духовную власть ученым, а светскую власть промышленникам ... ученые и промышленники могут организовать общество в соответствии со своими желаниями и потребностями, так как ученые обладают силами интеллектуальными, а промышленники располагают силами материальными. В связи с этим трудом у меня завязались отношения с большим числом ученых и промышленников; они дали мне повод и средства изучать их мнения и намерения» [там же. С. 90]. Все это мало похоже на тот социализм, который пропагандировал Маркс и Энгельс, и вряд ли можно согласиться с Лениным, который в своей статье «Три источника и три составных части марксизма» назвал французский социализм, куда обязательно включают и Сен-Симона, одним из источников и составных частей марксизма.

По мнению Сен-Симона, Адам Смит предложил теорию, отталкиваясь от которой, промышленники могут пойти на завоевание политической власти: «[П]осле того как Смит разрешил проблему принципов для руководства ходом развития промышленности, нужно было в интересах промышленного прогресса разрешить другую проблему, а именно – *найти законное средство для перехода в руки промышленников всей политической власти ... Мы твердо уверены, что нашли разрешение этой проблемы, и полагаем, что предложенная нами мера ведет прямо к желаемой цели. Так как неизбежным результатом этой меры должна через некоторое время явиться палата общин, составленная целиком или по крайней мере в подавляющем большинстве из членов общин, т.е. из представителей промышленности, так как, с другой стороны, палата общин обладает большой политической силой благодаря своему исключительному праву вотирования бюджета, то предложенная нами мера должна способствовать *переходу всей политической власти в руки промышленности и притом совершенно законно, в полном согласии с действующей конституцией, без каких-либо крутых перемен...*» (курсив мой. – В.Е.) [там же. С. 417–418]. Это и произошло в Англии XVIII в. и Франции XIX в., когда владельцы капиталов и профессиональные политики, представляющие их интересы, стали доминировать как в законодательной, так и в исполнительной власти.*

Пожалуй, можно согласиться с суждениями Энгельса относительно идей Сен-Симона: «Сен-Симон был сыном Великой французской революции, к началу которой он не достиг еще тридцатилетнего возраста. Революция была победой третьего сословия, т. е. *занятого* в производстве и торговле большинства нации, над привилегированными до того времени *праздными* сословиями – дворянством и духовенством. Но вскоре обнаружилось, что победа

третьего сословия была только победой одной маленькой части этого сословия, завоеванием политической власти социально-привилегированным слоем третьего сословия – имущей буржуазией. И к тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, посредством спекуляции конфискованной и затем *проданной* земельной собственностью дворянства и церкви, с другой – посредством надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов при Директории привело Францию и революцию на край гибели и тем самым дало предлог Наполеону для государственного переворота. Таким образом, в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Праздными являлись не только представители прежних привилегированных сословий, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры. Что праздные потеряли способность к умственному руководству и политическому господству, – не подлежало никакому сомнению и окончательно было подтверждено революцией. Что неимущие не обладали этой способностью, это, по мнению Сен-Симона, доказано было опытом времени террора» [Энгельс, 1961. С. 194–195].

Со времени, когда Сен-Симон создавал свои произведения, прошло почти 200 лет. Современные банкиры и промышленники Франции имеют сейчас политическую власть, к достижению которой он их призывал. На протяжении двух столетий эта власть развивалась и принимала все более утонченные формы. Вместо грубого силового подавления недовольных в XIX в. XX в. дал примеры сохранения и развития власти банкиров и промышленников путем патернализма социального государства и массивного идеологического воздействия через образование и средства массовой информации. Большинство французов, особенно после исчезновения СССР, в значительной степени убеждены, что существующему социальному порядку, то есть монетарному социальному порядку, просто нет альтернативы. Вместо того, чтобы самим занимать правительственные посты и иметь депутатские мандаты, банкиры и промышленники в рамках монетарного социального порядка доверяют их профессиональным чиновникам и политикам, получившим воспитание и подготовку в специальных высших учебных заведениях. В основе этого воспитания и подготовки лежит идеология неолиберализма. Банкиры и промышленники будут сохранять контроль над профессиональными чиновниками и политиками до тех пор, пока граждане сами не начнут активно политически действовать, хорошо понимая институциональную природу денег и возможность изменения правил их функционирования, а системы образования и средств массовой информации не перейдут от сокрытия к распространению понимания для широких масс населения сути монетарного социального порядка.

5. О механизмах власти при современном монетарном социальном порядке

Отсутствие должного внимания к деньгам и трактовка их как товара в экономической теории, выполняющей функцию идеологической поддержки монетарного социального порядка, конечно, не случайны. Видение денег как основного источника власти быстро нарушило бы утопическое безвластное видение социальной реальности. Механизмы власти при монетарном социальном порядке всячески скрываются. Мало представителей академических социальных наук делают попытки их раскрытия, а уж для экономистов эта тематика вообще табу. Эти механизмы всегда связаны с коллективной делиберацией влиятельных акторов этого порядка. Делиберации эти в большинстве случаев сохраняются в секрете. Тех же, кто пытается получить доступ к ним и проанализировать их, часто обвиняют в приверженности теории заговоров, конспирологии.

В том, что люди, имеющие общие интересы, пытаются координировать свои действия и выработать общие стратегию и тактику, нет ничего удивительного и необычного. Группы акторов, которые обладают практически неограниченными финансовыми ресурсами для организации такой делиберации, непременно должны ее регулярно осуществлять. Некоторую информацию о властных механизмах при существующем социальном порядке время от времени поставляют журналистские расследования.

Ниже я попытаюсь только обозначить некоторые элементы механизмов власти при монетарном социальном порядке. Ясно, что их основой является использование денег, этих универсальных талонов на получение ресурсов и услуг, направленных на достижение целей, желательных для богатых членов общества. Так как все люди, погруженные в монетарный социальный порядок, нуждаются в указанных талонах, то все механизмы в конечном счете сводятся к различным формам их передачи им с целью добиться от них желаемых действий и бездействий. Самым простым способом такой передачи является найм. Человека принимают на работу в зависимые от обладателя денег структуры и ждут от него вполне определенных действий в пользу нанимателя. Классическим примером могут служить средства массовой информации, воздействующие на читателей, зрителей и слушателей в интересах тех, кто владеет или принимает решения о финансировании СМИ.

Хотя государственный аппарат финансируется из государственного бюджета, имеется множество способов финансового влияния на госчиновников. Один из них – коррупция, которая очень активно практиковалась в США 100 и более лет тому назад. Сейчас способы финансового влияния стали более утонченными. Работник частной фирмы оставляет ее и переходит на госслужбу, сохраняя тайно или явно связь со своим бывшим работодателем и действуя на своей новой работе в его пользу. После окончания своей службы в госаппарате бывший сотрудник возвращается на работу в фирму на высокооплачиваемую должность. Самым активно используемым способом влияния капитала на госчиновников является лоббирование. Для этих целей нанимают как бывших высокопоставленных чиновников, так и специализированные на лоббизме фирмы. Прекрасным примером может служить недавний найм банком «Голдман Сакс» бывшего председателя Европейской комиссии Жозе Мануэла Баррозу спустя два года после его работы ее главой. Что касается специализированных фирм, то столица США Вашингтон наводнена лоббистскими фирмами. По заданию частных компаний они легально контактируют с госчиновниками и влияют на них в нужном заказчику направлении.

Очень важными структурами в системе власти в рамках монетарного социального порядка являются политические партии. Уже очень давно политические партии на Западе стали ни чем иным, как машинами для обретения власти. Имеется много примеров, когда молодые люди, решившие сделать политическую карьеру, присоединяются к той или иной политической партии, исходя не из своих идеологических предпочтений, а взвешивая, через какую из них есть больше шансов это успешно сделать. Сейчас во Франции негосударственное финансирование политических партий запрещено, однако совсем в недавнем прошлом оно практиковалось очень активно, и частные фирмы финансировали нередко без разбора все центральные политические партии, в том числе и коммунистическую, в надежде провести нужные им политические решения в будущем.

Электоральный процесс и используемые при этом политтехнологии стали буквально притчей во языцех, поэтому особо об этом распространяться здесь не буду. Как это работает, можно узнать из великолепного американского фильма «Spinning Boris» (2003)⁴. Он, по-видимому, основан на реальной истории о трех американских политтехнологах, которые за бешеные деньги российских олигархов, прежде всего Бориса

⁴ В российском прокате он шел под названием «Проект Ельцин».

Березовского⁵, соглашаются способствовать переизбранию Бориса Ельцина на второй срок в 1996 г., и это им удается. Приехав в Россию и ничего не зная о российских избирателях, они начинают проводить исследования, пробуя, например, их реакцию на обещание предоставить российским гражданам землю в частную собственность, из чего выясняется, что первые очень равнодушны к владению ею. Продолжая исследования, американцы находят слабое место российских избирателей: все они страшно боятся войны. Отталкиваясь от этого результата, в России начинается мощная кампания по запугиванию электората большой опасностью начала гражданской войны в случае, если президентом станет Зюганов.

Недавний Президент Франции Франсуа Олланд заявил во время своего первого предвыборного митинга: «Я вам скажу, кто мой соперник, мой действительный соперник. У него нет ни имени, нет лица, и он не принадлежит к какой-то партии. Он никогда не представлял свою кандидатуру на выборах. И он не будет избран. Тем не менее, он управляет. Мой противник – это мир финансов»⁶. Хотя этот риторический прием, возможно, способствовал его избранию президентом, однако на практике оказалось, что Франсуа Олланд является скорее другом мира финансов, о чем свидетельствует книга под названием «Мой друг, это финансы. Как Франсуа Олланд согнулся перед банкирами» [*Tricornot, Thépot, Dadieu*, 2014]. Ее предисловие начинается с цитирования Томаса Джефферсона: «Я, как и вы, искренне верю, что банковские учреждения более опасны, чем регулярная армия» (*ibid.* P. 9)⁷. И опасность эта проистекает в частности от того, что в рамках монетарного социального порядка избранные «представители народа» по существу являются или становятся ставленниками этих учреждений.

В то время, когда социалист Франсуа Олланд вел свою предвыборную кампанию, Эмманюэль Макрон, будучи самым молодым управляющим и партнером банка Ротшильд, вступил в команду кандидата от социалистической партии и работал не покладая рук, готовя ему справки по самым разнообразным вопросам [*Orange*, 2012]. Этот управляющий и партнер банка Ротшильд, сейчас сам стал Президентом Франции. Нужно отметить, что Эмманюэль Макрон является не первым Президентом Франции, вышедшим из банка Ротшильд. Жорж Помпиду, бывший генеральный директор этого банка, стал сначала премьер-министром, а затем – с 1969 по 1974 гг. – Президентом Французской республики. Именно во время его президентства в 1973 г. был принят закон, запрещающий Центробанку Франции предоставлять беспроцентные кредиты французскому государству, после чего оно могло только заимствовать необходимые ему средства у частных банков [*Rougeyron*, 2013].

И, наконец, важнейшим элементом механизма власти при монетарном социальном порядке является система образования. Ранее посты во властных структурах старались занимать сами представители капитала, однако сейчас для этого в специальных учебных заведениях готовят выходцев из самых различных слоев. Идеологической базой обучения в них является неоллиберализм, который преподается в виде курсов по экономической теории. Эти курсы играют очень важную роль в укреплении стабильности монетарного социального порядка.

⁵ О том, как семья Бориса Ельцина и он сам попали под влияние Бориса Березовского, рассказывается в книге Павла (Пола) Хлебникова [*Хлебников*, 2001].

⁶ «Je vais vous dire qui est mon adversaire, mon véritable adversaire. Il n'a pas de nom, pas de visage, pas de parti. Il ne présentera jamais sa candidature. Il ne sera pas élu. Et pourtant, il gouverne. Mon adversaire, c'est le monde de la finance».

⁷ На английском языке эта фраза звучит следующим образом: «I sincerely believe with you, that banking establishments are more dangerous than standing armies».

6. Социальный вопрос и финансовые кризисы при монетарном социальном порядке

Капитализм в виде монетарного социального порядка сразу же после своего возникновения породил социальный вопрос, как его называли в Европе, или рабочий вопрос, как его трактовали в Америке. Он был связан с неудовлетворительным положением людей, которые были вынуждены работать по приказу тех, у кого были деньги, эти универсальные талоны на получение продуктов, необходимых для поддержания жизни. Вот как Хайлбронер описывает проявления социального вопроса во времена Адама Смита, который в своей знаменитой книге говорил о гармонии, обеспеченной невидимой рукой: «Но если бы наш герой переместился на север и отважился погрузиться в шахты Дарема или Нортумберленда, его взору предстала бы [следующая] картина. Там голые по пояс женщины работали бок о бок с мужчинами, иногда они были измождены настолько, что напоминали скорее тени, нежели человеческие существа. В ходу были дикие и жестокие обычаи. Внезапно возникавшие сексуальные потребности удовлетворялись в заброшенной шахте неподалеку. Не видевшие света на протяжении зимних месяцев дети от семи до десяти лет работали наравне со всеми и терпели всяческие унижения – шахтеры платили им жалкие гроши за то, чтобы те передвигали полные угля вагонетки. Беременные женщины волокли ящики с углем, словно лошади, и нередко рожали прямо в темноте пещеры. Такая насыщенная, подчиненная традициям и полная страдания жизнь протекала и за пределами шахт. И на поверхности земли даже самый наблюдательный путешественник вряд ли заметил бы признаки порядка, гармонии или хотя бы намек на замысел. Во многих областях страны толпы сельскохозяйственных работников слонялись в поисках хоть какой-нибудь заработка. В период сбора урожая из валлийских высокогорий спускались группы «древних бриттов», как они себя сами называли; иногда на всю честную компанию приходилась одна неоседланная и необузданная лошадь, но чаще всего не было и этого. Зачастую лишь один представитель группы говорил по-английски – он мог служить посредником между толпой и господами фермерами, которым пришельцы желали помочь в сборе урожая на их землях. Неудивительно, что оплата труда была смехотворной, иногда не выше шести пенсов в день. Наконец, если бы нашего незадачливого странника занесло в город, где процветали мануфактуры, он увидел бы другие, не менее странные вещи. Опять-таки неподготовленному зрителю они едва ли напоминали о порядке. Путешественник, скорее всего, восхитился бы выстроенной в 1742 году фабрикой братьев Ломб. Длина огромного по тем временам шестиэтажного здания была равна 500 футам, а находившиеся внутри машины, если верить Даниелю Дефо, состояли из “26 586 колесиков, совершавших 97 746 движений, и производили 73 726 ярдов шелковой нити за каждый оборот водяного колеса, то есть за двадцать секунд”. Не менее впечатляли и дети, проводившие у машин по двенадцать и четырнадцать часов за смену. Они варили себе еду на грязных паровых котлах и поочередно спали в бараках. Говорили, что постель там никогда не успевала остыть. Станный, суматошный, жестокий – таким представал этот мир в восемнадцатом столетии, таким кажется он и сегодня. Тем более поразительно, что он встраивался в возведенную доктором Смитом систему нравственной философии и что ученый уверял, будто видит в окружающей действительности очертания великих, полных смысла законов, сплетающихся в единое и возвышающееся над всем остальным целое» [Хайлбронер, 2008. С. 53–54]. То, что происходило в XVIII в., имело свое продолжение в Англии и веком позже [Энгельс, 1955]. Однако этой стране в XIX в. удалось избежать революций, и важную роль в этом сыграла политическая экономия Адама Смита. Во Франции XIX в. был веком революций, насаждение идей смитовской политической экономии началось значительно позже, чем в Англии.

В середине XIX в. курсы политической экономии во Франции сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка. Вот, что фран-

цузский министр народного образования Виктор Дюрюи писал в 1864 г. в своем докладе Императору Наполеону III по поводу создания кафедры политической экономии на парижском факультете права: «В свое время Ваше Величество обратилось к руководителям национальной промышленности с призывом распространения среди занятых у них рабочих здоровых идей политической экономии. Вы, Государь, утверждали также, что обязанностью правительства является распространение этих важных идей, которые, по словам английского министра того времени, спасли Англию от социализма. Эту необходимость распространения идей политической экономии, провозглашенную Императором четырнадцать лет тому назад, страна полностью осознала сегодня. Общественное мнение требует заполнения досадного пробела в нашей системе общего образования, и несколько городов уже объявили организацию у себя курсов политической экономии» [Dumez, 1865. Pp. 43–44].

Профессия экономистов как университетских преподавателей возникла во второй половине XIX в. в связи с появлением социального вопроса, связанного с плохим положением рабочих и их семей, а также их протестной деятельностью. Три течения экономической мысли – классическая политэкономия, за которой последовал неоклассический экономикс, марксизм и исходный институционализм, начало которому положила немецкая историко-этическая школа, – дали три разные ответа на этот вопрос. Классическая политэкономия, а потом и экономикс, были направлены на оправдание общественного порядка раннего промышленного капитализма, породившего социальный вопрос. Ранние экономисты считали вредным какое-либо государственное или общественное вмешательство, направленное на разрешение социального вопроса. Марксисты, вслед за ранними экономистами, верили, что существующие экономические законы не могут быть ни отменены, ни скорректированы в рамках капитализма, но, в отличие от них, клеймили их антагонистический характер. По Марксу, противоречия между работодателями и наемными работниками являются непримиримыми, и строй, основанный на разделении работодателей и наемных работников, должен быть заменен другим, где этого не существует. Густав Шмоллер, глава немецкой историко-этической школы, отказался как от понятия естественных экономических законов, так и от непримиримого антагонизма между работодателями и их наемными работниками. Вместо естественных законов в центре внимания немецкой историко-этической школы оказались институты, а решение социального вопроса было связано не с сохранением статус-кво или революционным свержением капитализма, а с переходом к социальному государству с его справедливыми институтами, которые реформируют, а не ликвидируют частную собственность и наемный труд. Социальное государство получило мощное развитие в XX в. во Франции, однако оно никак не привело к полному исчезновению социального вопроса, который принял некоторые иные, по сравнению с XIX в., формы [Rosanvallon, 1995].

Марксизм также правильно обвинял капитализм в регулярном возникновении экономических кризисов, однако игнорируя в своих теоретических построениях деньги, не смог реалистично понять механизмы их зарождения. Самый общий механизм возникновения финансовых кризисов хорошо охарактеризован в сравнительно недавно вышедшей книге «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики» Мервина Кинга [King, 2016], автор которой на протяжении десяти лет (с 2003 по 2013 гг.) был управляющим Банком Англии. Слово «алхимия», фигурирующее в названии этой книги, является ключевым. Вот, что Кинг понимает под этим термином: «Под алхимией я подразумеваю веру в то, что все бумажные деньги могут быть по требованию превращены в действительно ценный товар, например золото, и что деньги, хранящиеся в банках, могут быть изъяты всякий раз, когда вкладчики просят об этом. Правда состоит в том, что деньги во всех их формах зависят от доверия к своему эмитенту» [ibid. P. 8]. А так как эмитентами большей части денежной массы являются частные коммерческие банки, то нормальное функционирование денег зависит, прежде всего, от доверия к ним. Кризисы

наступают именно тогда, когда это доверие нарушается. Кинг уверен, что «уязвимость нашей финансовой системы напрямую вытекает из того, что банки являются основным источником создания денег» и что «мир, вероятно, столкнется с новым кризисом», если не удастся «покончить с алхимией нашей нынешней системы денег и банковского дела» [ibid].

Рождение бумажных денег в средневековой Европе М. Кинг связывает с эволюцией векселей, выпущенных в качестве квитанций за золотые слитки, взятые на хранение (депонирование) золотых дел мастерами, которые стали выполнять функции банкиров. Бумажные деньги, созданные таким образом, обеспечивались слитками золота. Владелец банкноты -квитанции знал, что в любой момент ее можно обменять на золото. По мере того как стало ясно, что большинство банкнот-квитанций на самом деле не были сразу обменены на слитки, а находились в обращении для обслуживания сделок, то банкиры начали выпускать банкноты, которые подкреплялись активами, отличными от золота, такими как стоимость кредитов, выданных ими своим клиентам. При условии, что держатели банкнот были удовлетворены тем, что они могли их использовать в обращении, активы, являющиеся обеспечением этих банкнот, могли быть сами неликвидными, т. е. не пригодными для быстрого или надежного конвертирования в деньги-монеты. Из этой практики вышла система банковского дела, которую мы видим сегодня, – неликвидные активы, финансируемые ликвидными депозитами или банкнотами. Проблема, возникающая при создании денег частными банками, состоит в том, что денежные средства в виде частных банкнот (в прошлом) и/или депозитов (в прошлом и настоящем) являются требованиями на неликвидные активы с неопределенной стоимостью. Созданные частными банками деньги могут порождать время от времени проблемы – как с готовностью их принимать, так и со стабильностью выражаемой ими ценности [ibid. P. 59].

Идея, что бумажные деньги и/или депозиты на счетах могли бы заменить драгоценные металлы, представляющие сами по себе ценность, и что банки могли бы взять безопасные краткосрочные депозиты и превратить их в долгосрочные рискованные инвестиции, возникла в XVIII в. с наступлением Промышленной революции. Это было по сути финансовой алхимией, превращением почти ничего не стоящих бумаг или записей в банковских книгах (в дальнейшем на технических носителях) в золото, что породило «необычайную финансовую власть, которая бросает вызов реальности и здравому смыслу. Погоня за этим денежным эликсиром привела к ряду экономических катастроф – от гиперинфляций до банковских коллапсов» [ibid. Pp. 4–5].

Стартовав таким образом, банки постоянно искали способы повышения своей доходности. Относительно недавно они создали надстройку сложных финансовых инструментов, которые были сочетаниями базовых контрактов, таких как ипотека и другие виды задолженности, и поэтому они получили название «производных финансовых инструментов» или деривативов. Для повышения своей доходности банки создали инструменты, состоящие из высокорискованных и часто непрозрачных структур, со смутными названиями, например, *Collateralized Debt Obligation* (CDO) (облигация, обеспеченная долговыми обязательствами). Средняя норма доходности по рискованному активу выше, чем по безопасному, поэтому для компенсации инвестору дополнительного риска он получает дополнительную премию за него. Хотя некоторые из сделок, предлагаемых инвесторам, были близки к мошенничеству, стремление к более высокой доходности означало отсутствие дефицита желающих покупателей. Только оптимист может считать, что премия за риск на рынке является достаточной для его компенсации. Все это было слишком близко к алхимии [ibid. Pp. 32–33].

Центральная идея книги Мервина Кинга состоит в том, что деньги и банковское дело – это определенные исторически возникшие институты, которые развивались до появления современного капитализма и были связаны с технологиями прежних времен. Они дали возможность развиваться рыночной экономике. Но, в конце концов, финансовая алхимия приводит к краху. Деньги и банковское дело оказались ахиллесовой пятой капитализма –

точкой слабости, угрожающей хаосом в масштабах, истощающих жизнь капиталистической экономики. Однако, поскольку эти институты являются искусственными созданиями, люди их могут переделать. Но для этого нужно досконально знать, как сегодня работают деньги и банковский сектор [ibid. P. 50]. Важнейшим элементом этого знания, которым сейчас не обладают как широкая публика, так и многие профессионалы, является понимание того, что «большую часть денег сегодня создают учреждения частного сектора – банки. Это является самым серьезным пороком в управлении деньгами сегодня в наших обществах» [ibid. P. 86].

Несмотря на то, что степень алхимии банковской системы пятьдесят и более лет тому назад была гораздо меньше, чем сегодня, интересно отметить, что многие из самых выдающихся экономистов первой половины XX в. верили в то, что нужно заставить банки держать достаточно ликвидных активов в качестве резервов, чтобы иметь возможность вернуть вкладчикам 100% их депозитов. Они предлагали покончить с системой «частичного резервирования», в рамках которой банки создают депозиты для финансирования рискованного кредитования и, таким образом, не имеют достаточных безопасных резервов наличности, чтобы вернуть вкладчикам их депозиты. Предложение о ликвидации частичного резервирования было выдвинуто в 1933 г. и получило название «Чикагский план». Сторонниками этого плана были Ирвинг Фишер и группа экономистов из Чикаго [ibid. Pp. 261–262].

Большим преимуществом таких реформ, как «Чикагский план», является то, что создаваемая банками нестабильность исчезнет в качестве источника хрупкости. Данный план разрывает связь между созданием денег и кредита. Кредитование реального сектора экономики в соответствии с ним осуществляется за счет собственных средств или долгосрочных заимствований, а не создания денег. Деньги в очередной раз станут настоящим общественным благом с его предложением, определяемым правительством или центральным банком. Правительствам не придется бороться с колебаниями в создании или уничтожении денег, которые неизменно происходят сегодня, когда банки принимают решения о расширении или заключении контрактов на кредитование. Как сказал Ирвинг Фишер: «Мы могли бы оставить банки свободными ... ссужать деньги, как им угодно, при условии, что мы больше не позволим им производить деньги, которые они одалживают ... короче: национализировать деньги, но не национализировать банковскую деятельность» [Fisher, 2009. P. 15]. Так почему же эта идея не была реализована? Одно из объяснений заключается в том, что это приведет к ликвидации системы спасения крупных банков по принципу «слишком важны, чтобы обанкротиться» («too important to fail»). Банки будут жестко лоббировать решения против такой реформы. Для защиты системы осуществления платежей правительства всегда будут гарантировать ценность банковских счетов, используемых для этого, и поэтому в интересах банков изыскивать способы размещения рискованных активов на том же балансе, что и депозиты [King, 2016. P. 263].

7. Мифы о рынке и демократии как инструменты легитимации монетарного социального порядка

Как отмечалось выше, для легитимации монетарного социального порядка хорошо послужили введенные Локком и Смитом понятия естественных законов и рынка, тесно связанного с понятием «невидимой руки». При этом нужно иметь в виду, что понятия «закон» и «невидимая рука», начиная с XIX в., в экономической дисциплине являются метафорами⁸, однако для Локка и Смита они таковыми не были, а означали для них божественную волю. Слово «рынок» в экономической дисциплине также является метафорой. На неметафорическом рынке взаимодействие людей осуществляется путем непосредствен-

⁸ О роли метафор в человеческой жизни см.: [Лакофф, Джонсон, 2004].

ного общения, а экономическая теория, наоборот, рассматривает безличные отношения. При таком подходе дискурсы взаимодействующих, конечно, не принимаются во внимание. Тем самым политика была устранена из экономической дисциплины, первое название которой было «политическая экономия».

Слово «делиберация» все больше и больше входит в академический русский язык и означает коллективное обсуждение и продумывание, предшествующее принятию решений. На протяжении последних двух тысячелетий право участвовать в делиберациях, касающихся судеб крупных человеческих сообществ, принадлежало исключительно господствующему меньшинству. В современной литературе эти меньшинства часто называют элитами. Французское слово *élite* происходит от латинского глагола *eligere*, что означает «выбрать», но выбор практически всегда осуществляется либо внутри правящего меньшинства, либо путем кооптации в это меньшинство людей извне его, в которых так или иначе это меньшинство заинтересовано. Если членам крупных сообществ, например, избирателям в национальных государствах, и предоставляется право выбора, то он осуществляется из уже заранее отобранных элитой кандидатов. Если в списки и попадают несанкционированные элитами кандидаты, то первые, используя имеющиеся у них ресурсы, могут всегда свести к нулю шансы их электорального успеха.

Профессор Университета Квебека в Монреале Франсис Дюпюи-Дэри исследовал политическую историю слова «демократия» в США и во Франции. Он приходит в своей книге [Dupuis-Déri, 2013] к удивительному выводу. Погружаясь в дискурсы прошлого, имевшие место в США и Франции, автор раскрывает, как определенные личности и социальные силы пытались контролировать институты, основанные в конце XVII в. Опираясь на различные памфлеты, манифесты, публичные заявления, статьи из газет и личные письма, Дюпюи-Дэри обнаруживает политические манипуляции элит, которые постепенно вернулись к использованию термина «демократия» для того, чтобы соблазнить массы. Вот, что он пишет по этому поводу во введении, которое он озаглавил «Игра слов и игра власти»: «Те, кто известны как «отцы основатели» современной демократии в США и во Франции, были все открыто антидемократами. Участники движения за независимость в Северной Америке или за революцию во Франции не претендовали быть демократами и не собирались основывать демократию. По словам Джона Адамса, который станет вице-президентом первого Президента США Джорджа Вашингтона, демократия – «это правление произвола, управление тираническое, кровавое, жестокое и нетерпимое». В XVIII в. ряд других политиков Северной Америки говорили о «пороках» и «безумствах демократии». Во Франции во времена Революции влиятельные политические деятели также связывали «демократию» с «анархией» или «деспотизмом», заявляя, что она их приводит в ужас, так как будет «самым большим из бедствий». Если «демократия» являлась, прежде всего, отталкивающим термином, он начинает к середине XIX века быть затребованным политической элитой, однако получив иной смысл. При использовании этого термина не делается больше ссылки на народ, собравшийся вместе, чтобы свободно продумывать и обсуждать (*délibérer*) [касающиеся их проблемы], но обозначает напротив либеральный электоральный режим, до этого называемый «республикой». В этом режиме, теперь названным демократией, только горстка избранных политиков обладает властью, даже если они претендуют осуществлять её от имени суверенного народа. Объявленный суверенным, этот народ не имеет больше агоры⁹, где бы он мог собраться для того, чтобы коллективно продумывать и обсуждать (*délibérer*) общие дела» [ibid. P. 10]. Напротив, элиты, кроме постоянно осуществляемой внутри неё неформальной делиберации, имеют множество официальных и полуофициальных площадок для институционализированной делиберации. Одной из них является национальный парламент.

⁹ Агора – рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских собраний.

Политическое господство буржуазии выражалось в ее доминирующем положении в парламенте, принимающем в частности решения относительно государственного бюджета. В то же время исполнение бюджета стало сильно зависеть от кредитования банками. Банк Англии, являющийся Центробанком Великобритании, был национализирован только в 1946 г., но и после этого по существу оставался банком банков. В этой новой системе право на де-libерацию относительно государственных дел получили обладатели богатств, приносящих определенный доход. Представители этого класса богатых людей были избираемы теми жителями страны, которые также имели определенные размеры доходов¹⁰. Этот социальный порядок переносился на другие западные страны и эволюционировал к всеобщему избирательному праву, но и при нем принципиальных изменений не произошло. Власть при нем принадлежит тем, у кого есть много денег. Они могут осуществлять ее, не обязательно непосредственно занимая определенные посты в исполнительных и законодательных государственных органах, а через лиц в них, защищающих их интересы. Наиболее богатые люди и защищающие их интересы правительственные чиновники и журналисты имеют множество площадок для де-libерации во вне парламентов и других государственных учреждений. Некоторые из них являются достаточно открытыми, а другие практически полностью засекречены.

Подводя итог, можно сказать, что понятия «рынок» и «демократия» хорошо служат до сих пор целям легитимации монетарного социального порядка. Многих удалось убедить, что рынок чудодейственным образом работает в интересах всех членов общества. «Рынок», на самом деле будучи метафорой, означает не что иное, как взаимодействие людей между собой с использованием в качестве инструмента такого взаимодействия денег, этих свидетельств долга сообщества, в котором они циркулируют, обладателям денег. Действующие в настоящее время правила, связанные с производством этого инструмента частными банками, по мнению такого авторитета в этой области, как бывший глава Банка Англии Мервин Кинг, неизбежно приводят к регулярным финансовым кризисам. В то же время правила взаимодействия с помощью этого инструмента неизбежно ведут к усилению неравенства и относительному обнищанию основной массы населения [Пикетти, 2015]. Что касается «демократии», то даже при всеобщем избирательном праве существующая система дает власть богатым, оставляя бесправными всех тех, у кого нет большого количества денег.

ЛИТЕРАТУРА

- Волгин В.П. (1948). Социальное учение Сен-Симона // Сен-Симон А. (1948). Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 5–85.
- Ефимов В.М. (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М.
- Лакофф Дж., Джонсон М. (2004). Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС.
- Локк Дж. (1988). Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Издательство «Мысль».
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Розанваллон П. (2007). Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение.
- Сен-Симон А. (1948а). Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Сен-Симон А. (1948б). Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Хайлбронер Р.Л. (2008). Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. М.: КоЛибри.
- Хлебников П. (2001). Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс.

¹⁰ Дж. Ходжсон приводит данные о том, что до парламентской реформы 1832 г. в выборах в Англии и Уэльсе могли принимать участие только 10% взрослых мужчин [Ходжсон, 2017. С. 76].

- Ходжсон Дж.М. (2017). 1688 год и все такое: права собственности, Славная революция и подъем британского капитализма // Вопросы экономики. 2017. №11. С. 63–92.
- Энгельс Ф. (1955). Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 231–517.
- Энгельс Ф. (1961). Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 185–230.
- Dumez H. (1985). L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras. Paris: PUF.
- Dupuis-Déri F. (2013). Démocratie. Histoire politique d'un mot aux Etats-Unis et France. Montréal: Lux Editeur.
- Fisher I. (2009). 100% Money and Public Debt. Thailand: ThaiSunset.
- Huber J. (2017). Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. London: Palgrave Macmillan.
- Ingham G. (2004). The Nature of Money. Cambridge: Polity Press.
- King M. (2016). The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy. London: Little, Brown Book Group.
- Knapp G.F. (1924). The State Theory of Money. London: Macmillan and Company Limited.
- Orange M. (2012). Rothschild, une banque au pouvoir. Paris: Albin Michel.
- Rosanvallon P. (1995). La nouvelle question sociale. Paris: Editions du Seuil.
- Rosanvallon P. (1999). Le capitalisme utopique. Paris: Editions du Seuil.
- Rougeyron, P.-Y. (2013). Enquête sur la loi du 3 janvier 1973: Comment une élite de banquiers et de hauts fonctionnaires a endetté la France auprès des banques privées avec un texte obscur. Paris : Jardin des livres.
- Tricornot A. de, Thépot M., Dadieu F. (2014). Mon amie, c'est la finance. Comment François Hollande a plié devant la banquiers. Montrouge: Bayard.

Ефимов Владимир Максович

vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Vladimir Yefimov

Doctor of Economic Sciences (CEMI RAS), Doctor in Development Studies (University of Geneva), independent researcher, France

vladimir.yefimov@wanadoo.fr

ON TWO TYPES OF SOCIAL ORDERS. PART 1

Abstract. The article presents a theoretical construction, which can be considered as an alternative to what was presented in the book by D. North, J. Wallace and B. Weingast «Violence and social order». Instead of what these authors called «the open access order» the article defines it as the monetary social order. The name «the open access order» is very poor. Access in this system is open not to everyone, but only to those who have money, and the access is wider for those who have more money. The authors' failure in the theoretical characterization of the social order, which they called «open access order», stems from the methodological tradition of economic discipline to ignore money and deliberation as tools of interaction between people. What is the role of money in this interaction and who carries out the most important deliberations in society determines the essence of the social order taking place in this society. In a society where money is the main mode of interaction, violence cannot be purely physical. It is impossible, or at least difficult, to coerce to buy by force. On the contrary, where money is not the main mode of interaction, the threat of physical violence appears to be the important leverage for achieving one's goals. Hence the power of those who possess the means to carry out physical violence. The name «natural state», which is associated by the authors with the limited access order, seems inappropriate for several reasons, the main of which is methodological. Any trait of social reality is not «natural», but always artificial, that is, it has human origin. In reality the social order of «natural state» and the monetary social order are both limited access orders. Both involve an absolute minority in decision-making, and the interests of the majority are taken into account to the minimum extent just to achieve that social peace can still be maintained.

Keywords: *monetary social order, money as a social institution, power of money, myths about market and democracy.*

JEL Classification: A11, B12, E50, G01, G20, I30, N23.

REFERENCES

- Violgin P.P. (1948). Sotsial'noye ucheniye Sen-Simona [Social teaching of Saint-Simon]. In: Saint-Simon H. (1948). Selected works. Vol.1. M.-L.: USSR Academy of Sciences Publisher. Pp. 5–85.
- Yefimov V.M. (2016). Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inyye metodologiya, istoriya i issledovatel'skiye praktiki [Economic science in question: other methodology, history and research practices]. M.: KURS: INFRA-M.

- Lakoff G., Johnson M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. M.: Editorial URSS.
- Lock J. (1988). *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in three volumes]. Vol. 3. M.: Edition MYSL.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2011). *Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recirded human history]. M.: Gaïdar institute edition.
- Piketty Th.. (2015). *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st century]. M.: Ad Marginem Press.
- Rosanvallon P. (2007). *Utopic capitalism* [History of the idea of market]. M.: Novoye iteraturnoye obozrenie.
- Saint-Simon H. (1948a). *Izbrannyye sochineniya*. Vol. 1 [Selected works. Vol. 1]. M.-L.: USSR Academy of Sciences Publisher.
- Saint-Simon H. (1948b). *Izbrannyye sochineniya*. Vol. 2 [Selected works. Vol. 2]. M.-L.: USSR Academy of Sciences Publisher.
- Heilbroner R.L. (2008). *Filosofy ot mira sego. Velikiye ekonomicheskiye mysliteli: ikh zhizn', epokha i idei* [The worldly philosophers. The lives, times, and ideas of the great economic thinkers]. M.: KoLibri.
- Khlebnikov P. (2001). *Krestnyy otets Kremlya Boris Berezovskiy, ili Istoriya razgrableniya Rossii* [Godfather of the Kremlin. The decline of Russia in the age of gangster capitalism]. M.: Detectiv-Press.
- Hodgson G.M.. (2017). 1688 god i vse takoye: prava sobstvennosti, Slavnaya revolyutsiya i pod'yem britanskogo kapitalizma [1688 and all that: property rights, the Glorious Revolution and the rise of British capitalism] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. Pp. 63–92.
- Engels F. (1955). *Polozheniye rabochego klassa v Anglii* [The Condition of the Working Class in England]. In: Marx K., Engels F. Works. Vol. 2. M.: The state edition of political literature. Pp. 231–517.
- Engels F. (1961). *Razvitiye sotsializma ot utopii k nauke* [Socialism: Utopian and Scientific]. In: Marx K., Engels F. Works. Vol. 19. M.: The state edition of political literature. Pp. 185–230.
- Dumez H. (1985). *L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras*. Paris: PUF.
- Dupuis-Déri F. (2013). *Démocratie. Histoire politique d'un mot aux Etats-Unis et France*. Montréal: Lux Editeur.
- Fisher I. (2009). *100% Money and Public Debt*. Thailand: ThaiSunset.
- Huber J. (2017). *Sovereign Money. Beyond Reserve Banking*. London: Palgrave Macmillan.
- Ingham G. (2004). *The Nature of Money*. Cambridge: Polity Press.
- King M. (2016). *The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy*. London: Little, Brown Book Group.
- Knapp G.F. (1924). *The State Theory of Money*. London: Macmillan and Company Limited.
- Orange M. (2012). *Rothschild, une banque au pouvoir*. Paris: Albin Michel.
- Rosanvallon P. (1995). *La nouvelle question sociale*. Paris : Editions du Seuil.
- Rosanvallon P. (1999). *Le capitalisme utopique*. Paris: Editions du Seuil.
- Rougeyron, P.-Y. (2013). *Enquête sur la loi du 3 janvier 1973: Comment une élite de banquiers et de hauts fonctionnaires a endetté la France auprès des banques privées avec un texte obscur*. Paris: Jardin des livres. 2013.
- Tricornot A. de, Thépot M., Dadiou F. (2014). *Mon amie, c'est la finance. Comment François Hollande a plié devant la banquiers*. Montrouge: Bayard.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С.А. Андрюшин

д.э.н., профессор, Институт экономики РАН, Москва

ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье показано, что эпоха централизованной денежной системы, основанная на эмиссии центральных банков, подошла к своему завершению; центральный банк является главным звеном централизованной денежной системы; в условиях финансового кризиса 2008 г. функции центрального банка как кредитора последней инстанции были существенно расширены за счет изменения парадигмы денежного механизма; новый денежный механизм стал основным каналом предложения денег; основными факторами формирования нового денежного предложения стали резервные деньги центральных банков, новые базельские стандарты и высокие требования к заемщикам; централизация финансового рынка привела к искажению механизма рыночного ценообразования на денежном рынке и нарушению конкуренции на рынке финансового посредничества; в настоящее время в мировой экономике происходит зарождение децентрализованной денежной системы, основанной на частных цифровых валютах, эмитируемых в обращение пользователями распределительных компьютерных сетей; эмиссия криптовалют осуществляется в рамках технологии публичного или закрытого блокчейна без какого-либо участия центрального банка и других институтов финансового посредничества; раскрыты причины кризиса глобальных якорных валют (на примере доллара США), формирующих финансовые и торговые дисбалансы в мировой экономике; обоснован переход функций глобальной валюты к биткойну, способному в условиях своей широкой легализации выступить встроенным стабилизатором финансовой стабильности в мире. Рассмотрены «плюсы» и «минусы» цифровых валют центральных банков и крипторубля в частности, их потенциальные последствия, влияющие на параметры, режимы и уровень эффективности государственной денежно-кредитной политики и политики стабильности на финансовом рынке.

Ключевые слова: *банковский сектор, биткойн, блокчейн, денежно-кредитная политика, децентрализованная денежная система, кредитор последней инстанции, криптовалюты, регулирование, технология распределенных реестров, централизованная денежная система, центральный банк.*

Классификация JEL: B13, E42, E58, N20, O32.

1. Централизованная денежная система

Централизованная денежная система возникла в мировой экономике в конце XVII в., когда в Континентальной Европе начался активный процесс укрепления институтов государственной власти, отстаивающих интересы национальных экономик и, в первую очередь, своих влиятельных корпоративных групп (кланов). При этом основной вызов исходил из сферы денег, кредита и финансовых институтов, доминирующую роль в которых стали играть еврейские банкиры. Вначале централизованная денежная система появилась в Швеции (1668 г.) и Англии (1694 г.), затем в других странах, таких как Франция (1800 г.), Россия (1860 г.), Германия (1875 г.), Япония (1897 г.), Швейцария (1907 г.) и США (1913 г.) [Андрюшин, 2011. С. 47–48].

На примере Банка Англии кратко рассмотрим основные этапы становления централизованной денежной системы, в своей основе опирающейся на международный капитал.

Именно тогда, в 1656 г., при лорд-протекторе Англии, Шотландии и Ирландии Оливере Кромвелле международные банкиры вновь вернулись в Англию, и с тех пор больше никогда из нее не уходили. Они полностью перехватили финансовую инициативу у местных банкиров (золотых дел мастеров), особенно в период английской революции 1688 г. (во время изгнания династии Стюартов). Используя свои глобальные финансовые связи (в первую очередь, во Франции, Италии и Голландии), международные банкиры резко подняли престиж страны, сделав Великобританию ведущей финансовой державой в мире [Алексеевко, 1872. С. 88–89; Беджгот, 1902. С. 85; Кауфман, 1893. С. 14–15].

В стране началась эпоха государственных денег, зародилась системы фидуциарного кредита, делающих богатых еще богаче, а бедных – еще беднее. Новый режим государственного управления в Англии, учитывая возросшую потребность в кредите, а также руководствуясь желанием заполучить внушительную денежную поддержку для реализации различных проектов (в том числе и на цели ведения войны), пришел к идее создания в стране государственного банка. В 1694 г. такой банк был основан под названием «Управляющий и Компания Банка Англии» («The Governor and Company of the Bank of England»). Банк Англии стал корпорацией кредиторов казначейства, так как весь его капитал – 1 200 тыс. ф. ст. – был предоставлен в кредит государству из расчета 8% годовых. За это он получил право проводить операции с векселями, слитками золота и серебра, выдавать ссуды под залог товаров и недвижимого имущества с правом их продажи в случае, если она не будет погашена в течение трех месяцев по истечении срока действия кредитного договора. При этом ссуды каждый раз выдавались с особого разрешения парламента страны [Кредит и банки..., 1929. С. 163; Francis, 2001. Pp. 37–54].

По Уставу Банк Англии принимал беспроцентные вклады (с последующим начислением со второй половины XIX в. до 4% годовых), предел которых зависел от сумм предоставленных правительству кредитов. Одновременно он выпускал платежные обязательства в виде банковских билетов, которые могли быть предъявлены в Банк в любой момент. И если поначалу эти билеты должны были индоссироваться, то, начиная с 1697 г., они стали 3%-ми банкнотами, обязательными к размену на металлическую наличность в случае их предъявления в Банк¹.

Вексельный курс банкнот Банка Англии периодически сильно колебался, особенно начиная с февраля 1797 г., когда в течение последующих 24 лет от страны потребовалось напряжение всех финансовых сил (из-за финансирования колониальных программ правительства и ведения военной кампании против Франции). Именно тогда был издан закон, по которому Банк Англии освобождался от размена на золото всех своих эмитируемых обязательств. В результате в стране произошел значительный рост цен, в том числе и на золото. Английский парламент создал тогда Особую комиссию для расследования его причин. Она должна была разобраться в существующих недостатках централизованной денежной системы и найти пути их устранения. В 1810 г. Комиссия представила подробный отчет, включавший два подхода к организации эмиссионного дела в стране.

Первый представлял точку зрения сторонников *banking principle* (Маклеод, Парнелл, Уилсон, Тук, Фуллартон и др.). Они полагали, что обесценение банкнот и повышение цен на золото объясняется в первую очередь неурегулированностью торговых оборотов. Поэтому эмиссия банкнот, как они полагали, безопасна только тогда, когда обеспечена первоклассными товарными векселями. Такая эмиссия не сможет вызвать инфляцию, поскольку банкноты попадают в реальную экономику как промышленные или товарные ссуды, а не как платежные средства.

Сторонники второго – *currency principle* (Мак-Куллох, Норман, Рикардо, Торренс, Юм и др.), считали, что обесценение банкнот и повышение цен на золото объясняется

¹ www.bankofengland.co.uk/about/history/index.htm.

непониманием законов регулирования металлических и бумажных денег. По их мнению, металлическое обращение содержит встроенный механизм саморегулирования, тогда как бумажное должно регулироваться законодательно. Эмиссия банкнот только тогда безопасна, когда их выпуск Банка Англии привязан к золоту по паритету в соотношении один к одному [Идельсон, 1914. С. 143–144].

В ходе дискуссий, развернувшихся в Особой комиссии парламента по вопросу организации эмиссионного дела в стране, победила позиция представителей второго подхода. Жесткий паритет между запасом золота и эмиссией банкнот поначалу (в 1821 г.) позволил Банку Англии возобновить размен банкнот на золото (не на гинеи, а на отчеканенные на основании Монетного устава 1816 г. соверены в 20 шиллингов). Дальнейшее развитие системы денежного обращения в стране показало половинчатость принятого законодателями решения, так как теоретически победа была признана за денежной школой, хотя на практике она досталась представителям банковского направления.

В 1836 г. в Англии разразился финансовый кризис вследствие чрезмерного роста спекуляции, которую спровоцировали частные депозитные банки в форме товарищества на вере или коммандитного товарищества². Через три года, в 1839 г., разразился также и американский кризис, сильно затронувший Англию. В этих условиях Банк Англии вынужден был включить печатный станок. В обращении появились новые банкноты, размен которых центральным банком не гарантировался. Денежный кризис с каждым годом усиливался. Поэтому в 1844 г. английский парламент вынужден был пойти на жесткие законодательные инициативы.

19 июля 1844 г. был издан банковский билль Роберта Пиля (младшего), законодательно закрепивший положение, что денежная эмиссия должна основываться на сочетании двух принципов – *currency principle* и *banking principle*. С учетом этого решения Банк Англии был разделен на два департамента – Эмиссионный (Issue Department) и Банковский (Banking Department).

В состав Эмиссионного департамента вошла металлическая касса Банка Англии. Ему было предоставлено право выпуска банкнот на 14 млн ф. ст., необеспеченных денежным металлом, но покрытых как долговыми государственными обязательствами (консолями, векселями и платежными свидетельствами казначейства и пр.), так и другими обеспечениями частных лиц хозяйствующих субъектов. Дополнительная эмиссия сверх этой суммы всегда требовала полного (100%) обеспечения металлической наличностью (слитками, монетой) из расчета $\frac{4}{5}$ золотом и $\frac{1}{5}$ серебром.

Банкноты Банка Англии признавались законным платежным средством и должны были обмениваться на золотую (или серебряную) монету по первому требованию держателя во всех его отделениях. Кроме того, Банк Англии обязывался принимать в любое время золото в слитках, выплачивая 77 шиллингов 9 пенсов за унцию монетарного золота 22-каратной или 88 пробы [Киш, Элькин, 1933. С. 138–140].

Банковский департамент получал банкноты из Эмиссионного департамента сверх переданного капитала на тех же условиях, что другие банки и вексельные маклеры, т. е. только в обмен на монетарное золото. В остальном Банковский департамент действовал как обычный коммерческий (депозитный) банк.

В октябре 1847 г. «платежный кризис», вызванный ажиотажем на железных дорогах и спекуляцией хлебом, вынудил правительство приостановить требования закона Пиля и выпустить в обращение банкноты на 400 тыс. ф. ст. без какого-либо металлического покрытия. В ноябре 1857 г. закон Пиля был приостановлен второй раз. Это было связано

² Коммандитное товарищество отличается от открытого тем, что только один или несколько членов лично отвечают за его деятельность всем своим имуществом и денежными средствами, в то время как другие члены (коммандитисты) – лишь в пределах своих вкладов, внесенных в торговый реестр, но не публикуемых для всеобщего сведения.

со спекулятивной горячкой коммерческих банков на рынке золота, вызванной благодаря открытию калифорнийских и австралийских золотых рудников. Кризис был остановлен дополнительной эмиссией Банка под обеспечение государственных фондов при условии, что ссудный процент не должен быть ниже 10% годовых. В ноябре 1866 г. действие закона Пиля было приостановлено третий раз, что потребовало также дополнительной эмиссии, но уже на большую сумму, до 730 тыс. ф. ст. [Энштейн, 1913. С. 173–178].

После 1866 г. Банку Англии вплоть до Первой мировой войны больше не пришлось прибегать к приостановке действия закона Пиля. И это достигалось в основном за счет экстренного фидуциарного кредита, который предоставлялся центральным банком коммерческим банкам (здесь первый выступал в качестве кредитора последней инстанции), и частного кредита, эмитируемого самими коммерческими банками, а именно в форме депозитов, чеков, векселей, депозитных расписок и банковских сертификатов [Мизес, 2000. С. 532–533]. Все это позволило на некоторое время частично решить проблему размена банкнот Банка Англии и организовать денежное обращение в стране на основе золотовалютного стандарта, который был отменен в Великобритании в период Великой депрессии, в 1931 г.

2. Центральный банк как кредитор последней инстанции

Центральный банк как кредитор последней инстанции является главным звеном централизованной денежной системы. Поэтому функция такого кредитора в законодательстве большинства стран отнесена к числу основных полномочий центрального банка, который в условиях кризиса обязан оказывать поддержку ликвидностью либо отдельным системно значимым, но временно неплатежеспособным институтам, либо финансовому рынку в целом [Андрюшин, Кузнецова, 2010. С. 71–73].

История финансовых кризисов показывает, что если при первых признаках дефицита ликвидности действия центральных банков оказываются нерешительными, то на межбанковском рынке начинается паника. В экономике возникают стремительные «распродажи» наиболее ликвидных активов, приводящие к обвалу цен на финансовые и реальные активы, препятствующие нормальному функционированию финансовых рынков.

В 1873 г. после очередного финансового кризиса (1866 г. в Великобритании) управляющий Банка Англии У. Бейджхот (в других транскрипциях – У. Бэдджет, В. Беджгот, W. Bagehot) предложил в критических ситуациях расширить функции центрального банка, возложив на него дополнительные функции кредитора последней инстанции. Но они, по мнению Бейджхота, могут быть реализованы центральным банком только при наличии следующих условий: а) экстренное кредитование предоставляется только платежеспособным банкам; б) оно осуществляется по ставке выше докризисного уровня; в) необходимое условие такого кредитования – наличие у банка-заемщика ликвидного обеспечения [Bagehot, 1873; Беджгот, 1902].

Однако в ходе финансового кризиса 2008 г. эти условия перестали соблюдаться. Они уже не соответствовали реальным запросам финансового рынка. Поэтому в области дополнительного фондирования произошли серьезные изменения. Во-первых, на практике банки стали сталкиваться с проблемой дефицита ликвидности тогда, когда их платежеспособность уже находилась на низком уровне [Goodhart, Schoenmaker, 1995. Pp. 539–560]. Для центрального банка это означало, что в поддержке ликвидностью стали нуждаться изначально неплатежеспособные институты.

Во-вторых, поскольку кредитование последней инстанции нацелено на достижение равновесия в банковской и денежной системах, предоставление центральным банком экстренных кредитов по штрафным ставкам теряет всякий смысл. Другими словами, банки выживут, если ценообразование на экстренные кредиты будет отталкиваться от ставки,

сложившейся в обычных (докризисных) условиях, а не от повышенной ставки, которая формируется на рынке фондирования в условиях паники на финансовом рынке [Giannini, 1999].

В-третьих, в новых условиях предоставление центральным банком экстренных кредитов коммерческим банкам, способным предложить надежное обеспечение, уже нереализуемо. Обычно банк, столкнувшись с дефицитом ликвидности, обращается в центральный банк лишь тогда, когда возможности рыночного финансирования для него закрыты. Такой банк, по определению, уже не имеет качественных активов (пакета ценных бумаг) для предоставления надежного залога, отвечающего требованиям центрального банка. Поэтому чрезвычайная кредитная помощь от центрального банка таким банкам будет, скорее всего, предоставляться под обеспечение сомнительного качества или без какого-либо обеспечения [Cecchetti, Disyatat, 2010. Pp. 29–42].

В силу перечисленных обстоятельств, проявивших себя в ходе финансового кризиса, в функции центрального банка как кредитора последней инстанции были внесены принципиальные изменения. К числу наиболее существенных дополнений были отнесены следующие: а) экстренное кредитование должно предоставляться в первую очередь системно значимым финансовым институтам; б) кредиты последней инстанции нельзя предоставлять по завышенным процентным ставкам, иначе это приведет к резкому снижению кредитования в реальной экономике; в) требования к качеству обеспечения по кредитам последней инстанции должны исходить из системной значимости заемщиков и глубины финансового стресса, с которым столкнулась финансовая система.

Не менее важен вопрос о способе выделения центральным банком кредитов последней инстанции. В докризисный период считалось, что прямое выделение экстренных кредитов финансовым посредникам являлось недопустимым, так как искажало рыночное ценообразование на финансовом рынке. Но в ходе глобального кризиса 2008 г. все менялось. Теперь было признано, что прямое фондирование несет меньшую угрозу национальной экономике, чем последствия краха системно значимых финансовых посредников и череды банкротств на финансовом рынке. Поэтому многие эксперты стали допускать возможность прямого выделения центральным банком ликвидности банкам, банкротство которых может угрожать стабильности как отдельных финансовых организаций, так и национальной финансовой системы в целом [Rochet, Vives, 2004. Pp. 1116–1147].

Однако в результате такого централизованного вмешательства в банковскую сферу стало наблюдаться не только искажение механизма рыночного ценообразования на денежном рынке, но и нарушение конкуренции на рынке финансового посредничества – сокращение числа действующих кредитных организаций и огосударствление системно значимых банков. Это оказывается даже «на руку» денежным властям, так как чем меньше будет число конкурирующих на рынке финансовых организаций, тем легче будет координировать масштабы и последствия кредитной и денежной экспансии в экономике, а значит, и управлять инфляцией³. Все это способствовало появлению на финансовом рынке нового денежного механизма, полностью подконтрольного центральному банку.

3. Новый денежный механизм

Новый денежный механизм появился в период финансового кризиса 2008 г. и стал основным каналом предложения денег в экономику во всех без исключения странах – как развитых, так и с формирующимися рынками. Он был нацелен на то, чтобы компенсировать

³ 14 марта 2018 г. Премьер-министр РФ Дмитрий Медведев на заседании Комиссии по контролю за реализацией предвыборной программы партии «Единая Россия» заявил, что Правительство РФ и Банк России продолжат дальнейшую активную расчистку банковского сектора от тех кредитных организаций, которые ставят под угрозу интересы своих клиентов. См.: www.banki.ru/news/lenta/?id=10329420.

ровать деньгами центральных банков потерю ликвидности финансовых посредников в виде пула денег, выпущенного частными банками в период до глобального финансового кризиса [Pozsar, 2011]. При этом основными факторами формирования нового денежного предложения в экономике стали: резервные деньги центральных банков, новые базельские нормативы (к достаточности собственного капитала банков и видам ликвидности), а также высокие стандарты андеррайтинга, предъявляемые банками к своим заемщикам.

Это предопределило полный (тотальный) контроль центральных банков за ликвидностью финансовых посредников (их кредитной эмиссией) и хозяйствующих субъектов, способствуя тем самым как централизации всего денежного обращения в национальной экономике, так и сокращению числа действующих финансовых организаций за счет концентрации капитала в системно значимых (или государственных) банках⁴. Именно последние в условиях кризиса межбанковского кредитования первыми стали получать от центрального банка активную кредитную поддержку против обеспечения сомнительного качества или без какого-либо обеспечения.

Сегодня, по мнению немецкого профессора Й. Хубера, во всем мире идет процесс замены частных банковских денег суверенными деньгами центральных банков [Ефимов, 2017. С. 138]. И это неудивительно, так как указанному процессу активно способствуют новые нормативы (стандарты) Базеля III, разработанные Банком международных расчетов. Эти нормативы жестко регулируют собственный капитал банков и виды их ликвидности. Но, во-первых, не все банки могут выдерживать требования таких нормативов, что приводит к уходу с рынка тех, кто не может выполнить новые международные стандарты. Во-вторых, не всем банкам, даже соблюдавшим нормативы, гарантирована финансовая поддержка центрального банка. Ее, как правило, получают системно значимые банки или банки, приближенные к правительственным структурам. При этом эмитируемые суверенные деньги центрального банка в виде резервов появляются на счетах в банках не как наличные, вклады домашних хозяйств и депозиты предприятий, а как прирост остатков на корсчетах и депозитных счетах банков в центральном банке [Benes, Kumhof, 2012; Mahanty, 2014; Rachel, Smith, 2015; Thwaites, 2015; Werner, 2014. Pp. 71–77].

Прежний механизм создания денег в экономике, или денежный (кредитный, депозитный) мультипликатор, включал в себя денежную базу (наличные деньги, корсчета, депозиты, обязательные резервы), часто называемую деньгами высокой эффективности, или деньгами центрального банка. Считалось, что именно эти деньги мультиплицируются банками при проведении ими своих кредитных или депозитных операций. Но такой подход в настоящее время стал объектом серьезной критики со стороны специалистов в области современной монетарной экономической теории [Rachel, Smith, 2015; Thwaites, 2015; Mishra, Montiel, 2012].

В настоящее время утверждается, что центральные банки влияют на денежное предложение не столько за счет регулирования наличной эмиссии и объема обязательных резервов банков (генерируемых из депозитной базы), сколько путем эмиссии резервных денег самого центрального банка и эмиссии коммерческих банков при проведении ими кредитных операций на открытом рынке [Андрюшин, 2015. С. 16–17; Carpenter, Demiralp, 2010. P. 4]. Но теперь основным ограничителем роста денежной эмиссии в современной экономике являются не реальные депозиты (привлекаемые банками), а собственный капитал самих банков. Соответственно, от его размера будет зависеть динамика денежной массы, формируемая в результате эмиссии резервных денег центрального банка. Иначе говоря, между решениями собственников кредитных организаций в части их рекапитализации, формирования дополнительного, добавочного, буферного и резервного капиталов банков,

⁴ В 2007 г. произошла национализация американских ипотечных компаний Fannie Mae и Freddie Mac, английского Northern Rock, через год, в 2008 г. – американских Bear Stearns, Citigroup и английских Royal Bank of Scotland Group Plc, Lloyds TSB и HBOS Plc, немецкого HypoReal-Estate Group и швейцарского UBS.

с одной стороны, и эмиссией резервных денег центрального банка, с другой стороны, устанавливается прямая связь. Однако из этого также нельзя делать вывод, что в современной экономике перестал действовать традиционный денежный мультипликатор. Он по-прежнему существует, но в уже несколько иной форме – когда коммерческие банки выдают кредиты, не обращая внимания на свои обязательства – депозиты клиентов (иначе говоря, под виртуальные депозиты) [McLeay, Radia, Thomas, 2014. P. 2].

В международной практике резервные деньги в основном используются для реструктуризации и вывода с балансов финансовых (банков) и нефинансовых организаций рисков (проблемных) активов⁵, что стало основной причиной стремительного роста балансовых счетов (валюты баланса) центральных банков, изменив одновременно структуру и срочность хранимых на балансах государственных и частных долговых обязательств [Borio, 2015]. При этом эмитируемые центральными банками деньги передвигаются в банковской системе лишь по горизонтали (корсчета коммерческих банков – депозиты банков в центральном банке – казначейские счета в центральном банке), не оказывая влияния на совокупный спрос и не провоцируя рост инфляции в экономике. Государство, таким образом, достигает целевого для монетарной политики уровня инфляции, держа ее на предельно низком уровне. Иначе говоря, мы получили то, о чем в свое время писал М. Ротбард, отмечая, что государству важна не просто инфляция, ему нужна собственная, полностью контролируемая инфляция, а не такая, которой будут управлять частные коммерческие банки [Ротбард, 2016. С. 75].

В настоящее время в экономике многих стран (первую очередь, развитых) активно используется новый денежный механизм. Например, в странах еврозоны до сих пор реализуются новые стимулирующие меры со стороны ЕЦБ, связанные как с программой выкупа активов⁶ на открытом рынке, так и запуском очередного транша программы долгосрочного целевого кредитования TLTRO-II. Аналогичные меры осуществляют Банк Англии и Банк Японии. Так, первый продолжает активно выкупать на открытом рынке государственные и корпоративные облигации, а второй по-прежнему осуществляет масштабную программу выкупа финансовых активов различных типов, таргетируя доходность 10-летних облигаций вблизи нулевой процентной ставки.

Именно такой денежный механизм (резервные деньги центрального банка) в настоящее время пытается запустить в российской экономике и Банк России, используя его при санации проблемных банков. Но применение такого денежного механизма у нашего регулятора принципиально отличается от такового, реализуемого денежными властями США, Японии, Великобритании и странами еврозоны в рамках программы «количественных смягчений». Так, если в развитых экономиках денежный механизм реализуется монетарными властями через политику количественных смягчений и применяется с целью стимулирования внутреннего совокупного спроса, то в российской экономике он используется (начиная с сентября 2017 г.) исключительно для рекапитализации проблемных системных банков⁷.

⁵ Так, например, только в США обилие программ (TAF, SWAPS, TARP, PDCE, CPFF, MMIFF, TALF, MBS, TWIST и др.), реализуемых в рамках количественного смягчения (QE 1, 2 и 3), позволило ФРС с 30 декабря 2007 по 7 марта 2018 г. увеличить валюту своего баланса в 4,8 раза, с 915,1 до 4 396,1 млрд долл. США. См.: www.federalreserve.gov/releases/h41/current.

⁶ В декабре 2016 г. ЕЦБ принял решение о снижении ежемесячного объема выкупа активов (начиная с апреля 2017 г.) с 80 до 60 млрд евро. В октябре 2017 г. регулятор объявил о дальнейшем сокращении программы выкупа активов до 30 млрд евро, которая будет действовать с января по сентябрь 2018 г. Цель уточненной программы заключается в том, что ЕЦБ будет осуществлять закупку активов (ценных бумаг государств и корпоративного сектора) до тех пор, пока Совет управляющих не увидит устойчивую корректировку инфляции на уровне целевой (2% в среднесрочной перспективе). См.: www.ecb.europa.eu/mon/implement/omt/html/index.en.html.

⁷ Федеральный закон от 1 мая 2017 г. № 84-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Основные положения Закона, регламентирующие новый механизм санации, вступили в силу с 16 июня 2017 г.

Как следует из обнародованной 25 октября 2017 г. отчетности по РСБУ, Банк «Открытие» за девять месяцев получил рекордный в новейшей истории банковской системы РФ чистый убыток в размере 279,4 млрд руб., причем свыше 90% этой суммы, 254,6 млрд руб., пришлось на один только сентябрь – первый месяц санации банка средствами Банка России. Другой санируемый регулятором банк – Бинбанк – в сентябре потерял 32 млрд руб., а санируемый им Рост Банк – еще 82,2 млрд руб. В общей сложности, по мнению руководства Банка России, на финансовое оздоровление Бинбанка и Банка «Открытие» потребуется около 800–820 млрд руб., из которых примерно 450 млрд руб. пойдет на второй, а 350–370 млрд руб. – на первый⁸. В марте 2018 г. Банк России одобрил докапитализацию Бинбанка еще на 56,9 млрд руб. Данные средства будут направлены на приобретение дополнительного выпуска акций Бинбанка. В апреле 2019 г. запланировано объединение Бинбанка и Банка «Открытие», что позволит, по мнению регулятора, сократить требуемый объем средств для их оздоровления и сроки выхода на рынок⁹.

По нашему мнению, резервные деньги центрального банка, решая проблему рекапитализации системных банков, не способны обеспечить здоровую конкуренцию между кредитными организациями на рынке финансовых услуг. Более того, наличие жестких требований регуляторов к достаточности собственного капитала и нормативам ликвидности приводит к еще большей централизации денежного механизма, а значит, и надзора за кредитными организациями, снижая объемы кредитования предприятий и домашних хозяйств в реальной экономике. Ниже, на примере банковской системы России покажем перспективы или ожидаемые результаты действия централизованных денежных систем.

4. Перспективы централизованных систем

Как свидетельствует официальная отчетность Банка России, российские банки в прямом и переносном смысле испытывают сильно воздействие централизованного надзора со стороны регулятора. Банк России, начиная с 2016 г., приступил к масштабной реформе банковского надзора на основе его централизации. Целью данной реформы стала оптимизация бизнес-процессов и усиление проактивного характера надзорной работы, выявление рисков кредитных организаций на ранних стадиях и принятие превентивных мер по минимизации рисков.

В 2016 г. представителями Банка России было проведено 585 проверок кредитных организаций (их филиалов), в том числе 132 – «второго контура» надзора и 35 – системно значимых кредитных организаций (их филиалов). Около 70% от общего количества проверок было осуществлено на плановой основе. Примерно половина внеплановых проверок – по решению руководства Банка России в связи с необходимостью оперативного исследования операций, способных генерировать высокий уровень риска в экономике [Годовой отчет ..., 2017. С. 103–110].

В 2017 г. реформа централизации банковского надзора еще более активизировалась. В первую очередь это касается таких инициатив, как расширение перечня признаков возможной связанности банков с другими компаниями и использование в надзорной практике Банка России мотивированного (профессионального) суждения.

Впредь признаком связанности, по мнению регулятора, будет считаться как «владение лицами, контролирующими деятельность кредитной организации или оказываю-

⁸ www.banki.ru/news/daytheme/?id=10080893; www.banki.ru/news/lenta/?id=10055337.

⁹ www.banki.ru/news/lenta/?id=10320307.

щими на нее значительное влияние, прямо или косвенно (через третьих лиц) более чем 5% голосующих акций (долей уставного капитала) лица (лиц)»¹⁰, так и наличие между банком и аффилированным лицом операций, существенно влияющих на размер собственных средств (капитала) банка и значения обязательных нормативов. И особенно, если доход по таким операциям приводит к увеличению капитала банка, позволяющему устранить выявленные в предыдущем периоде нарушения нормативов, основания для санации или отзыва лицензии, а также поддерживать размер капитала на уровне, обеспечивающем выполнение обязательных нормативов и лимитов открытых валютных позиций, в том числе при снижении стоимости активов или увеличении резервов¹¹.

В консультативном докладе Банка России «Использование в надзорной практике Банка России мотивированного (профессионального) суждения» отмечено, что это суждение – «аргументированная профессиональная оценка регулятора, применяемая в ополнении к формализованным требованиям или при их отсутствии, которая основана на анализе совокупности качественных и количественных показателей и приоритете экономического или фактического содержания над юридической формой» [Использование в надзорной практике..., 2017. С. 3]. Соответственно, при его оценке Банк России оставляет за собой монопольное право на реализацию надзорных полномочий в отношении поднадзорных организаций при отсутствии с их стороны формальных нарушений требований законодательства.

Поэтому в любой момент в отношении любой поднадзорной организации, выполняющей предписания регулятора, Банк России может ввести любые принудительные меры, если посчитает, что в таких областях, как «определение связанных сторон и групп», «допуск организаций на финансовый рынок», «оценка активов и обязательств», «оценка исполнения фидуциарной обязанности», «оценка качества систем управления рисками и внутреннего контроля», могут возникнуть риски финансовой нестабильности. При этом расширение сферы применения мотивированного суждения должно опираться на «высокий уровень профессионализма и ответственности за результаты специалистов Банка России [там же. С. 34]. Но вопрос лишь в том, а кто будет определять и гарантировать этот высокий уровень профессионализма и ответственности самих специалистов Банка России?

Не удивительно, что в таких жестких рамках надзора банкам совсем не до кредитования, а лишь до выживания. Поэтому они начинают тратить много времени и собственных средств на выполнение и обслуживание все возрастающих требований регулятора¹². В противном случае банки могут потерять лицензию и уйти с рынка банковских продуктов и финансовых услуг. Но и это не спасает, операционные издержки растут, и банки вынуждены уходить с рынка. Так, по оценкам лаборатории финтех-инноваций «Accenture», в настоящее время ведущие банки в мировой экономике на выполнение требований и предписаний регуляторов тратят до 70 центов на один долл. операционных затрат [Чиштин, Барберис, 2017. С. 295]. Поэтому оставшиеся банки стремительно укрупняются, национализируются, чтобы остаться на рынке, выиграть на господдержке и экономии от масштаба. Они меняют модель бизнеса, переориентируя свою деятельность на обслуживание госдолга и государственных закупок.

¹⁰ www.banki.ru/news/lenta/?id=10110987.

¹¹ Там же.

¹² Так, например, на IV Международном форуме Финансового университета «Что день грядущий нам готовит?» председатель правления ВТБ Андрей Костин заявил, что «абсолютно новый набор механизма банковского надзора серьезно ужесточил требования к капиталу, удорожил банковское обслуживание, увеличил затраты банков на капитал и на резервы. Банки перестали играть роль моторов, двигателей экономического роста, что непосредственно сказывается на уровне развития». См.: www.banki.ru/news/lenta/?id=10137332.

Более того, в условиях централизации надзора современные банки (в первую очередь, системно значимые) с удовольствием идут на санацию¹³, не пытаются ускорить переход к модели открытого банкинга, способного быстро и качественно развернуться к потребностям и нуждам субъектов реальной экономики. В условиях новейших IT-технологий такой разворот позволил бы банкам через разветвленную сеть сторонних разработчиков-новаторов изменять и поддерживать свой основной бизнес, создавать у себя принципиально новые бизнес-модели, способные выстоять в конкуренции на рынке, снижать издержки и генерировать во внешнюю среду новые финансовые продукты (услуги) и получать дополнительные источники дохода [Андрюшин, 2017. С. 31–32]. Но данные изменения возможны только в условиях открытых децентрализованных денежных систем.

5. Децентрализованные денежные системы

Децентрализованная денежная система – это система, основанная на публичных и частных цифровых валютах, эмитируемых в обращение участниками распределительной пиринговой сети в рамках публичного и частного (и частично – закрытого или ограниченного для пользователей) блокчейна без участия центрального банка в качестве эмиссионного центра и надзорного органа (регулятора) и различных институтов финансового посредничества.

Они кардинально меняют существующую парадигму функционирования денежных систем в мире. Особенности этих изменений – неопределенность места национального государства в новой системе, бурное перераспределение капиталов в пользу пользователей децентрализованной публичной сети, криптовалютных инвесторов, майнеров и стартаперов. Никто до сих пор до конца не представляет, какой в будущем будет новая система и в какой степени на происходящие изменения она может влиять. Поэтому перед международными организациями и государственными органами разных стран стоит непростой выбор: понять эти изменения, изучать их и адаптироваться к ним или, напротив, активно противостоять новым тенденциям, централизуя все процессы эмиссии денег, генерируемых в распределенной сети с открытым кодом.

Некоторые страны пошли по пути полного запрета всего криптовалютного рынка (Сальвадор, Индонезия, Вьетнам) либо отдельных его аспектов (Китай, Южная Корея). Отдельные страны, такие как Япония, Германия, Австралия, напротив, показали свою открытость переменам и легализовали в своей денежной системе продукты децентрализованного крипторынка. Но большинство стран пока занимает выжидательную позицию, понимая, что поспешные и ошибочные решения могут лишить их инициативы в этом процессе, а правильные, наоборот, – вывести в лидеры.

В последнее время под особый шквал критики современных «крипто-евангелистов» попали традиционные подходы денежной теории. В открытом доступе стали появляться публикации в защиту цифровых валют как нового вида денег, способного заменить фиатные и электронные в современной экономике [Barrdear, Kumhof, 2016; Cleland, 2017; He Dong et al. 2016; National risk assessment, 2017]. Цифровая валюта в них определена как альтернативная форма, обращающаяся, хранимая и создаваемая в онлайн и не имеющая физической формы. Например, определение, данное European Banking Authority (ЕВА), звучит так: цифровая валюта – это «цифровое представление стоимости, которую не эмитируют ни центральный банк, ни общественный орган, и которая

¹³ На 1 ноября 2017 г. совокупный объем средств, выделенных или заявленных к выделению со стороны Банка России на ликвидацию проблем в банковском секторе, составляет уже порядка 3,0 трлн руб. См.: www.banki.ru/news/daytheme/?id=10113951.

необязательно относится к неполноценным деньгам, так как принимается физическими и юридическими лицами в качестве средства платежа, может переводиться, храниться и торговаться в электронной форме»¹⁴.

К цифровым валютам также относятся и криптовалюты, среди которых в настоящее время по уровню рыночной капитализации особо выделяются такие, как Bitcoin (BTC), Ethereum (ETH), Ripple (XRP), Bitcoin Cash (BCH), Cardano (ADA), NEM (XEM), Litecoin (LTC), Stellar (XLM), NEO (NEO), IOTA (MIOTA), EOS (EOS), Dash (DASH) и Monero (XMR). Многие из них генерируются майнерами, валидируются консенсусом пользователей в децентрализованной сети с использованием криптографии (хеширования, цифровых подписей, временных меток, публичных и частных ключей) в качестве средства защиты от несанкционированного доступа к реестру или журналу записей сети. При этом сами участники (узлы сети, на которых установлено соответствующее программное обеспечение и которые совместно ведут распределенные базы данных) не обязательно доверяют друг другу, но имеют доступ ко всей базе данных (истории всех транзакций), тем самым обеспечивая повышенную операционную устойчивость всей сети в целом.

Вместо централизованной эмиссии в их основе задействована децентрализованная, генерируемая нодами (полными узлами) в распределенной сети с использованием по преимуществу или всей имеющейся мощности компьютеров сети (PoW), или количества монет, находящихся в электронных кошельках пользователей (PoS). В основе такой генерации находится технология публичного (открытого) или закрытого (ограниченного для пользователей) блокчейнов, которые по-разному решают вопросы функциональной совместимости, операционных расходов, сетевого эффекта, конфиденциальности данных, масштабируемости транзакций и контроля за ними в распределенной сети. Например, в закрытом блокчейне допуск участников ограничен и регламентирован согласно правилам сети. Статус участников, ответственных за валидацию, закреплен за определенными контрагентами (оракулами). Это свидетельствует о наличии в сети некоторой централизации или инстанции, управляющей ее правилами, что расходится с правилами консенсуса децентрализованной публичной сети.

Криптовалюты для централизованной денежной системы – вызов, несущий в себе большую угрозу для существования фиатных (бумажных и электронных) денег. Осознавая это, многие центральные банки в настоящее время оказались перед непростым для себя выбором: «разрешить» или «запретить» криптовалюты в денежном обращении. Например, глава Народного банка Китая Чжоу Сяочуань считает, что фиатные деньги могут устареть, но властям не стоит спешить с выпуском криптовалюты¹⁵.

Но наиболее продвинутые и стратегически мыслящие регуляторы (как, например, Банк Японии, Банк Канады или Национальный банк Республики Беларусь), поспешившие легализовать криптовалюты в денежном обращении, хорошо осознают возможные проблемы. Трудности, с которыми в ближайшее время может столкнуться регулятор (центральный банк), запретивший использование криптовалюты в обращении, связаны с тем, что невозможно регулировать то, на что ты, как регулятор, воздействовать не в состоянии.

В настоящее время вопрос легализации биткойна и прочих криптовалют активно поднимается во многих странах. Тот же биткойн официально признан уже в Японии, Канаде, Великобритании, Германии и ряде других государств. Например, жители Японии (с 1 апреля 2017 г.) и Беларуси (с 28 марта 2018 г.) могут использовать его в качестве легального платежного средства на всей территории своих стран.

Американский инвестор, миллиардер, гуру венчурного бизнеса и криптоэнтузиаст Тим Дрейпер в ходе беседы с основателем стартапа Lendex.io, финтех-предпри-

¹⁴ www.eba.europa.eu/documents/10180/657547/EBA-Op-2014-08+Opinion+on+Virtual+Currencies.pdf.

¹⁵ cryptocurrency.tech/glava-tsb-kitaya-vlastyam-ne-stoit-speshit-s-vypuskom-kriptovalyuty.

нимателем из Казахстана Алексеем Сидоровым, на наш взгляд, точно подметил суть сегодняшних дискуссий, заявив, что все государства, которые открыты для криптовалюты, смогут воспользоваться всеми их преимуществами с точки зрения развития своей экономики, и напротив, государства, которые отвергают их, окажутся в серьезном проигрыше¹⁶.

Бумажные и электронные деньги, как в свое время товарные и металлические, постепенно будут выходить из обращения, становясь для всех субъектов экономики излишними «фантиками». Им на смену придут криптовалюты, которые по мере повышения своей легализации в национальных экономиках будут становиться все более ликвидным денежным активом. Поэтому криптовалюты в течение ближайших 5–10 лет обязательно займут свою функциональную нишу, органично вписавшись в стройный эволюционный ряд видов и форм мировых денег, существующих на протяжении уже более пяти тысяч лет.

6. Кризис глобальной якорной валюты

После распада Бреттон-Вудской валютной системы в 1971 г. прошло уже сорок шесть лет. За это время золото было низведено до статуса обычного товара, а функцию меры стоимости (единицы счета) стал выполнять доллар США. Все страны получили право выбора режима обменного курса – сначала фиксированного, а затем плавающего, привязанного к доллару США или корзине ключевых валют, – в наибольшей степени отвечающего потребностям развития национальной экономики.

Однако с отменой золотодевизного стандарта мировая экономика не стала стабильней. Она была ввергнута в череду экономических и финансовых рецессий, число которых стремительно росло. За период 1970–2009 гг. в мире произошло 84 рецессии, из них только 14 было вызвано финансовым кризисом. При этом последний из них превзошел все ожидания международных экспертов, цена его купирования превысила 25% ВВП (почти на 5 п.п. больше среднего исторического показателя за указанный период) [An assessment of financial sector, 2009. Pp. 1, 2; Blanchard, 2009. Pp. 3, 4].

Проекты реформирования мировой валютной системы, предложенные МВФ и БМР, не в состоянии были повысить ее стабильность. Все они не решают ни одной фундаментальной проблемы, связанной с выбором ключевой денежной единицы, которая могла бы выступать в качестве эквивалента меры стоимости (единицы счета). Нужна именно такая денежная единица, которая смогла бы запустить механизм автоматического регулирования обменного курса национальных валют в мировой экономике. Поэтому не удивительно, что современная мировая экономика перенасыщена финансовыми дисбалансами, которые невозможно исправить в рамках действующей международной валютной системы [Уайт, 2015. С. 44].

Доллар США, претендующий в настоящее время на такую роль в мировой валютной системе, не может запустить механизм автоматического регулирования обменного курса национальных валют. Рост глобальных дисбалансов, ввиду возникших диспропорций между торговыми и финансовыми рынками различных стран, вызванных разными по типу потоками капиталов, периодической переоценкой активных и пассивных операций международных финансовых посредников и центральных банков, происходит в основном по причине стремительного снижения покупательной способности главной ключевой валюты – доллара США.

При этом обесценение доллара США в отдельные периоды бывало довольно ощутимым, особенно во время экономических и финансовых кризисов. Это вынуждало другие

¹⁶ forklog.com/milliarder-tim-drejper-lyudyam-nuzhna-informatsiya-o-kriptovalyutah-a-negosregulirovanie.

страны проводить периодические девальвации своих валют, как ответные меры против обесценения доллара США, способствуя тем самым «раздуванию» рыночной стоимости своих региональных ВВП. Например, шведская крона с января 1992 по декабрь 1993 г. была девальвирована по отношению к доллару США на 40%; турецкая лира с января по декабрь 2001 г. – на 60%; английский фунт стерлинга с марта 2008 г. по март 2009 г. – на 35%; венгерский форинт с июля 2008 г. по декабрь 2009 г. – на 43% и евро с апреля 2008 г. по июнь 2010 г. – на 25% [Global Financial Stability Report ..., 2012. P. 14].

Именно поэтому доминирование доллара как основной глобальной (якорной) валюты в мировой валютной системе стало подвергаться серьезному сомнению, особенно со стороны быстро развивающихся азиатских стран и в первую очередь Китая. Так, в 2005 г. глава Народного банка Китая заявил о необходимости формирования более адекватной мировой валютной системы, которая должна опираться на расширительную палитру национальных валют, играющих значительную роль во внешнеторговых оборотах [Ma Guonan, McCauley, 2010. P. 1]. Возникновение такой системы с расширением перечня национальных валют в корзине СДР, по мнению ряда экспертов, может стать источником стабилизации в мировой экономике [Farhi, Gourinchas, Rey, 2011]. Но такие решения невозможны без компромиссов, требующих существенных уступок со стороны США, на которые ФРС вряд ли когда-либо согласится.

Поэтому неудивительно, что многие страны с формирующимися рынками после финансового кризиса 2008 г. стали активно наращивать долю монетарного золота в общем объеме своих золотовалютных резервов. Так, например, Россия в последние годы резко увеличила свой золотой запас. В настоящее время, 2/3 добытого в России золота покупается Банком России. Это привело к тому, что с начала 2017 г. доля монетарного золота в золотовалютных резервах страны резко выросла – с 13,2% до 17,3%, до 1800,0 т (на 1 ноября). С ноября 2017 г. Банк России начал покупать драгоценный металл на Московской бирже, которая планирует в следующем году запустить поставочный фьючерс на золото. Другие страны с формирующимися рынками (Турция, Мексика, Филиппины, Таиланд, Казахстан и др.) тоже не отстают. Но в чем причина такого наращивания золотого запаса, если мировые цены на золото, начиная с 2011 г. резко пошли вниз?

Объяснение очень простое – монетарное золото в условиях фиатной денежной системы остается пока единственным реальным денежным активом в мире, не подверженным сильной волатильности. В настоящее время ни доллар, ни евро, ни юань (в перспективе), согласно «дилемме Триффина» [Triffin, 1960. Pp. 87–89], не смогут выступать встроенным стабилизатором финансовой стабильности. Более того, любая из этих валют не в состоянии быстро и качественно выполнять функции мировых денег ввиду стремительного наращивания государственного (общественного) долга и наличия роста дефицита платежного баланса в своих странах. Отсюда понятен вновь возникший интерес в мире к монетарному золоту, приведшему к расширению этого рынка финансовых активов и стремительному накоплению отдельными странами золотого запаса. При этом, по мнению британского Old Mutual Gold & Silver Fund, под управлением которого в настоящее время находится активов в драгоценных металлах на 220 млн долл., роль золота как мировых денег в системе международных расчетов усилится, если решить проблемы делимости и скорости его передачи между субъектами экономики¹⁷.

На наш взгляд, в условиях цифровой экономики монетарное золото уже не следует пытаться рассматривать в качестве объекта мировых денег. Этот статус им давно утрачен. После отказа стран мировой экономики от золотодевизного стандарта в 1971 г. оно преимущественно стало выступать в роли промышленного товара. Монетарное золото как гло-

¹⁷ forklog.com/mnenie-bitkoin-vernet-zolotu-status-mirovyh-deneg.

бальный финансовый актив – это уже прошедший этап эволюции мировых денег. В настоящее время нет никаких серьезных оснований, объективных причин, чтобы вернуть ему статус мировых денег. Более того, ведущие центральные банки уже давно не рассматривают монетарное золото в качестве ликвидного актива, связанного с хеджированием валютных, процентных и прочих рисков.

Статус мировых денег в ближайшем будущем, по мнению некоторых экспертов, скорее всего закрепится за биткойном, который после своей легализации во многих странах будет иметь все основания выступать в качестве глобальной цифровой валюты. Так, глава Twitter Джек Дорси считает, что уже через десять лет биткойн обойдет по своей востребованности доллар США и станет наиболее актуальной в мире валютой, которой будут пользоваться миллиарды пользователей. Об этом он заявил в своем интервью британскому изданию «The Times»¹⁸. Член совета директоров Facebook* и один из основателей PayPal Питер Тиль также уверен, что биткойн всегда будет доминирующей криптовалютой. Об этом он сообщил на мероприятии Economic Club of New York¹⁹.

7. Биткойн как глобальная криптовалюта

В современном цифровом мире биткойн является самой высококапитализированной цифровой валютой (22 марта 2018 г. в 17:00 доля его капитализации в капитализации всего крипторынка составляла 44,4%). Он эмитируется в децентрализованной распределенной сети компьютеров рядовых пользователей (полных нод) без участия центрального банка или какого-либо другого финансового посредника. Свою максимальную рыночную капитализацию он достиг 8 декабря 2017 г. – 285,5 млрд долл. Однако в результате давления со стороны регуляторов США, Китая, стран ЕС, связанного с запретами обращения и ужесточения регулирования криптобирж (особенно начиная с декабря 2017 г.) и активизации заказной серии спекулятивных форков, в сети биткойна²⁰ произошло заметное снижение его рыночной капитализации. На 22 марта 2018 г. она составила (17:00) 146,53 млрд долл., т.е. за 4 месяца сократилась почти в два раза.

Биткойн как базовый протокол децентрализованной сети пользователей, скорее всего, следует идентифицировать как цифровой аналог золота (золото киберпространства), а не представлять в качестве улучшенной версии платежных систем PayPal, Visa или

¹⁸ cryptocurrency.tech/ceo-twitter-dzhek-dorsi-mir-bridet-k-edinoj-valyute-i-eto-bitkoin.

¹⁹ forklog.com/soosnovatel-paypal-bitkoin-navsegda-ostanetsya-glavnoj-kriptovalyutoj.

²⁰ Государственными спецслужбами для дискредитации биткойна и прочих криптовалют в начале декабря 2017 г. была запущена очередная новая версия трояна Quant, способная атаковать криптовалютные кошельки. В прошлом году Quant использовался злоумышленниками для распространения вредоносного ПО Locky Zepto и Pony. В этом году свежая версия Quant обладает рядом новых функций. В частности, в трояне появился набор вредоносных файлов, загружаемых на зараженное устройство по умолчанию. Первый из них (bs.dll.c) позволяет похищать криптовалюту. Второй (sql.dll.c) представляет собой библиотеку SQLite, необходимую для работы третьего файла (zs.dll.c), позволяющего завладеть учетными данными жертвы. Bs.dll.c (известный также как MBS) представляет собой библиотеку, позволяющую сканировать директорию Application Data для выявления криптовалютных кошельков. Обнаруженные данные программа отправляет на C&C-сервер злоумышленника. Троян атакует только офлайн-кошельки, которые, в частности, поддерживают криптовалюты биткойн (среди них MultiBit и Electrum), а также Terracoin (TRC), Peercoin (PPC) и Primecoin (XPM). Так называемый Z*Stealer (zs.dll.c) способен похищать учетные данные приложений и операционной системы. После завершения сканирования украденные учетные данные передаются на C&C-сервер с помощью HTTP POST-запроса. Z*Stealer может использоваться для хищения учетных данных в сетях Wi-Fi, браузере Chrome, почтовых клиентах Thunderbird и Outlook Express. При этом новая версия Quant содержит функцию спящего режима, позволяющую избежать ее обнаружения антивирусами. См.: forklog.com/novaya-versiya-troyana-quant-nauchilas-atakovat-kriptokoshelki.

MasterCard²¹. Последние относятся к чисто централизованным сетям. Биткойн, как и монетарное золото: а) функционирует как мера стоимости (или единица счета); б) обладает исключительной внутренней стоимостью; в) представляет особую категорию цифрового хозяйства; г) при помощи масштаба цен соизмеряет различные активы, товары и услуги.

Наличие общественного консенсуса позволяет биткойну выступать в качестве меры стоимости (единицы счета) для соизмерения всех сделок в экономике. Стоимость биткойна – это универсальная форма учета базы данных, некий регистр, по которому каждый пользователь может легко отследить стоимость своих и чужих транзакций в распределенной сети. Цифровая природа обеспечивает биткойну статус успешной валюты, его подлинность можно элементарно проверить по всем транзакциям, которые навсегда прозрачны, сохраняются в распределенном реестре в открытом доступе для всех участников сети.

Биткойн является очень удобным денежным активом для хозяйствующих субъектов, принимаемым без ограничений в обмен на товары и услуги, а также при погашении долговых обязательств. В настоящее время рыночный спрос на биткойн очень велик, несмотря на запретительные инициативы многих национальных правительств и центральных банков. Биткойн – это совсем не «тюльпановый пузырь» с «эффектом виагры» и наличием большого «факапа». Подобные ярлыки, как правило, навешивают оголтелые критики, которые совершенно не понимают данный денежный актив и его функциональные перспективы. 22 марта 2018 г. (17:00) средневзвешенный курс биткойна составил 8 653,4 долл., зафиксировав самый низкий уровень дневного минимума после 8 декабря 2017 г. (20 000 долл.). И хотя на этом рынке в настоящее время преобладают короткие позиции (игра на понижение), постепенный рост биткойна уже не за горами. Аналитик с Уолл-стрит и сооснователь Fundstrat Global Advisors Том Ли уверен, что до конца 2018 г. цена биткойна вырастет более чем в два раза и составит порядка 25 тыс. долл., а к 2022 г. монета, скорее всего, будет стоить 125 тыс. долл.²² Вероятно, биткойн вступает в период нового восходящего тренда, несмотря на имеющееся сопротивление со стороны «медведей», ведущих центральных банков и международных регуляторов (МВФ, Мирового банка и БМР), несколько сдерживающих его.

Наличие определенных затрат на создание денежного актива позволяет биткойну иметь свою внутреннюю стоимость. Размер (оценка) этой стоимости определяется и подтверждается консенсусом участников (концентрирующих более 50% мощности сети) в процессе валидации (соглашения об обновлении информации в реестре и утверждении изменений) вновь созданного блока в распределенной сети. Данная стоимость создается в процессе произведенных затрат, связанных с определенными компьютерными вычислениями. Эти затраты несут программисты (создающие платформы, сервисы, приложения) и майнеры, предоставляющие свои вычислительные ресурсы для верификации адресов и записи новых транзакций в распределенный реестр децентрализованной сети.

Одновременно все расчетные данные о получении очередного биткойна находятся в Интернете в свободном доступе. Сформированная по определенным правилам цепочка блоков транзакций (формируемая с помощью хэш-функции) опирается на сеть всех участников, каждый из которых старается первым сгенерировать новый блок в распределенной сети. Первый, кто это делает, получает порцию новых «отчеканенных» биткойнов в виде так называемого приза биткойна (сейчас – это 12,5 биткойнов).

²¹ Хотя данные компании вложили много времени и средств в технологию блокчейн, их трудно назвать поклонниками виртуальных валют. Это стало еще более очевидно, когда MasterCard и Visa классифицировали покупку криптовалют как снятие наличных денег. В результате покупка биткойна и других криптовалют при помощи кредитных карт стала обходиться дороже. При этом проценты на этих картах начинают начисляться сразу же, так как льготный беспроцентный период для таких транзакций не предусмотрен. См.: cryptocurrency.tech/mastercard-otkryta-k-ispolzovaniyu-kriptovalyut-no-s-odnim-usloviem.

²² forklog.com/tom-li-k-2022-godu-bitkoin-dostignet-otmetki-v-125-tysyach.

Экспертами установлено, что 1 биткойн в будущем может вырасти до 500 тыс. долл. США. Отсюда становится понятно, почему биткойны так интересны спекулянтам: с одной стороны – своей сильной волатильностью (в условиях неопределенности и отсутствия стандартов в регулировании), а с другой – своей невозвратностью, т. е. односторонней направленностью движения транзакций. При этом эти криптовалюты обеспечиваются уже не правительственными гарантиями (как у фиатных денег), а «информационным депозитом», формируемым через неизменяемость и неудаляемость информации о клиенте, его транзакциях в распределенной сети [Чиштин, Барберис, 2017]. В этом и состоит ключевая привлекательность блокчейна как одноранговой пиринговой сети, в которой каждый узел (нода) имеет копию цепочек всех блоков и равные условия (возможности) для доступа к программному коду и обеспечению децентрализованной сети.

Высокая степень защищенности биткойна от подделок позволяет данному активу выступать средством сбережения (накопления). Биткойн добывается в сети в процессе компьютерных расчетов по специально разработанному математическому алгоритму при наличии у пользователей специальных криптографических ключей (открытого и закрытого) и цифровой подписи. Последние позволяют каждому участнику сети контролировать свои биткойны, их можно отправлять и получать с помощью электронного кошелька через веб-браузер или приложение, установленное на персональном компьютере или мобильном устройстве. При этом ни регулятор, ни правительство не могут заблокировать биткойн-адрес пользователя или помешать ему совершить любые транзакции цифровых монет со своего биткойн-счета.

Биткойны не анонимны, и это вряд ли является для кого-то новостью. Они псевдонимны и записаны в глобальном публичном блокчейне, что позволяет таким сервисам, как Chainalysis, CoinValidation и Elliptic, сделать эту псевдонимность весьма хрупкой. Конечно, такие решения, как MimbleWimble и Mixcoin, могут изменить ситуацию, но на сегодняшний день расклад не в пользу любителей анонимности. Обычно используемые серверы вряд ли могут сейчас гарантировать неотслеживаемость транзакций в сети²³.

Эластичность предложения биткойна зависит не от монопольной эмиссии центрального банка, а от децентрализованной эмиссии (добычи биткойнов) майнеров – участников распределенной пиринговой сети. При этом уровень спроса на деньги со стороны субъектов экономики, как и у обычного монетарного золота, будет ограничен объемами добычи золота (в нашем случае цифрового), предельный размер которого не может превышать 21,0 млн BTC (так решил Сатоши Накамото²⁴). В настоящее время (на 22 марта 2018 г.) уже «добыто» свыше 16,93 млн биткойнов.

По мере расширения легализации географии биткойна возможности его использования в качестве средства уплаты налогов и сборов в бюджетную систему любой страны будут неуклонно возрастать. Этому будут содействовать легализации в национальных экономиках биткойна, а также его легкая подверженность делению на части: на миллибиты (одна тысячная биткойна), биты (одна миллионная биткойна) и сатоши (одна стомиллионная биткойна, 1 Satoshi). Поэтому вряд ли к 2025 г. (когда планируется добыть последний биткойн) в мировой экономике возникнет ситуация, когда дальнейшее расширение спроса на эти цифровые деньги станет невозможным.

Более того, перевод единицы счета биткойна на сатоши едва ли приведет к ожидаемой дефляции, а значит, к падению цен, банкротству компаний и банков. Напротив, в долгосрочной перспективе следует ожидать достижения необходимого уровня финансовой

²³ forklog.com/bez-koshelka-i-interneta-polnostyu-anonimnye-nalichnye-budushhego.

²⁴ Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto) является отцом-основателем биткойна. В своей статье «Биткойн: одноранговая система электронной наличности», опубликованной 9 января 2009 г., он впервые изложил концепцию и математический алгоритм функционирования этой цифровой валюты.

стабильности, которую биткойн вместе с отдельными альткойнами (такими как Ethereum, Litecoin, Dash, Monero и др.) будет обеспечивать во всех наиболее значимых сегментах мировой экономики. Поэтому в обозримой перспективе (к 2025 г.) биткойн, скорее всего, станет основным триггером макроэкономической и финансовой стабильности в мире.

Таким образом, все перечисленное выше позволяет считать биткойн глобальной цифровой валютой, способной при расширении географии своей легализации заменить в качестве единицы счета и платежа ведущие ключевые валюты (такие как доллар США, евро, иена) и монетарное золото. В результате в экономике могут принципиально поменяться способы создания, владения и передачи реальных финансовых активов, а также их цифровизация в связи с переходом всех стран мировой экономики на национальные криптовалюты.

8. Национальные криптовалюты

Возникновение популярных криптовалют, таких как биткойн или эфириум, и наличие сетевого эффекта от использования децентрализованных блокчейн-технологий побуждают центральные банки некоторых стран уже сейчас задумываться о выпуске в обращение своей собственной криптовалюты. Однако эмпирического материала, который мог бы помочь регуляторам понять издержки, а также тех или иных проявлений сетевых эффектов, возникающих при переходе на государственную криптовалюту, пока еще недостаточно.

В настоящее время очень трудно оценить возможные риски и последствия, с которыми центральный банк может столкнуться при проведении своей монетарной политики в условиях такого перехода. Более того, Банк международных расчетов в своем официальном отчете предупредил все центральные банки о том, что они в случае выпуска в обращение своих криптовалют рискуют поставить под угрозу стабильность всей глобальной финансовой системы [Central bank digital currencies..., 2018. Pp. 16–17].

Но все же национальные криптовалюты стали появляться²⁵, и этот процесс уже никому не остановить. Поэтому с учетом накопленного опыта в области функционирования публичных и частных криптовалют, развития блокчейн-технологий, лежащих в основе функционирования тех или иных криптоплатформ, лучше уже сейчас хорошо разобраться в некоторых возможных трендах перехода стран на свои национальные криптовалюты и даже спрогнозировать их. Так, в отличие от биткойна, генерируемого в обращение всеми пользователями децентрализованной сети публичного блокчейна, криптовалюта центрального банка, по мнению некоторых экспертов, мыслится как цифровая валюта, эмитируемая в системе закрытого блокчейна (или без него) и полностью подконтрольная центральному банку.

Такая криптовалюта будет подобна наличным деньгам [Engert, Fung Ben, 2017], гарантируя универсальный, электронный эквивалент банкнот, номинированный в национальной валюте. Она позволит бизнесу и домашним хозяйствам держать свои балансы в криптоденьгах центрального банка и платить друг другу в режиме реального времени с полным и окончательным расчетом в электронной форме [Barrdear, Kumhof, 2016. P. 3]. При этом центральный банк обязан будет вести и поддерживать все копии реестра денежных транзакций сам, привлекая к сотрудничеству, в случае острой необходимости, общественные и частные организации.

²⁵ 20 февраля 2018 г. в Венесуэле была запущена национальная криптовалюта El Petro. На начало марта под нее было привлечено свыше 3 млрд долл. и проведено 171 015 сертифицированных покупок с участием инвесторов из 127 стран мира. В основном El Petro покупали за доллары США (40,8%), часть средств поступила в виде биткойнов (33,8%), Ether (18,4%), евро (6,5%) и китайских юаней (0,2%). См.: cryptocurrency.tech/el-petro-privlekla-za-nedelyu-3-mlrd-investitsij.

В процессе эмиссии центральный банк будет обменивать свою криптовалюту на фиатные деньги, а также гарантировать ее использование любым финансовым посредником и правительству (посредством разнообразных дивайсов, включая персональные компьютеры, планшеты, мобильные телефоны с выходом в Интернет), имеющим счета в нем. Ожидается, что криптовалюта центрального банка сможет с меньшими издержками поддерживать ликвидность банков и корпораций (в том числе и неплатежеспособных), обеспечивать финансовую стабильность и стимулировать внутренний совокупный спрос.

В первую очередь использование государственной криптовалюты следует ожидать в системе розничных и оптовых платежей. Предполагается, что в системе розничных платежей криптовалюта вследствие более низких издержек сможет вытеснить наличные деньги из обращения (или дополнить их). Одновременно также ожидается, что криптовалюта центрального банка будет способствовать активному развитию онлайн-платежей в силу эффекта псевдоанонимности пользовательского кошелька, а также низкого размера (или его отсутствия) банковской комиссии по розничным сделкам в криптовалюте.

Оптовые платежи в криптовалюте по сравнению с традиционными банковскими платежами в электронной форме скорее всего будут более эффективными, так как они станут совершаться в условиях открытого доступа, позволяя пользователю распределенной сети осуществлять свои крупные (валовые) платежи быстро в режиме реального времени. При этом агентам сети в период возникшего кризиса ликвидности будет предоставляться возможность обменивать свои традиционные активы на криптовалюту центрального банка через лицензированные криптобиржи (например, продавая свои облигации за криптовалюту) или межбанковский рынок, позволяя конвертировать депозиты коммерческих банков, номинированные в фиатной валюте, на государственную криптовалюту по установленному обменному курсу.

Некоторые эксперты утверждают, что наличие на балансе центрального банка значительного объема криптовалюты может способствовать повышению эффективности операционного режима процентной политики за счет увеличения спроса на его пассивы, например, обязательства в виде облигаций правительства. При прочих равных условиях такие изменения способны привести к росту цены облигаций правительства (Минфина), одновременно снижая дисконтные процентные ставки по этим бумагам, тем самым сокращая предельные издержки фондирования правительства или госбанков на рынке денег и капитала [ibid. Pp. 9–10].

Таким образом, государственные криптовалюты, согласно существующим экспертным оценкам, могут сгенерировать в экономике некоторые системные эффекты, повысить результативность монетарной политики и с меньшими издержками добиться ценовой и финансовой стабильности. В то же время использование их связано с решением важных и комплексных вопросов, которое необходимо еще только найти. Поэтому в настоящее время центральные банки не должны спешить с централизацией крипторынка, усилением регулирования инструментов и механизмов зарождающейся децентрализованной денежной системы с открытым кодом. Сначала необходимо оценить «плюсы» и «минусы» этой новой денежной системы и понять, какие усилия необходимо еще предпринять, что повысить эффективность ее функционирования.

9. Крипторубль: возможные сценарии

До недавнего времени Россия занимала весьма осторожную позицию наблюдателя по организации эмиссии собственной криптовалюты (крипторубля). Но в конце 2017 г. в связи с появлением законопроекта о регулировании цифровых финансовых активов (в двух версиях – Минфина России и Банка России) идея о национальной криптовалюте

перешла в практическую плоскость, перестала быть объектом исследований отдельных энтузиастов и криптоанархистов. Ниже перечислены варианты возможных решений организации процесса эмиссии крипторубля, которые высказали отдельные эксперты, обсуждая вышеназванный законопроект Минфина и Банка России в пресс-центре ИА «Росбалт»²⁶.

Первое, что отметили все участники дискуссии, это то, что крипторубль не является заменой традиционному рублю, он его лишь дополняет (валюты будут существовать совместно). Но дальше мнения участников разделились, особенно по вопросу, что должна представлять собой национальная криптовалюта.

По мнению директора РАКИБ Арсения Щельцина, России при выборе оптимальной формы лучше всего ориентироваться на один из трех возможных вариантов крипторубля:

- ▶ как прослойки между традиционными валютами и всеми другими криптовалютами, что позволяет процесс конвертации валют сделать более прозрачным;
- ▶ как электронной метки, используемой в госзакупках для лучшей транспарентности денежных потоков;
- ▶ как финансового актива для быстрых взаиморасчетов между странами ЕАЭС.

Выпуск национальной криптовалюты, по мнению блокчейн-консультанта и исследователя криптовалют Дениса Смирнова, скорее будет похож на эмиссию национальной валюты, чем на выпуск биткойнов. В отличие от эмиссии криптовалют в условиях децентрализованных платформ эмиссия крипторубля будет более централизованной и с возможностью дополнительного выпуска. При этом оптимальным для крипторубля эмиссионным механизмом скорее всего будет российская платформа «Мастер-Чейн», которая в 2016 г. была разработана Ассоциацией «Финтех».

Многие эксперты считают, что преимуществом крипторубля перед фиатным станут быстрые транзакции с низкой комиссией, но без эффектов децентрализации и анонимности. Вряд ли кто-либо (гражданин или компания) без согласия центрального банка сможет подключиться к эмиссионной платформе и начать самостоятельно майнить крипторубль. Более того, самого майнинга скорее всего не будет, а если и будет, то к нему будут допускать только государственные структуры, работающие под жестким контролем Банка России. При этом эффект анонимности будет потерян изначально, так как обращение крипторубля будет разрешено только на официальных лицензированных биржах, где все транзакции четко фильтруются и контролируются.

Скорее всего, в ближайшее время центральный банк несколько смягчит свою первоначальную позицию, связанную с операциями с некоторыми криптовалютами, в частности, с крипторублем. Но по-прежнему он категорически будет против допуска на рынок криптовалют рядовых потребителей (вплоть до уголовной ответственности). Крипторубль, после официального ввода в оборот, обращаться будет только на межгосударственном или межбанковском уровнях. Основная цель – увеличить скорость транзакций внутри ЕАЭС и создать межгосударственное универсальное средство платежей внутри него.

При любом варианте, сценарии организации эмиссии крипторубля может оказаться и так, что блокчейн центральному банку будет не нужен. Но тогда крипторубль ничем не будет отличаться от электронных фиатных денег. Какой смысл в такой замене? Объяснение очень простое – сейчас очень выгодно оперировать такими модными словами, как «блокчейн» и «крипто». Поэтому если их в своей бизнес-модели использует корпорация, то она может резко нарастить свою капитализацию и получить бюджетное финансирование в рамках, например, государственной программы «Цифровая экономика». Это позволяет ей быстро найти дополнительные источники фондирования, не меняя привычной модели бизнеса и процессов, связанных с рефинансированием на рынке денег и капиталов в условиях кризиса ликвидности.

²⁶ cryptocurrency.tech/kriptorubl-budushhee-ne-dlya-vseh.

Выводы

Финансовый кризис 2008 г. показал, что эпоха централизованной денежной системы, основанной на эмиссии центральных банков, подошла к своему логическому завершению. Об этом свидетельствуют стремительный рост операционных издержек финансовых услуг, возросшая централизация надзора и сильная зарегулированность рынка финансового посредничества.

В настоящее время происходит зарождение принципиально новой пиринговой денежной системы, основанной на децентрализованной эмиссии цифровых валют; данные валюты генерируются в рамках технологии распределенного реестра (публичного блокчейна) с использованием криптографии и эффекта децентрализации как необходимых средств защиты от несанкционированного доступа к реестру или журналу записей пользователей сети.

Биткойн, являясь глобальной цифровой валютой, способен после расширения географии своей легализации в мировой экономике выступить в роли «цифрового золота» или встроенного стабилизатора финансовой стабильности; это позволит ему быстро и качественно обеспечить эластичное регулирование торговых и финансовых дисбалансов между странами и решить проблему «дилеммы Триффина» в мировой экономике.

Эмпирического опыта, способного центральному банку объективно оценить издержки и сетевые эффекты при переходе на государственную криптовалюту, еще недостаточно; монетарным органам власти следует не спешить с централизацией процессов регулирования пиринговых денежных систем, а тщательно изучать «плюсы» и «минусы» их функционирования и не имитировать достижение ложных целей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко М.М. (1872). Государственный кредит. Очерки нарастания государственного долга в Англии и Франции. Харьков: Унив. тип.
- Андрюшин С.А. (2011). Банковские системы. М.: Альфа-М.: ИНФРА-М.
- Андрюшин С.А. (2015) Кредитная активность российских банков: состояние и перспективы // Банковское дело. № 3. С. 15–23.
- Андрюшин С.А. (2017). Открытый банкинг, кредитная активность, регулирование и надзор // Банковское дело. № 6. С. 26–34.
- Андрюшин С., Кузнецова В. (2010). Центральный банк как кредитор последней инстанции: новые вопросы денежно-кредитной политики // Вопросы экономики. № 12. С. 70–81.
- Беджгот В. (1902). Ломбардстрит. Критическое исследование об организации и деятельности английского денежного рынка / Пер. с англ. издания 1892 г. СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау.
- Годовой отчет Банка России за 2016 год. (2017). М.: Банк России.
- Ефимов В. (2017). Конец алхимии финансов и суверенные деньги (О книгах М. Кинга «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики» и Й. Хубера «Суверенные деньги. За пределами банковского резервирования») // Вопросы экономики. № 12. С. 131–141.
- Идельсон В.Р. (1914). Кредит, банки и биржа / Лекции, читанные студентами экономических отделений СПб ПУ императора Петра Великого в 1913–1914 гг. СПб.: Изд-во кассы взаимопомощи студентов СПбПУ.
- Использование в надзорной практике Банка России мотивированного (профессионального) суждения (2017). Доклад для общественных консультаций. М.: Банк России.
- Кауфман И.И. (1893). Государственный долг Англии с 1688 по 1890 г. Опыт историко-статистической монографии кредитных операций, производившихся в Англии в связи с экстраординарными финансами. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К^о и бр. Пантелеевых.
- Киш С., Элькин В. (1933). Центральные банки / Пер. с англ. М.: Гос. фин. изд-во.
- Кредит и банки. Теория банковского кредита. Организация банковского дела. Банки в СССР и за границей (1929). Статьи из «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». М.: Гос. фин. изд-во СССР.
- Мизес Людвиг фон (2000). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. М.: Экономика.
- Ротбард М. (2016). Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества // Государство, деньги и центральный банк / Пер. с англ. М.; Челябинск: Социум. С. 1–113.

- Уайт У.Р. (2015). Системный сбой // Финансы и развитие. Март. С. 44–47.
- Чишми С., Барберис Я. (2017). Финтех: Путеводитель по новейшим финансовым технологиям / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер.
- Эпштейн Е.М. (1913). Банковское дело // Лекции Е.М. Эпштейна, читаемые в Московском коммерческом институте в 1909–1910 гг. 3-е изд. М.: Тип. А.Г. Розена.
- An assessment of financial sector rescue programmes (2009) // BIS Papers. July. No. 48. Pp. 1–2.
- Bagehot W. (1873). Lombard Street: A Description of the Money Market. London: Henry S., King Z. Co.
- Barrdear J., Kumhof M. (2016). The macroeconomics of central bank issued digital currencies // Staff Working Paper. 2. July. No. 605. 90 p.
- Benes J., Kumhof M. (2012). The Chicago plan revisited // IMF Working Paper. August.
- Blanchard O. (2009). The Crisis: Basic Mechanisms, and Appropriate Policies // IMF Working Papers. Wash. April. No. 80. 22 p.
- Borio C. (2015). Revisiting three intellectual pillars of monetary policy received wisdom: Speech by Claudio Borio // Bank for international settlements: Cato Institute Washington DC. 12 November. 17 p.
- Carpenter S., Demiralp S. (2010). Money, reserves and the transmission of monetary policy: does the money multiplier exist? // Finance and economic discussion series. Federal Reserve Board. May. No. 41. 55 p.
- Cecchetti S.G., Disyatat P. (2010). Central Bank Tools and Liquidity Shortages // FRBNY Economic Policy Review. Aug. Pp. 29–42.
- Central bank digital currencies. Report submitted by Working Groups chaired by Klaus Löber (European Central Bank) and Aerdts Houben (Netherlands Bank). BIS. (2018)/ Committee on Payments and Market Infrastructures. Markets Committee. March.
- Cleland V. (2017). Digital future for sterling: assessing the implications // OMFIF Global Public Investor, July, 5th. www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/article/2017/digital-future-for-sterling-assessing-the-implications-article-by-victoria-cleland.pdf.
- Engert W., Fung Ben S.C. (2017). Central Bank Digital Currency: Motivations and Implications // Bank of Canada Staff Discussion Paper. November. No. 16.
- Farhi E., Gourinchas P.-O., Rey H. (2011). Reforming the international monetary system. www.voxeu.org/article/reforming-international-monetary-system-introducing-new-report.
- Francis J. (2001). History of the Bank of England: Its Times and Traditions. Vol. I. London: Book Surge Publishing.
- Giannini C. (1999). Enemy of None but a Common Friend of All? An International Perspective on the Lender-of-Last-Resort Function // Princeton Essays in International Finance. June. No. 214. 80 p.
- Global Financial Stability Report. Restoring Confidence and Progressing on Reforms. (2012). IMF, October.
- Goodhart C., Schoenmaker D. (1995). Should the Functions of Monetary Policy and Banking Supervision Be Separated? // Oxford Economic Papers. Vol. 47. No. 4. Pp. 539–560.
- He Dong, et al.. (2016). Virtual Currencies and Beyond: Initial Considerations // IMF Staff Discussion Note. January. SDN/16/03.
- Ma Guonan, McCauley R.N. (2010). The evolving renminbi regime and implications for Asian currency stability // BIS Working Papers. September. No. 321. 18 p.
- Mahanty M.S. (2014). The transmission of unconventional monetary policy to the emerging markets // BIS Papers. No. 78. Pp. 1–24.
- McLeay M., Radia A., Thomas R. (2014). Money creation in the modern Economy // Quarterly Bulletin, Bank of England. No. 1. Pp. 4–13.
- Mishra P., Montiel P. (2012). How Effective is Monetary Transmission in Low-Income Countries? A Survey of the Empirical Evidence. IMF Working Paper. June. 47 p.
- National risk assessment of money laundering and terrorist financing (2017). www.gov.uk/government/publications.
- Pozsar Z. (2011). Institutional Cash Pools and the Triffin Dilemma of the U.S. Banking System // IMF working paper. Wash.. August. No. 190. 35 p.
- Rachel L., Smith T. (2015). Secular drivers of the global real interest rate // Bank of England Staff WP. December. No. 571. 63 p.
- Rochet J.-C., Vives X. (2004). Coordination Failures and the Lender of Last Resort: Was Bagehot Right after All? // Journal of the European Economic Association. Vol. 2. No. 6. Pp. 1116–1147.
- Thwaites G. (2015). Why are real interest rates so low? Secular stagnation and the relative price of investment goods // Bank of England Staff WP. No. 564. November. 73 p.
- Triffin R. (1960). Gold and Dollar Crisis. The Future of Convertibility. New Haven: Yale University Press.
- Werner R. (2014). How do banks create money, and why can other firms not do the same? An explanation for the coexistence of lending and deposit-taking // International Review of Financial Analysis. No. 36. Pp. 71–77.

Андрюшин Сергей Анатольевич

sandr956@gmail.com

Sergey Andryushin

doctor habilitatus in economy, professor, chief researcher of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

sandr956@gmail.com

CENTRALIZED AND DECENTRALIZED MONETARY SYSTEMS

Abstract. The article shows that the epoch of a centralized monetary system based on the emission of central banks comes to an end; the central bank is the main link in the centralized monetary system; in the conditions of the financial crisis of 2008, the functions of the central bank as the creditor of last resort were significantly expanded by changing the paradigm of the monetary mechanism; the new monetary mechanism became the main channel of money supply in the economy; the main factors of the new money supply were money central banks reserves, new Basel standards and high requirements for borrowers; the centralization of the financial market leads to a distortion of market pricing mechanism in the money market and the violation of competition in the market of financial intermediation; nowadays in the world economy we observe the emergency of a decentralized monetary system, based on private digital currencies, issued by users of distribution computer networks; the issuance of crypto-currency is carried out within the framework of the technology of public or private blockchain without any involvement of the central bank and other institutions of financial intermediation; the root of the crisis of global anchor currencies (for example, of the US dollar), which form financial and trade imbalances in the world economy is discovered. The article explains the transition of functions of the global currency to bitcoin, which is able in conditions of its wide legalization to act as an integrated stabilizer of financial stability in the world. The work considers the “pluses” and “minuses” of the central banks digital currencies and cryptorubles in particular, which influence the parameters, regimes and the level of efficiency of the state’s monetary policy and financial stability policy.

Keywords: *Banking sector, bitcoin, blockchain, monetary police, decentralized monetary system, creditor of last resort, crypto-currencies, regulation, distributed register technology, centralized monetary system, central bank.*

JEL Classification: B130, E420, E580, N200, O320.

REFERENCES

- Alekseenko M.M.* (1872). *Gosudarstvennyy kredit. Ocherki narastaniya gosudarstvennogo dolga v Anglii i Frantsii* [The state credit. Essays on the growth of public debt in England and France]. Kharkiv: Univ. tip.
- Andryushin S.* (2011). *Bankovskiy sistemnyy kompleks*. [Banking systems]. M: Alfa-M.: INFRA-M.
- Andryushin S.* (2015). *Kreditnaya aktivnost' rossiyskikh bankov: sostoyaniye i perspektivy* [Credit activity of Russian banks: condition and prospects] // *Bankovskoye delo*. No. 3. Pp. 15–23.
- Andryushin S.* (2017). *Otkrytyy banking, kreditnaya aktivnost', regulirovaniye i nadzor* [Open banking, credit activity, regulation and supervision] // *Bankovskoye delo*. No. 6. Pp. 26–34.
- Andryushin S., Kuznetsova V.* (2010). *Tsentrallyy bank kak kreditor posledney instantsii: novyye voprosy denezhno-kreditnoy politiki* [Central Bank as a Creditor of Last Resort: New Issues of the Monetary Policy Theory] // *Voprosy ekonomiki*. No. 12. Pp. 70–81.
- Bedzhot V.* (1902). *Lombardstrit. Kriticheskoye issledovaniye ob organizatsii i deyatelnosti angliyskogo denezhnogo rynka / Per. s angl. izdaniya 1896 g.* [Lombardstreet. A critical study on the organization and activities of the English money market / Trans. with English.]. SPb.: Tipo-lit. A.E. Landau.
- Godovoy otchet Banka Rossii za 2016 god.* (2017). [Bank of Russia annual report for 2016.]. M.: Bank Rossii.
- Yefimov V.* (2017). *Konets alkhimii finansov i suverennyye den'gi* (O knigakh M. Kinga “Konets alkhimii: den'gi, bankovskoye delo i budushcheye global'noy ekonomiki” i Y. Khubera «Suverennyye den'gi. Za predelami bankovskogo rezervirovaniya») [The end of alchemy of finance and sovereign money (On the books by M. King “The end of alchemy: Money, banking and the future of the global economy” and by J. Huber “Sovereign money. Beyond reserve banking”)] // *Voprosy ekonomiki*. No. 12. Pp. 131–141.
- Idelson V.R.* (1914). *Kredit, banki i birzha / Lektsii, chitannyye studentami ekonomicheskikh otdeleniy SPb. Politekhnikeskogo instituta imperatora Petra Velikogo v 1913–1914 gg.* [Credit, banks and stock exchanges / Lectures for students of the St. Petersburg economic branches. Polytechnical Institute of the Emperor Peter the Great in 1913–1914.]. SPb: Izd-vo kassy vzaimopomoshchi studentov SPb PU.
- Ispol'zovaniye v nadzornoy praktike Banka Rossii motivirovannogo (professional'nogo) suzhdeniya.* (2017). *Doklad dlya obshchestvennykh konsul'tatsiy.* [Use in the Bank of Russia supervisory practice of motivated (professional) judgment (2017). Report for public consultations]. M.: Bank Rossii.

- Kaufman I.I.* (1893). Gosudarstvennyy dolg Anglii s 1688 po 1890 g. Opyt istoriko-statisticheskoy monografii kreditnykh operatsiy, proizvodivshikhsya v Anglii v svyazi s ekstraordinarnymi finansami. [England public debt from 1688 to 1890. The experience of the historical and statistical monograph of credit transactions, made in England in connection with extraordinary finances]. SPb.: Tip. V.S. Balasheva i K^o i br. Panteleevykh.
- Kish S., Elkin V.* (1933). Tsentral'nyye banki / Per. s angl. [Central Banks / Trans. with English]. M.: Gos. fin. izd-vo.
- Kredit i banki. Teoriya bankovogo kredita. Organizatsiya bankovogo dela. Banki v SSSR i za granitsey. (1929). / Stat'i iz «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». [Credit and banks. The theory of bank credit. Organization of banking business. Banks in the USSR and abroad (1929) / Articles from the Handwörterbuch der Staatswissenschaften]. M.: Gos. fin. izd-vo SSSR.
- Mises Ludwig von.* (2000). Chelovecheskaya deyatelnost': Traktat po ekonomicheskoy teorii /Per. s 3-go ispr. angl. izd. A.V. Kuryayeva. [Human Action: A Treatise on Economic Theory / Trans. with the 3rd corrective. Eng. ed. A.V. Kuryaev]. M.: Ekonomika.
- Rothbard M.* (2016). Gosudarstvo i den'gi. Kak gosudarstvo zavladelo denezhnoy sistemoy obshchestva // Gosudarstvo, den'gi i tsentral'nyy bank /Per. s angl. [The state and money. How the state took possession of the monetary system of society // State, money and the central bank / Trans. with English]. M.; Chelyabinsk: Social life. Pp. 1–113.
- White W.R.* (2015). Sistemnyy sboy [Systemic failure] // Finansy i razvitiye. Mart. Pp. 44–47.
- Chishti S., Barberis J.* (2017). Fintekh: Putevoditel' po noveyshim finansovym tekhnologiyam /Per. s angl. [The Fintech Book: The Financial Technology Handbook for Investor, Entrepreneurs and Visionaries / Trans. with English]. M.: Alpina Publisher.
- Epstein E.M.* (1913). Bankovskoye delo // Leksii Ye.M. Epshteyna, chitayemye v Moskovskom kommercheskom institute v 1909–1910 gg. 3-ye izd. [The Banking // Lectures of E.M. Epstein, read at the Moscow Commercial Institute in 1909–1910. 3rd ed.]. M.: Tip. A.G. Rozena.
- An assessment of financial sector rescue programmes. (2009). BIS Papers. July. No. 48.
- Bagehot W.* (1873). Lombard Street: A Description of the Money Market. London: Henry S. King J. Co.
- Barrdear J., Kumhof M.* (2016). The macroeconomics of central bank issued digital currencies // Staff Working Paper. 2. July. No. 605. 90 p.
- Benes J., Kumhof M.* (2012). The Chicago plan revisited // IMF Working Paper, August. 70 p.
- Blanchard O.* (2009). The Crisis: Basic Mechanisms, and Appropriate Policies // IMF Working Papers. Wash. April. No. 80. 22 p.
- Borio C.* (2015). Revisiting three intellectual pillars of monetary policy received wisdom: Speech by Claudio Borio // Bank for international settlements: Cato Institute Washington DC. 12 November. 17 p.
- Carpenter S., Demiralp S.* (2010). Money, reserves and the transmission of monetary policy: does the money multiplier exist? // Finance and economic discussion series. Federal Reserve Board. May. No. 41. 55 p.
- Cecchetti S. G., Disyatat P.* (2010). Central Bank Tools and Liquidity Shortages // FRBNY Economic Policy Review. Aug. Pp. 29–42.
- Central bank digital currencies. Report submitted by Working Groups chaired by Klaus Löber (European Central Bank) and Aerd't Houben (Netherlands Bank). BIS. (2018). Committee on Payments and Market Infrastructures. Markets Committee. March.
- Cleland V.* (2017). Digital future for sterling: assessing the implications // OMFIF Global Public Investor. July. 5th. www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/article/2017/digital-future-for-sterling-assessing-the-implications-article-by-victoria-cleland.pdf.
- Engert W., Fung Ben S.C.* (2017). Central Bank Digital Currency: Motivations and Implications // Bank of Canada Staff Discussion Paper. November. No. 16. 26 p.
- Farhi E., Gourinchas P.-O., Rey H.* (2011). Reforming the international monetary system. www.voxeu.org/article/reforming-international-monetary-system-introducing-new-ereport.
- Francis J.* (2001). History of the Bank of England: Its Times and Traditions. Vol. I. London: Book Surge Publishing.
- Giannini C.* (1999). Enemy of None but a Common Friend of All? An International Perspective on the Lender-of-Last-Resort Function // Princeton Essays in International Finance. June. No. 214. 80 p.
- Global Financial Stability Report. Restoring Confidence and Progressing on Reforms. (2012). IMF. October.
- Goodhart C., Schoenmaker D.* (1995). Should the Functions of Monetary Policy and Banking Supervision Be Separated? // Oxford Economic Papers. Vol. 47. No. 4. Pp. 539–560.
- He Dong et al.* (2016). Virtual Currencies and Beyond: Initial Considerations // IMF Staff Discussion Note. January. SDN/16/03.
- Ma Guonan, McCauley R.N.* (2010). The evolving renminbi regime and implications for Asian currency stability // BIS Working Papers. September. No. 321. 18 p.
- Mahanty M.S.* (2014). The transmission of unconventional monetary policy to the emerging markets // BIS Papers. No. 78. Pp. 1–24.
- McLeay M., Radia A., Thomas R.* (2014). Money creation in the modern Economy // Quarterly Bulletin, Bank of England. No. 1. Pp. 4–13.

- Mishra P., Montiel P.* (2012). How Effective is Monetary Transmission in Low-Income Countries? A Survey of the Empirical Evidence // IMF Working Paper. June. 47 p.
- National risk assessment of money laundering and terrorist financing (2017). www.gov.uk/government/publications.
- Pozsar Z.* (2011). Institutional Cash Pools and the Triffin Dilemma of the U.S. Banking System // IMF working paper, Wash. August. No. 190. 35 p.
- Rachel L., Smith T.* (2015). Secular drivers of the global real interest rate // Bank of England Staff WP. December. No. 571. 63 p.
- Rochet J.-C., Vives X.* (2004). Coordination Failures and the Lender of Last Resort: Was Bagehot Right after All? // Journal of the European Economic Association. Vol. 2. No. 6. Pp. 1116–1147.
- Thwaites G.* (2015). Why are real interest rates so low? Secular stagnation and the relative price of investment goods // Bank of England Staff WP. No. 564. November. 73 p.
- Triffin R.* (1960). Gold and Dollar Crisis. The Future of Convertibility. New Haven: Yale University Press.
- Werner R.* (2014). How do banks create money, and why can other firms not do the same? An explanation for the coexistence of lending and deposit-taking // International Review of Financial Analysis. No. 36. Pp. 71–77.

И.Г. Чаплыгина

*к.э.н., доцент, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва*

ТРАКТОВКА ТВОРЧЕСТВА М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье исследуется оценка теоретического наследия русского экономиста М.И. Туган-Барановского в западной литературе. Выделяются три волны интереса к работам экономиста, их отличительные особенности. Особое внимание уделяется кейнсианской интерпретации теории циклов Туган-Барановского, а также современной оценке его теории ценности.

Ключевые слова: М.И. Туган-Барановский, теория циклов, кейнсианство, теория ценности, русская экономическая мысль.

Классификация JEL: A13, B13, B14, B15, B31.

Михаил Иванович Туган-Барановский относится к тому небольшому числу русских экономистов рубежа XIX–XX вв., чье имя и наследие достаточно быстро получили известность в западной литературе.

Можно выделить три волны интереса к его творчеству, возникавшие на протяжении XX века.

Первая относится к началу века и связана в первую очередь с переводом его наиболее известной [*Шумпетер*, 2001. С. 1481] книги «Промышленные кризисы в Англии» на немецкий (1901 г.) и французский (1913 г.) языки, а также с выходом на немецком языке его работы «Теоретические основания марксизма» (1905 г.). Благодаря первой книге М.И. Туган-Барановский получил широкую известность как разработчик теории циклов, а второй – как последователь и критик марксизма, «самый выдающийся из этих полумарксистских критиков Маркса» [там же. С. 1160].

Вторая – ко второй половине 1960-х – началу 1970-х гг. По всей видимости, она была вызвана целым комплексом факторов. Свое влияние оказало развитие советологии в связи с формированием биполярной системы [*Ноув*, 1993] в послевоенный период. Развитие нового рикардизма также является причиной возросшего интереса к работам Туган-Барановского, в частности, к его воспроизводственным схемам и интерпретации Маркса. Определенную роль сыграло и пятидесятилетие смерти экономиста. В этот период появляется целый ряд статей, посвященных наследию Туган-Барановского [*Kindersley*, 1962; *Kowal*, 1965, 1973; *Nove*, 1970, *Dostaler et al.*, 1978]. А в 1970 г. выходит перевод «Русской фабрики» на английский язык (на немецком – в 1900 г.), благодаря чему для экономистов открывается совершенно новая сторона научного наследия Туган-Барановского. Он получает признание как серьезный историк экономики, сумевший выделить целый ряд как концептуальных особенностей развития экономики России (роль общины, артели, кустарного производства, анализ конкуренции между фабриками и кустарным производством), так и более общих закономерностей истории индустриализации (идея преимущества отсталых стран в плане темпов индустриализации, роль торгового капитала в создании промышленности,

проблема свободной рабочей силы как важного ресурса для становления промышленности) [Nove, 1970]. Работа вызвала большой интерес еще и потому, что, как отметил Дж. МакКей, она явила собой редкий случай представить Россию «не апатичной бедной страной царей и не страной сверхчеловеческих маршей демонических Комиссаров», а увидеть «тот период в развитии России, когда все более стремительный прогресс капиталистической промышленности, казалось, мог направить Россию к росту богатства и совершенствованию общества» [McKey, 1972].

Третья волна интереса приходится на 1990-е гг., когда значительно упрощаются въезд в страну для западных исследователей, а также доступ к научным архивам. На этом этапе наследие М.И. Туган-Барановского анализируется уже более полно и в значительно меньшей связи с марксистской традицией. На первый план выходят особенности его методологии, социальных взглядов, а также его теория ценности¹.

1. М.И. Туган-Барановский как автор теории циклов

Как уже было сказано, благодаря немецкому переводу «Промышленных кризисов...» Туган-Барановский стал известен в первую очередь как автор первой эндогенной теории циклов. И хотя Й. Шумпетер достаточно скромно оценил его вклад в данную теорию [Шумпетер, 2001. С. 1481], значение его работ для развития этого направления экономических исследований стало общепризнанным. Его влияние на континентальную теорию цикла, в первую очередь на А. Шпитгофа и Г. Касселя, было признано Дж.М. Кейнсом и подробно описано в работе Э. Хансена. В частности, Дж.М. Кейнс в «Трактате о деньгах» 1930 г. упоминает Туган-Барановского как основоположника и наиболее оригинального представителя континентальной теории цикла. Алвин Хансен в своей книге «Деловые циклы и национальный доход» 1951 г. сравнивает его роль в развитии теории деловых циклов с ролью А. Смита в развитии политической экономии.

При этом сама теория получает двойственную оценку. С одной стороны, она рассматривается как продолжение классической традиции, восходящей, в частности, ко взглядам Дж.С. Милля, согласно которому, решающую роль играет накопление капитала в период кризисов, которое понижает процентную ставку и тем самым заставляет предпринимателей искать новые виды вложения своих средств. С другой стороны, Хансен пишет, что теория Туган-Барановского «ворвалась в науку как свежий морской ветер» [Хансен, 1959. С. 301]. В этой связи он сравнивает его теорию с книгой Адама Смита, в которой «нет ни одной новой идеи; и все же книга эта перевернула экономическую науку вверх дном» [Хансен. С. 365]. Главной идеей, кардинально изменившей традиционное понимание механизмов цикла, Хансен считает утверждение Туган-Барановского, что инвестиции не следуют за спросом, но сами порождают волну нового спроса [там же. С. 375].

В целом Хансеном дается кейнсианская интерпретация теории циклов Туган-Барановского. Подчеркивается важность критики закона рынков Сэя и близость аргументации русского экономиста идеям Мальтуса [там же. С. 365]. Высокую оценку получают проведенное Туган-Барановским различие между ссудным (свободным, несвязанным) капиталом и реальным промышленным и его идея, что рост первого еще не означает роста второго, и зачастую динамика этих двух показателей бывает разнонаправленной. Данное Туган-Барановским описание механизма развертывания бума, когда единичные инвестиции в основной капитал порождают волну нового спроса как на продукцию смежных отраслей, так и на предметы потребления со стороны новых групп рабочих, Хансен

¹ См. серии статей таких авторов, как М. Howard and J. King, V. Barnett, J. Zweynert, F. Allisson, N. Nenovsky.

интерпретирует как проявление мультипликатора. Именно идею Туган-Барановского о роли инвестиций, провоцирующих «процесс развертывания мультипликатора», Хансен считает поворотной для дальнейшего развития теории циклов.

При этом бросается в глаза практически полное игнорирование Хансеном влияния марксизма на теорию русского экономиста. В частности, такие характерные особенности его теории, как выделение основного капитала и его динамики как ключевого фактора циклических колебаний, а также концентрация внимания на объективных причинах цикла², которые объясняются приверженностью Туган-Барановского марксистской традиции, не получают исторического объяснения в книге Хансена. Не вызывает интереса у Хансена и еще одна идея русского экономиста, что в механизме цикла большую роль играют диспропорции в распределении дохода и капитала, порожденные стихийным характером капиталистического производства, которая предполагает марксистское видение экономики.

В 1960-е гг. появляется целый ряд работ, дающих кейнсианское прочтение наследия Туган-Барановского. В частности, на первый план выходит поставленная им проблема реализации при капиталистическом способе производства. В своей работе 1967 г. «Проблема эффективного спроса у Туган-Барановского и Розы Люксембург» Михал Калецки [*Kalecki*, 1991 (1967)] исследует предложенное первым решение проблемы перепроизводства, обусловленного производством ради производства. Он подчеркивает верность идеи русского экономиста, что целью капиталистического производства является не потребление, а прибыль, и потому расширение спроса на средства производства, если оно обеспечивает ее, может в полной мере компенсировать сжатие спроса на предметы потребления, связанное с замещением труда капиталом. В то же время М. Калецки замечает, что Туган-Барановский недооценивает важность мотивации к инвестициям и возможные проблемы, возникающие в связи с ее недостатком.

Кейнсианская интерпретация идей Туган-Барановского прослеживается, на наш взгляд, и в статье Алека Ноува «М.И.Туган-Барановский», вышедшей в 1970 г. С одной стороны, он старается показать, что классические элементы теории Туган-Барановского не являются «жестким ядром» его воззрений. Например, встречающуюся в работах русского экономиста защиту «догмы Сэя» А. Ноув оправдывает ситуативными целями, а именно его противостоянием народникам (Данилевскому, Воронцову) и их концепции мелкоотварного производства, фактически опирающейся на антисэевские тезисы Сисмонди о неизбежности перепроизводства [*Nove*, 1970. P. 115]. Говоря о воспроизводственной модели Туган-Барановского, которая не предполагает возможности перепроизводства, Алек Ноув акцентирует внимание на упрощениях, которые сознательно применяет первый: предпосылке о полной информации о потребностях рынка и объемах выпуска всех отраслей экономики, мобильности капитала, а также об отсутствии внешней торговли. Тем самым он интерпретирует эти предпосылки как условия возможного расхождения между спросом и предложением в теории Туган-Барановского.

С другой стороны, Ноув дает кейнсианское прочтение некоторым элементам теории русского экономиста. Он обращает внимание на использование Туган-Барановским предпосылки о «возрастающей склонности к сбережению» [*ibid.*], а также акцентирует внимание на описываемых в работе русского экономиста препятствиях для превращения сбережений в инвестиции. И хотя Ноув признает, что главной причиной диспропорций в концепции Туган-Барановского являются несовершенство информации, стихийность капиталистического производства, он подчеркивает, что фактически речь идет об отсут-

² В частности, Хансен отмечает, что Туган-Барановский почти не оценил статью Дж. Милльса о влиянии оптимистических и пессимистических настроений на динамику цикла в связи с тем, что считал необходимым искать «объективные» причины колебаний экономики.

ствии автоматического механизма превращения сбережений в инвестиции, связанного с фактором неопределенности, неизвестностью спроса и структуры предложения в смежных отраслях.

Он также обращает внимание на идею Туган-Барановского о том, что сбережения являются автономным явлением в экономике, они возникают не в связи с потребностью хозяйствующих субъектов инвестировать и не в ответ на уровень процента, а как результат определенных видов дохода (рента, фиксированный процент) [ibid.]. Помимо этого, описанная Туган-Барановским понижающая динамика спроса и уровня дохода, которая изначально возникает в результате роста сбережений, а затем уже сама по себе провоцирует все большее сокращение спроса и дохода, т.е. носит кумулятивный характер, интерпретируется Ноуом как концепция мультипликатора³.

2. Политэкономическая система Туган-Барановского и ее оценка в западной литературе

Основываясь на политэкономических воззрениях Туган-Барановского, его считали в первую очередь последователем и критиком К. Маркса. На современном этапе, а точнее для третьей волны интереса к исследованиям русского экономиста, характерен более широкий взгляд на его наследие. В первую очередь стоит упомянуть уже цитированного Алека Ноува, согласно которому, Туган-Барановский сыграл роль А.Маршалла в развитии русской экономической науки. Такая оценка обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, Ноув пишет, что политэкономическая работа Туган-Барановского является первой самостоятельной российской экономической теорией. Работы, появившиеся до этого, представляли собой либо чисто эмпирические исследования, создававшиеся под влиянием исторической школы Германии, либо некритические воспроизведения теорий австрийской школы или Маркса. Во-вторых, синтетический характер работы Туган-Барановского, его попытка объединить две традиции – классическую и маржиналистскую, и на их основе создать новую теорию ценности также сближает работы русского экономиста с подходом А. Маршалла. В-третьих, Ноув подчеркивает высокий педагогический уровень работ Туган-Барановского – хороший язык, системное изложение, – что позволило превратить его книгу в успешный учебник, по которому училось несколько поколений экономистов.

В статье В. Барнетта [Barnett, 2004] анализируется влияние исторической школы на экономические взгляды Туган-Барановского. Акцент делается на оригинальности его метода, в частности, роли этического фактора в его экономических воззрениях.

Совершенно новой является попытка представить Туган-Барановского как основателя особого течения экономической мысли – «русского синтеза», осуществленная Ф. Аллиссоном в сравнительно недавно вышедшей работе «Стоимость и цена в русской экономической мысли» [Allisson, 2015]. В ней автор указывает на то, что на рубеже XIX–XX вв. сформировалось целое направление, стремившееся синтезировать классическую трудовую теорию стоимости с маржиналистской теорией ценности, которое, с одной стороны, близко маршаллианскому подходу, а с другой – имеет свои особенности. Последние связаны со специфической традицией интерпретировать классическую трудовую теорию, сложившейся в России, а также особым, характерным для многих русских экономистов, восприятием маржинализма, и, как следствие, сформировавшейся тесной теоретической связью между такими категориями как труд, стоимость и ценность [ibid. P. 164]

³ Если говорить о тенденции проводить параллели между взглядами Туган-Барановского и Кейнса, то следует упомянуть статью В. Барнетта 2001 г. [Barnett, 2001. Pp. 151–169], в которой сопоставляются взгляды двух экономистов по проблеме денежного обращения и золотого стандарта периода Первой мировой войны.

Аллиссон выделяет два этапа формирования русского синтеза. Первый представляет собой синтез теорий К. Маркса и К. Менгера и является ответом на так называемую «проблему трансформации», т.е. попыткой спасти марксистскую трудовую теорию стоимости от возникшей в связи с публикацией третьего тома «Капитала» критики [ibid. Pp. 109–114]. Вторым этапом, к которому относятся работы Дмитриева, Борткевича, Шапошникова, Юровского, представляет собой математическую интерпретацию трудовой теории Д.Рикардо и К.Маркса и ее синтез с теорией общего равновесия Л. Вальраса.

В рамках такого подхода дается особая интерпретация теоретического наследия Туган-Барановского. Он предстает как основоположник «русского синтеза», определивший на долгое время основные подходы в теории ценности русской школы. В первую очередь Аллиссон подчеркивает, что маржиналистская теория полезности, в связи с тем, что она была воспринята именно в австрийской версии, не могла расцениваться русскими экономистами как самодостаточная, полностью объясняющая феномен ценности экономических благ, поскольку опиралась на методологию, крайне необычную для сформировавшейся к тому времени русской традиции. Методологический индивидуализм и субъективизм приводили к тому, что для русских экономистов, находившихся под влиянием марксизма и исторической школы, она являлась лишь отражением одной из сторон проблемы ценности, требовавшей дополнения в виде теории, которая бы раскрывала объективные причины этого феномена. На втором этапе синтеза, когда экономисты обратились к более универсальной теории Вальраса, эта особенность проявилась в том, что, по мнению Аллиссона, вальрасовская теория производства была практически полностью проигнорирована [ibid. P. 114] русскими авторами, т. е. маржиналистская теория продолжала восприниматься как теория спроса, а следовательно, как такая, которая лишь частично раскрывает проблему ценности.

В этой связи естественным стало стремление дополнить теорию полезности классической теорией стоимости, которая представлялась авторам как отражающая объективные причины ценности экономических благ. При этом Аллиссон подчеркивает общую особенность восприятия классической теории русскими экономистами, сформировавшуюся, в частности, под влиянием трудов Н.И. Зиберы – ведущего интерпретатора и распространителя рикардизма и марксизма в России. Она проявилась в том, что теории стоимости Рикардо и Маркса воспринимались как одна традиция, причем марксистская. Кроме того, концепции затрат труда и издержек производства рассматривались как две составляющие одной теории [ibid. Pp. 35–46].

Указанные выше особенности представляются Ф. Аллиссоном характерными в целом для русской традиции, и в трудах Туган-Барановского они лишь получают свое оформление. Выделяя оригинальные черты теории русского экономиста, автор на первый план выводит роль социальной теории К. Маркса, а также особенности методологии Туган-Барановского, связанные с влиянием кантовской философии.

В целом суть синтетического подхода к теории ценности Туган-Барановского Ф. Аллиссон описывает в форме таблицы [ibid. P. 113].

Таким образом, теория ценности Туган-Барановского предстает как совмещение четырех пластов – субъективных и объективных причин феномена ценности и логического и исторического их проявления. В результате в теории Туган-Барановского согласуются четыре подхода к теории ценности. Теория предельной полезности отражает субъективные причины ценности и является логической категорией, которая получает свое историческое воплощение в виде реальных меновых пропорций, цен. Теория трудовых издержек предстает как логическая категория, отражающая объективные причины ценности, которая в свою очередь исторически, т.е. в реальности, выражается в виде затрат производства (относительных издержках).

В рамках такого подхода сами категории «ценность» и «цена» предстают соответственно как логическое и историческое отражение одной и той же категории экономи-

Таблица

	Логические категории (универсальные)	Исторические категории (характерны для обменной капиталистической экономики)
Субъективные обменные причины ценности	Субъективная ценность <i>Предельная полезность</i>	Объективная ценность <i>Меновая ценность, покупательная спо- собность (цена)</i>
Объективные производ- ственные причины ценности	Абсолютные издержки <i>Издержки труда</i>	Относительные издержки <i>Затраты производства</i>

ческого блага. Ценность – это результат согласования логических категорий предельной полезности и издержек труда. Последние определяются «экономическим планом», т.е. технологически обусловленным распределением труда между отраслями. Цена же предстает как результат взаимодействия исторических категорий – цены спроса, определяемой покупательной способностью, и цены издержек капиталистического производства.

Обращает на себя внимание то, что в работе Аллиссона значимость концепции издержек труда для теории ценности Туган-Барановского объясняется влиянием не столько марксизма, сколько кантианской философии на его мировоззрение и методологию. Подчеркивается нормативная составляющая теории, согласно которой труд должен являться центральной экономической категорией в силу того, что он есть воплощение роли личности, человека в хозяйственной жизни. Именно кантианская идея абсолютной ценности личности рассматривается в работе Аллиссона как главный аргумент в защиту теории трудовых издержек. Акцент делается на гуманистической направленности теории Туган-Барановского и, в частности, критике марксистской теории как антигуманной, требующей переосмысления на новой основе, а именно на кантианской системе ценностей.

Еще одна особенность метода, которая подчеркивается в связи с теорией ценности, – влияние неокантианства, которое распространялось в первую очередь благодаря исторической школе Германии. Аллиссон обращает внимание на тезис Туган-Барановского, что экономическая наука, поскольку она является наукой о хозяйственной деятельности человека и создается человеком для людей, неизбежно исходит из первостепенности гуманистических ценностей, т.е. опять же ценности человеческой личности и труда как главной экономической категории, связанной с человеком⁴.

Упомянуты и холизм как характерная черта русской экономической мысли, которому подыскиваются общие культурологические основания, в частности, в русской философии, религиозной философии (например, концепция соборности⁵), а также выраженная практическая направленность теории Туган-Барановского, которая объясняется влиянием как неокантианства и исторической школы, так и марксизма и важностью для русского экономиста социальных вопросов. В этой связи можно сказать, что в работе Аллиссона делается попытка на основе анализа идей Туган-Барановского определить общие особенности русской экономической мысли рубежа XIX–XX вв.

⁴ «Но поскольку создаваемая человеком экономическая теория пишется с позиций человека, “человеческий труд является единственной субстанцией абсолютных издержек”» [Туган-Барановский. 1909. С. 78; Allisson, 2015. Р. 116].

⁵ Аллиссон опирается в своих выводах на исследования русской экономической мысли Й. Цвайнерта частности: [Цвайнерт 2007].

ЛИТЕРАТУРА

- Ноув А. (1993). Экономическая советология в Великобритании и Америке // Экономическая школа. Вып. 3. www.seinst.ru/page321.
- Хансен Э. (1959). Экономические циклы и национальный доход, М.: Изд-во иностранной литературы.
- Цвайнерт Й. (2007). История экономической мысли в России, 1805–1905. М.: ГУ ВШЭ.
- Шумпетер Й. (2001). История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
- Allisson F. (2015). Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey inside the Russian Synthesis, 1890–1920. L.; N.Y.: Routledge.
- Barnett V. (2001). Calling up the Reserves: Keynes, Tugan-Baranovsky and Russian War Finance // Europe-Asia Studies. Vol. 53. No. 1. 2001. Pp. 151–169.
- Barnett V. (2004). Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the “Russian Historical School” // History of Political Economy. Vol. 36. No. 1.
- Dostaler G. Valeur et prix. (1978). Histoire d'un débat. France: Press.
- Kalecki M. (1991) [1967]. The Problem of Effective Demand with Tugan-Baranovsky and Rosa Luxemburg // Collected Works of Michał Kalecki. Vol. II // Jerzy Osiatynski (ed.). Oxford: Clarendon Press.
- Kindersley R. (1962). The First Russian Revisionists: A Study of Legal Marxism in Russia. Oxford: Oxford University Press.
- Kowal L. (1965). Economic Doctrines of M.I. Tugan-Baranovsky. Urbana: University of Illinois.
- Kowal L. (1973). The Market and Business Cycle Theories of M.I. Tugan-Baranovsky. *Revista Internazionale di Scienze Economiche e Commerciali*. Vol. 20. Part 4.
- McKey J. (1972). Review on “The Russian factory in the nineteenth century” // *The Business History Review*. Vol. 46. No. 1. Pp. 137–139.
- Nove A. (1970). M.I. Tugan-Baranovsky (1865–1919) // *History of Political Economy*. No. 2. Pp. 246–262.

Чаплыгина Ирина Геннадиевна

igch@yandex.ru

Irina Chaplygina

Ph.D (economics), Associate Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow

igch@yandex.ru

THE REFLECTION OF M. TUGAN-BARANOVSKY ECONOMIC THOUGHT IN THE WESTERN ECONOMIC LITERATURE

Abstract. The review of various reflections in the western economic thoughts of the role of M. I. Tugan-Baranovsky is represented in this article. Three waves of interest to the heritage of this Russian economist during XX century are highlighted. The keynesian interpretation of his cycle theory, as well as modern analysis of his theory of value are investigated in details.

Keywords: *M.I. Tugan-Baranovsky, cycle theory, Keynesian economics, theory of value, Russian economic thought.*

JEL Classification: A13, B13, B14, B15, B31.

REFERENCES

- Allisson F. (2015). Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey inside the Russian Synthesis. 1890–1920. L.; N.Y.: Routledge.
- Barnett V. (2001). Calling up the Reserves: Keynes, Tugan-Baranovsky and Russian War Finance // Europe-Asia Studies. Vol. 53. No. 1. 2001. Pp. 151–169.
- Barnett V. (2004). Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the “Russian Historical School” // History of Political Economy. 2004. 36:1.
- Dostaler G., *Valeur et prix*. (1978). Histoire d'un débat.
- Hansen A. (1959). *Ekonomicheskiye tsikly i natsional'nyy dokhod* [Economic cycles and national income]. M.: Izd-vo inostrannoy literatury.
- Kalecki M. (1967). The Problem of Effective Demand with Tugan-Baranovsky and Rosa Luxemburg // Collected Works of Michał Kalecki. Vol. II. Jerzy Osiatynski editor. Clarendon Press. Oxford. 1991.
- Kindersley R. (1962). The First Russian Revisionists: A Study of Legal Marxism in Russia. 1962.
- Kowal L. (1965). Economic Doctrines of M.I. Tugan-Baranovsky. 1965.
- Kowal L. (1973). The Market and Business Cycle Theories of M. I. Tugan-Baranovsky. 1973.

- McKey J.* (1972). Review on “The Russian factory in the nineteenth century” // *The Business History Review*. Vol. 46. No. 1. Spring. 1972. Pp. 137–139.
- Nove A.* (1970). M.I. Tugan-Baranovsky (1865–1919) // *History of Political Economy*. No. 2. Pp. 246–262.
- Nove A.* (1993). *Ekonomicheskaya sovetologiya v Velikobritanii i Amerike* [Economic Sovietology in the United Kingdom and America] // *Ekonomicheskaya shkola*. Vyp. 3. www.seinst.ru/page321.
- Schumpeter J.* (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza*. T. 3. [History of Economic Analysis. Vol. 3]. SPb.: Ekonomicheskay shkola.
- Zweinert J.* (2007). *Istoriya ekonomicheskoy mysli v Rossii, 1805–1905* [History of Economic Thought in Russia, 1805–1905] M.: GU VSHE.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.С. Малахов

*д.полит.н., профессор, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, Москва*

М.Е. Симон

*к.полит.н., Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, Москва*

К ГЕНЕАЛОГИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ РАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается коллизия между двумя исторически укоренившимися в российской правительственной практике подходами к управлению трудовой мобильностью. Первый – *централизованно-полицейский* – делает ставку на рестриктивные методы, поскольку базируется на допущении, что миграция представляет собой, прежде всего, угрозу безопасности. В рамках второго – *децентрализованно-либерального* – трудовая мобильность понимается как ресурс – причем не только экономический и демографический, но и культурный, а также повышения человеческого капитала. Сторонники либеральной миграционной политики исходят из того, что рынок намного более гибок и объемнее, чем это видится из чиновничьих кабинетов. Понимая два этих подхода как идеальные типы, авторы обнаруживают ту или иную степень присутствия каждого из них в миграционной политике имперского, советского и постсоветского периодов. В статье прослеживается преемственность нынешних практик «управления населением» в России по отношению к предшествующим историческим эпохам.

Ключевые слова: *миграционная политика, трудовая миграция, демографическая политика, правительственная рациональность, Россия, ЕАЭС, постсоветское пространство.*

Классификация JEL: F22, J61, J68, O15.

Введение

В центре внимания данной работы – практики «управления населением» в современной России с точки зрения их преемственности по отношению к аналогичным советского и имперского периодов российской истории. Еще в XIX столетии в правительственном мышлении (*governmentality*)¹ выкристаллизовалась коллизия между *условно либеральным*

¹ Неологизм «*governmentality*», образованный посредством контаминации двух слов – «*governmental*» (правительственный) и «*mentality*» (способ мышления), был изобретен Мишелем Фуко (Фуко, 2010, 2011) для исследования эпистемологических установок (связей между конкретными формами знаний и власти), опосредующих конкретные административные методы. Интересный перевод этого термина – «правительственность» – был предложен русскими издателями книги Митчелла Дина (Дин, 2016), являющегося последователем Фуко. Однако в настоящей статье будем пользоваться понятием «правительственная рациональность». В настоящее время оптика *governmentality* активно применяется в миграционных исследованиях (см: [Nonini, 2002; Hoang, 2016; Inda, 2006]). Мы, в свою очередь, применили этот подход в одной из своих недавних англоязычных статей. См.: [Malakhov, Simon, 2017].

и условно консервативным подходами к управлению населением. Она, пусть и в сильно измененном виде, прослеживается и по сей день. Первый подход исходит из представления об обществе как самоорганизующемся целом; деятельность политических управленцев здесь понимается как способствование этим процессам – обществу надо лишь помочь развиться в определенном направлении (поощряя желательные тенденции и оставляя на самотек – или по возможности блокируя – нежелательные). Второй подход, напротив, основан на допущении, что общество изначально нуждается в жестких рамках, поддерживающих его стабильность; всякое спонтанное развитие чревато дестабилизацией и потому подлежит ограничениям.

С приходом к власти коммунистов либеральный подход, по понятным причинам, практически исчез из повестки дня: восторжествовали командно-административные практики в управлении демографическими и миграционными процессами (запрет абортов в 1930-е гг., привязка населения к месту жительства через систему «прописки», фактическое возрождение крепостничества в деревне – из-за отсутствия у крестьян паспортов, насильственные перемещения социальных и этнических групп – раскулачивание 1930-х гг., депортации 1940-х гг.). Правда, по окончании правления Сталина в этих практиках появляются и элементы стимулирования: программы освоения новых земель предусматривали целую систему материальных поощрений для переселенцев (целинников, работников Крайнего Севера и т.д.).

В постсоветской России противостояние «либералов» и «консерваторов» выражается в виде конкуренции двух логик: *развития* и *безопасности*. На рубеже 1990–2000-х гг. имела место дискуссия относительно стратегии миграционной политики, в ходе которой выдвигалась вполне либеральная программа. Однако победили консерваторы, в результате чего в 2002 г. были приняты законодательства о гражданстве и о миграции, выполненные в логике безопасности. В 2006–2007 гг. произошла очевидная либерализация подхода к миграционному регулированию, однако этот тренд довольно скоро свернулся. В 2010-е гг. наблюдается эклектическое сочетание обеих логик по принципу «шаг вперед, два шага назад». В высшей степени симптоматично, что ключевое препятствие на пути легализации труда мигрантов связано с институтом регистрации, по-прежнему сохраняющим рудименты советского института «прописки».

В декабре 2010 гг. на саммите ЕвразЭС главы России, Беларуси и Казахстана заявили о запуске проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого должны быть устранены препятствия для передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Взаимодействие в форме Таможенного союза придало новые импульсы процессам реинтеграции постсоветского пространства. Выступая в роли локомотива интеграционного строительства, Россия претворяет в жизнь принципиально новую для нее модель многоуровневого управления (multi-level governance), приходящую на смену монополии централизованного государственного администрирования (government). Передвижение людей внутри ЕАЭС больше не может рассматриваться сквозь «полицейские очки». Общая миграционная политика строящейся интеграционной группировки должна создавать «правила игры», своеобразные правовые рамки, внутри которых мигранты, как экономические агенты, могут свободно принимать решения. Такая политика является антиподом государственного интервенционизма, подчиненного логике преследования сиюминутных конъюнктурных целей.

Тем не менее ключевая проблема миграционной политики России заключается в противоречии между расширением / углублением евразийской интеграции и инерцией государство-центричного подхода, характерного для части российских элит. Развитию прозрачных механизмов легализации труда иностранных граждан, дебиюрократизации миграционной службы, а также распространению льготного режима трудоустройства на граждан государств – потенциальных членов ЕАЭС препятствует оглядка властей на

непопулярность разрешительных мер в области миграционной политики. Рестриктивная управленческая логика обусловлена предубеждениями в отношении мигрантов, а также подспудным стремлением к доминированию над соседями. Отдельного внимания заслуживает обсуждение вопроса о том, насколько углубление и расширение евразийской интеграции может способствовать решению проблемы масштабной депопуляции², с которой Россия столкнется в ближайшие десятилетия.

1. Российские демографические и миграционные тренды в исторической перспективе

Имперский период

Население становится предметом заботы государства в России лишь немного позднее, чем в странах Западной Европы – в начале 18 столетия (о населении как объекте управления см.: [Фуко, 2010, 2011]). Петр Великий инициирует в 1817 г. первую всеобщую «ревизию податных душ», т.е. облагаемых налогами подданных империи [Чистов, 2003. С. 281]. Этот аналог современной переписи³ можно считать первым мероприятием российской власти по управлению таким специфическим объектом, как «население».

Управленческие усилия в дореформенный период не затрагивали рождаемости (регулирование последней начнется лишь в советскую эпоху), они касались, прежде всего, пространственной мобильности. С одной стороны, последняя была существенно ограничена крепостным правом: крестьяне не имели возможности покидать «своего» помещика (а так называемые «государственные крестьяне» – предприятие, к которому были прикреплены), городские низы также не располагали правом на свободу передвижения. С другой стороны, задача освоения территорий на периферии империи – как необжитых на востоке, так и заселенных нерусским населением на юге – требовала от властей нетривиальных решений. Она решается не только и не столько с помощью репрессивных практик (ссылочные и каторжники, которые становятся первыми русскими переселенцами в Сибири⁴), сколько за счет относительной терпимости государства к самовольным перемещениям низших сословий [Ахиезер, 2005]. Известны и случаи, когда государство поощряло переселение крестьян в определенные регионы⁵, создавая для них льготные условия: «денежные пособия «на обзаведение», временное освобождение от уплаты податей и от обязанности поставлять рекрутов [Кабузан, 2004].

Вместе с тем власти поощряют хозяйственное освоение восточных окраин империи эмигрантами. В 1763 г. создается Канцелярия опекунов иностранных переселенцев, целью которой является оказание содействия европейским колонистам, готовым переселиться в Россию; в Нижнем Поволжье это в основном немцы, а на южных рубежах – сербы, молдаване и венгры [Ивахнюк, 2009].

В пореформенной России (в последней трети XIX в.) – в эпоху интенсивной индустриализации – наблюдается активное поощрение иммиграции из Западной и Центральной Европы (в основном из Германии). В то же время происходит достаточно интенсивная эми-

² В особенности это касается убыли трудоспособного населения. Суммируя данные различных прогнозов, его численность к 2030 г. сократится на 11 млн чел. (с 2012 г.) [Андреев, Вишневецкий, 2014].

³ В отличие от современной процедуры переписи населения тогдашние «ревизии» касались только «податных сословий» (крестьян и мещан), не затрагивая освобожденных от податей слоев общества. Первая перепись в современном значении слова пройдет в России лишь в 1897 г.

⁴ Эта практика получает законодательное оформление при Екатерине II, в 1760-е гг. См.: [Указ от 13 декабря 1760 г. Цит. по: (Российское ..., 1986)].

⁵ Земли на северо-западном берегу Черного моря (с 1830-х гг.), на Северном Кавказе (с 1840-х гг.) и к югу от Кубани (с 1860-х гг.).

грация из России, обусловленная дискриминацией этнических меньшинств. Правительство Александра III, взявшее в начале 1880-х гг. курс на русификацию окраин, подтолкнуло к массовому отъезду за границу представителей нерусских народов⁶.

Таким образом, в имперский период складывается *два подхода к технике управления населением: централизованно-полицейский и децентрализованно-либеральный*. Если сторонники полицейского подхода делают ставку на репрессивные меры, то приверженцы либерального пытаются осуществить государственные задачи, опираясь на добровольные решения людей. Впрочем, ни один из подходов не существовал в чистом виде. Так, Петр Столыпин, занимавший пост министра внутренних дел с 1906 по 1911 гг., проводил вполне «либеральный» курс на повышение качества собственности крестьян, их превращение в самостоятельных экономических субъектов, а также поощрение их добровольного перемещения в Сибирь с целью освоения этого региона. Однако тот же Столыпин охотно опирался на «полицейскую» технику управления (в частности, отличившись суровостью в подавлении мятежей).

Советский период

После 1917 г. процессы внешней миграции минимизируются. Добровольная эмиграция в сталинский период становится практически невозможной⁷, а с «либерализацией» в эпоху Хрущева и Брежнева остается крайне затрудненной. По сути, она касается лишь выезда из страны представителей ряда этнических меньшинств – в основном, евреев, немцев и греков (при Горбачеве также армян)⁸.

При советской власти никогда не была сколько-нибудь значительной и иммиграция. Поначалу в СССР на постоянное жительство въезжали преследуемые на Западе активисты коммунистического движения (первое заметное событие такого рода – прием детей испанских республиканцев после 1936 г.). На исходе коммунистического периода появляется и феномен трудовой миграции: в 1980-е гг. на текстильные фабрики в Иваново приглашаются «гастарбайтеры» из Вьетнама.

Для советского периода характерно *преобладание полицейского подхода* к демографическим и миграционным проблемам. В эпоху правления Сталина этот подход полностью исключает какие-либо альтернативы. Советские коммунисты первых послереволюционных десятилетий были убеждены в безграничных возможностях управления населением, воспринимая последнее как абсолютно пассивный объект административных решений. Отсюда проистекает их охотное обращение к репрессивным практикам, включая насильственные перемещения огромных масс людей. Это, *во-первых*, депортации, к которым советское руководство, не задумываясь, прибегало, когда речь шла о «враждебных» строю и опасных для советской власти группах (будь то реальная или вымышленная опасность). Жертвами депортаций в разное время становились: казачество (1920-е гг.), «кулаки» в период коллективизации 1929–1932 гг. (не только зажиточные крестьяне и их семьи, но и все, кого приравнивали к этой категории), а также различные этнические группы, подверженные «превентивным» переселениям в предвоенный (конец 1930-х гг.)⁹ и военный

⁶ Помимо евреев, этот процесс затронул население западных окраин империи – немцев, поляков, финнов и литовцев.

⁷ В числе редких исключений – разрешение Михаилу Замятину покинуть Советский Союз в 1931 г. – после личного письма Сталину.

⁸ В период с 1981 по 1986 гг. СССР покинуло 44 тыс. чел. (евреи – 17 тыс., немцы – 20 тыс., армяне – 6 тыс., греки – 1 тыс. чел.). По мере либерализации в перестроечный период эмиграционный отток возрос. С 1987 по 1990 гг. он составил 685 тыс. чел. (евреи – 301 тыс., немцы – 308 тыс., армяне – 32 тыс., греки – 23 тыс., евангелисты – 18 тыс., прочие – 3 тыс.). См.: [Мукомель, 2005. С. 15].

⁹ Это финны, выселенные в 1935 г. из приграничной с Финляндией Карелии, и корейцы, депортированные в 1937 г. из Дальневосточного края в Среднюю Азию.

периоды [Полян, 2001]¹⁰. Во-вторых, формой принудительных миграций можно считать использование большевистским режимом труда заключенных ГУЛАГа. Ведомство Ягоды–Ежова–Берия на регулярной основе поставляло рабочую силу на все крупнейшие стройки¹¹.

Воображая население бесконечно воспроизводимым ресурсом, большевистское руководство полагало возможным перемещать различные его «контингенты» с места на место, совершенно не заботясь о демографическом воспроизводстве. Массовые репрессии (как в виде депортаций, так и в виде долгосрочного лишения свободы) уже в середине 1930-х гг. привели к существенным потерям населения. Перепись 1937 г. оказалась для властей неприятным сюрпризом: переписчики не досчитались, по меньшей мере, 8 млн чел. (причем лишь в период между 1934 и 1937 г. была зафиксирована убыль населения в 6 млн чел.)¹². Результаты переписи были объявлены «дефектными» (их, разумеется, не предали огласке), а ее организаторов арестовали как «контрреволюционеров» (причем руководителей Центрального управления народнохозяйственного учета впоследствии расстреляли) [Волков, 1990].

С концом сталинской эпохи полицейская логика «управления населением» отходит на второй план. Государство не только перестает делать ставку на репрессии, но и дополняет административно-командный подход к демографическим и миграционным вопросам соображениями экономической рациональности.

Начиная с середины 1950-х гг. в СССР осуществляется переход от принудительных миграций к добровольным и квазидобровольным¹³. Отныне вовлечение в хозяйственную деятельность неосвоенных территорий, равно как и строительство новых промышленных объектов и транспортных магистралей, опирается на систему «оргнабора», в основе которой лежит материальное стимулирование людей. Внутренние трудовые мигранты, отправляющиеся на освоение целины, строительство Братской ГЭС, Красноярского алюминиевого завода или Байкало-Амурской магистрали¹⁴, могли рассчитывать на заработную плату, которая вдвое и больше превышала среднюю по стране, солидные «подъемные» выплаты и т.д.

Вместе с демонтажем сталинской системы управления происходит и постепенный отход государства от жесткого ограничения свободы передвижения граждан. Речь идет о паспортном режиме, установленном в 1932 г. и основанном на системе «прописки» – такой регистрации индивидов по месту их жительства, которая по сути прикрепляла их к данному месту. Применительно к населению колхозов эта система фактически означала возврат к крепостному праву: жители советской деревни (за исключением некоторых совхозов, объявленных «режимными объектами») вообще не имели паспортов, а потому не могли покинуть место своего жительства без особого решения руководства – даже в целях

¹⁰ В 1940 г. с аннексированных Советским Союзом территорий Польши, Прибалтики и Румынии было выслано 275 тыс. чел. в Среднюю Азию и на север России. В 1943–1944 гг. в рамках «операций возмездия» за сотрудничество с фашистскими оккупантами были депортированы и лишены национальных автономий немцы Поволжья, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и крымские татары. В 1944 г. аналогичным репрессиям подверглись турки-месхетинцы и курды, обвиненные в «эмиграционных настроениях». Общее число депортированных во время Второй мировой войны составило около 2 млн чел. – ¾ из них составляли женщины и дети [Ивахнюк, 2009. С. 15].

¹¹ Таким образом были построены Беломорско-Балтийский канал (1931–1933 гг.), Норильский горно-металлургический комбинат (1935–1939 гг.) и многие другие военно-промышленные объекты.

¹² Заметим, что это произошло до начала «большой чистки» 1937–1938 гг., во время которой около 1 млн чел. было расстреляно, не говоря уже о людях, получивших тюремные сроки.

¹³ Примером сочетания добровольности и принуждения (скорее идеологического, чем физического), практиковавшегося с первых десятилетий советской власти, можно считать организацию массового перемещения молодых людей по «комсомольским путевкам» на стройки пятилетки. Описание одной из них – Комсомольска-на-Амуре – приводится в романе Веры Кетлинской «Мужество» (1938).

¹⁴ Мы имеем в виду последний этап строительства этой дороги (1974–1984 гг.), когда БАМ была объявлена «всесоюзной комсомольской стройкой»; возводить же эту дорогу начали – силами заключенных – еще в конце 1930-х гг.

временного заработка (феномен «отходничества», известный российской деревне с царских времен, см.: [Отхожие промыслы, 1897. С. 472–475]). Формально паспортизация сельчан началась после соответствующего указа 1957 г., однако на деле полноценный паспорт советские крестьяне получили лишь во второй половине 1970-х гг. (а кое-где этот процесс растянулся до эпохи перестройки [Попов, 1996]).

Не стоит, однако, упускать из виду, что сама система «прописки» в постсталинскую эпоху не демонтируется. Государство использует ее для регулирования перемещений населения. Во-первых, целый ряд городов остается закрытым для переселенцев¹⁵. Во-вторых, данная система препятствовала самовольному переезду людей из периферийных регионов в центральные. Для того чтобы «прописаться» в том или ином месте, было необходимо заключить трудовой договор с конкретным государственным предприятием, а условием этого было наличие «прописки» в городе, где находилось данное предприятие – круг таким образом замыкался.

Впрочем, несмотря на искусственные ограничения внутренней мобильности, люди находили способы реализовывать свои жизненные стратегии. В частности, Москва, которая всегда была для россиян мощным миграционным магнитом, в течение всей советской эпохи испытывала практически такой же миграционный прирост, как до 1917 г. – в среднем около 100 тыс. чел. в год, за исключением тех лет, которые приходились на войны и революции [Зайончковская, 2009]. Симптоматично, что этот уровень миграционного прироста населения Москвы оставался стабильным с 1897 г. (первая российская перепись) вплоть до начала 2000-х гг. Если на рубеже XIX–XX столетий в российской столице проживало 1 млн человек, то на рубеже XX–XXI – 10 млн.

Завершая наш обзор советского периода, отметим следующее принципиальное обстоятельство. Репрессивные практики, на которые коммунистический режим опирался до смерти Сталина, не просто повлекли за собой огромную убыль населения – они оказали крайне негативное воздействие на будущую демографическую и социально-психологическую ситуацию. Дело не только в резком падении рождаемости и высоком уровне смертности, но и в потерях с точки зрения человеческого капитала. Императив создания общества «дешевого работника», которым так или иначе руководствовалась советская власть, сделал невозможной или резко затруднил самореализацию миллионов креативных людей [Ивахнюк, 2009]. По этой же причине в обществе постепенно, но неуклонно, ослабляется мотивация к участию в производстве, а в течение двух последних советских десятилетий активно формируется «второе общество» – теневая экономика и теневой рынок.

2. Миграционные процессы и миграционная политика в постсоветской России

Как масштабы, так и характер миграционных процессов, начавшихся на территории России после распада СССР, достаточно подробно описаны в ряде работ [Korobkov, 2007; Мукомель, 2005; Зайончковская, Мкртчян, Тюрюканова 2009; Malakhov, 2014], поэтому мы не будем подробно на этом останавливаться. Отметим лишь два принципиальных момента. 1. В начале 1990-х гг. имел место беспрецедентный иммиграционный приток в РФ из бывшей периферии «советской империи», в основном беженцев или людей, вынужденных переехать в Россию из невыносимых экономических условий. Государство взяло на себя соответствующие гуманитарные обязательства, но оно явно не было готово к такому наплыву людей – ни с финансовой, ни с организационной точки зрения. 2. Начиная со второй половины 1990-х гг.

¹⁵ Например, поселиться в Москве выходцы из других регионов страны могли лишь в качестве «лимитчиков», т.е. отработав определенный срок (обычно около 10 лет) на тяжелом и/или непрестижном производстве. В случае досрочного увольнения с работы «по лимиту» они утрачивали место в общежитии и право проживания в Москве.

трудова́я миграция прева́лирует над вынужденной; приблизительно в тот же период формируются основные потоки иностранной рабочей силы. Страны-доноры – это постсоветские государства (прежде всего, Украина, Молдова, три страны Средней Азии – Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, плюс страны Закавказья¹⁶), а также несколько государств из так называемого дальнего зарубежья (Китай, Вьетнам, Турция). Иностранцы оказались столь плотно встроены в российский рынок труда (в такой мере стали его частью), что кризис 1998 г. практически не отразился на иммиграционном притоке.

На рубеже 1990–2000 гг. в политическом и экспертном дискурсе оформляются две полярные позиции по отношению к внешней миграции: условные «силовики» (или «консерваторы») и «либералы» (или «реформаторы»). Первые являются носителями логики, согласно которой иммиграция представляет собой угрозу безопасности. Назовем ее *логикой безопасности*. Последняя понимается при этом предельно широко: от уровня преступности и конкуренции за рабочие места до угрозы культурной идентичности и присутствия на территории страны политически нелояльного населения. В *либеральной логике*, напротив, иммиграция осмысливается как ресурс – причем, не только экономический и демографический, но и культурный, повышения человеческого капитала. Сторонники либеральной миграционной политики привлекали внимание к тому, что российский рынок труда является гораздо более гибким и объемным, чем это представляется из чиновничьих кабинетов [Витковская, 1998]. Поэтому усилия государства должны быть сосредоточены не на ограничении иммиграционного притока, а на минимизации его нелегальной составляющей. Речь идет, в частности, о нелегальной занятости – поскольку в условиях безвизового режима с постсоветскими странами¹⁷ выходцы из них въезжают в Россию законно, но могут при этом незаконно работать. Сторонники либеральной позиции были тогда достаточно широко представлены и в бюрократических, и в экспертных кругах, активно участвуя в обсуждении желательного курса государства в сфере миграционного регулирования. Однако победили консерваторы, и миграционное законодательство, принятое в 2002 г., носило жесткий ограничительный характер (т.е. было выдержано в логике безопасности). В результате в течение 2003–2005 гг. статистика ФМС фиксирует резкое снижение количества иммигрантов на российском рынке труда – хотя, конечно, было очевидно, что дело заключалось не в числе занятых, а в числе зарегистрированных. Это означало, что принятые меры не только не помогли сократить масштабы незаконной занятости, но и привели к их увеличению. Осознав это, государство делает довольно решительный шаг в русле либеральной логики. В июле 2006 г. принимаются поправки к миграционному законодательству (вступившие в силу в 2007 г.), которые значительно облегчают легальный вход мигрантов на российский рынок труда¹⁸. Кроме того, в 2007 г. была радикально увеличена квота на использование иностранной рабочей силы (более 6 млн чел.), что теоретически позволяло оформить разрешение на работу практически всем желающим. Однако не прошло и года, как «консерваторы» отыграли упущенные позиции, и за либеральными последовали прямо противоположные меры¹⁹.

¹⁶ Люди из бывших советских республик составляют около 5% миграционного притока в Россию (см.: [Mihaylova, 2016]). Объем работников из стран дальнего зарубежья постепенно снижается начиная с 2007 г., когда были приняты законы, предоставляющие преференции приезжающим их безвизовых стран. Если исходить из количества выданных разрешений на работу и патентов в период с 2010 по 2014 годы, то 83–86% из числа занятых на российском рынке труда составляют граждане стран СНГ (см.: [Труд и занятость в России, 2015]).

¹⁷ Безвизовый въезд в Россию имеют граждане всех стран СНГ, за исключением Грузии и Туркмении.

¹⁸ Меняются правила регистрации: отныне мигрантам из безвизовых стран достаточно уведомить власти о своем нахождении в России по определенному адресу, послав документы по почте. Законное пребывание в течение 90 дней могло быть продлено сроком до 1 года в случае, если мигрант нашел работу.

¹⁹ В середине 2008 г. квота была произвольно уменьшена вдвое, что автоматически вытолкнуло за пределы правового поля целую армию трудовых мигрантов. В 2009 г. и позднее были приняты поправки к закону «Об учете иностранных граждан», которые ужесточали правила регистрации. По сути, это было движение не в сторону отказа от советской системы прописки (разрешительной регистрации), а в сторону ее завуалированного восстановления.

В дальнейшем эта ситуация повторялась многократно. Так, в русле либеральной логики могут быть прочитаны следующие решения. В 2010 г. вводится система патентов: желающий работать у физического лица мигрант может его купить (стоивший тогда 1 тыс. руб. в месяц), получать разрешение на работу не требуется. В 2014 г. режим квот полностью заменяется режимом выдачи патентов: разрешением на работу (будь то у физического или у юридического лица) является приобретаемый мигрантом патент. Однако эти меры не являются системными, отражающими последовательный курс на либерализацию миграционного регулирования. Во-первых, процедура получения разрешения на работу после введения патентов не только не упрощается, но, напротив, ощутимо усложняется. Во-вторых, принимаются законы, существенно осложняющие жизнь мигрантов. Это и так называемый «закон о резиновых квартирах», обязывающий человека проживать по тому же адресу, по которому он зарегистрирован (условие, невыполнимое для большинства мигрантов), и «заккрытие въезда» – запрет на въезд в Россию в случае совершения более двух административных правонарушений, независимо от степени тяжести. В итоге на начало 2016 г. в списках «невъездных» насчитывалось более 1 млн 300 тыс. чел. – среди них немало людей, совершивших мелкие провинности и даже не подозревавших о том, что они в эти списки попали, до момента пересечения границы в российскую сторону²⁰.

Корень проблемы, по мнению многих экспертов, в чрезмерно сложных – непрозрачных и бюрократизированных – правилах регистрации иностранных работников. (Не говоря уже о непрозрачных и отягощенных коррупцией практиках применения этих правил.) Вполне может статься, что дело не столько в консерватизме «силовиков», сколько в элементарных материальных интересах. Уместно говорить о *производстве нелегальности* – об институциональных условиях, выталкивающих трудовых мигрантов в тень [Malakhov, Simon, 2017]. Как отметил в личном разговоре один бывший чиновник ФМС, регулирование миграции – это большая нефтяная вышка, и те, кто на ней работают, очень недурно зарабатывают²¹.

В 2000-е и в особенности в 2010-е гг. возникает фундаментальная коллизия, прямо связанная с миграционной политикой – между евразийской интеграцией и национальным суверенитетом. Вступление в силу договоренностей о создании Таможенного союза (ТС) России, Беларуси и Казахстана в июле 2010 г. стало поворотным событием с точки зрения формирования нового управленческого мышления. Интеграционное развитие предполагает диверсификацию управления, транспарентность принятия решений и независимый арбитраж со стороны наднациональных органов. Провозгласив курс на создание нового политического и экономического объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС), российское руководство тем самым продемонстрировало готовность обеспечить свободное передвижения товаров, капиталов, услуг и людей из стран – участниц союза на ее территории. Членами ЕАЭС, наряду с Россией, Казахстаном, Беларусью, являются также Армения (с 2014 г.) и Кыргызстан (2015 г.). О своем намерении присоединиться к союзу объявлял Таджикистан. Этой логике, однако, не слишком соответствует логика суверенитета или, если угодно, уже упомянутая выше логика безопасности. И в политическом, и в публичном дискурсе широко распространено негативное отношение к тому факту, что российская граница является прозрачной для постсоветской Центральной Азии. Высказывается требование обустроить границу между РФ и Казахстаном, а в качестве первоочередного шага в этом направлении – ввести визовый режим со всеми цен-

²⁰ Кроме того, в этих списках оказались и люди, уже заплатившие штраф за свое правонарушение, т.е. таким образом наказываемые за одно деяние дважды (что, кстати, противоречит Конституции).

²¹ Отдельного разбора в этой связи заслуживает вопрос о деятельности посреднических организаций, предлагающих свои услуги по оформлению разрешительных документов. Они значительно экономят время мигранта, но на порядок увеличивают стоимость процедуры.

тральноазиатскими государствами. Понятно, что подобные меры означали бы полный крах евразийского проекта, поэтому они обсуждаются скорее оппозиционными и внесистемными политиками, чем внутри политического мейнстрима²². Присутствие логики национальной безопасности, однако, косвенно ощущается и на уровне официальной политики.

Судя по принимаемым в настоящее время решениям, российские управленцы явно не в восторге от идеи обеспечить условия для беспрепятственного передвижения по территории России выходцев из Кыргызстана, Казахстана и других стран – членов ЕАЭС. Хотя граждане таких государств пользуются некоторыми преимуществами по сравнению с гражданами других государств²³, в своих контактах с российскими органами власти они наталкиваются на множество препятствий. Это, в частности, отказы в регистрации: по месту жительства (без которой невозможно получить разрешение на временное пребывание)²⁴; трудовой деятельности под тем или иным предлогом; предприятий малого и среднего бизнеса, создаваемых мигрантами. Чиновники (например, налоговой службы), которые создают такие препятствия, могут, конечно, делать это из чисто корыстных побуждений (ожидая взятки), но не менее важный мотив в данном случае – их убеждение в том, что мигрантов в России слишком много²⁵. Российский политический класс сегодня еще не свыкнулся с мыслью о том, что формирование наднационального объединения требует наднациональных институтов управления и, следовательно, часть функций по регулированию миграции должна быть делегирована органам ЕАЭС.

Можно констатировать, что гарантией привилегированного режима трудоустройства в России для граждан постсоветских государств на сегодняшний день является членство в Евразийском экономическом союзе. В 2015 г. было зафиксировано увеличение миграционного притока из стран – участниц ЕАЭС на территорию России и одновременное уменьшение числа иностранных работников из других государств СНГ. При этом Казахстан, Армения и тем более Беларусь не являются основными поставщиками рабочей силы для российского рынка труда, уступая первенство странам Центральной Азии. Учитывая неутешительные демографические прогнозы, в соответствии с которыми в ближайшее десятилетие убыль трудоспособного населения России может составить от 6 до 8 млн чел., ежегодный иммиграционный прирост²⁶ должен превышать нынешний на несколько десятков тысяч человек²⁷. Очевидно, что указанный прирост не может обеспечить и присоединившийся к ЕАЭС Кыргызстан. Основными донорами рабочей силы (как краткосрочной, так и долгосрочной) для России являются Узбекистан и Таджикистан. При этом шансы на вступление Узбекистана в ЕАЭС в настоящее время отсутствуют, а в отношении граждан Таджикистана вводятся все новые ограничения²⁸. В условиях слабой при-

²² Среди активных лоббистов такой политики – Владимир Милов, бывший крупный чиновник (замминистра энергетики), а ныне лидер внепарламентской партии «Демократический выбор».

²³ Они, в частности, не нуждаются в получении разрешения на работу (покупке патента).

²⁴ Оформить такую регистрацию в соответствии с требованиями закона сложно – например, потому, что владелец квартиры, снимаемой мигрантом, не хочет афишировать факт аренды или из-за того, что на данной площади зарегистрировано слишком много людей, или в связи с тем, что помещение, в котором живет мигрант, не признается пригодным для жилья.

²⁵ Подробнее об этом см.: [Malakhov, Simon, 2017].

²⁶ Превышение числа мигрантов, прибывших в страну для долгосрочного пребывания, над числом выбывших из нее. Также именуется «чистой» или «нетто-миграцией».

²⁷ Ежегодный миграционный прирост должен составлять не менее 340 000 тыс. чел. в течение ближайших десяти лет, а после 2025 г. возрасти до 400 000 [Зайончковская, Тюрюканова, Флоринская, 2011].

²⁸ В 2014 г. между Правительствами России и Таджикистана было подписано соглашение, согласно которому таджикские иммигранты наделялись правом получения разрешения на работу на срок до трех лет вместо одного года. После введения патентов эти преференции для них были отменены. Кроме того, с января 2015 г. граждане Таджикистана должны въезжать в Россию по заграничному паспорту, в то время как раньше они могли это делать, используя национальный.

влекательности России как страны иммиграции для граждан дальнего зарубежья²⁹ вопрос о нахождении ресурсов для преодоления демографического кризиса остается открытым. Тем не менее расширение и углубление процессов евразийской интеграции при условии обеспечения прозрачности управленческой системы может способствовать созданию каналов долгосрочной иммиграции в Россию. Модель свободного передвижения, в которой определяющую роль играют экономические (а не бюрократические) факторы, является альтернативой как краткосрочной миграции, так и переселенческой стратегии.

Вместо заключения: о возможности разрешения сложившихся противоречий

Миграция остается одним из важных каналов сохранения устойчивых взаимодействий между бывшими советскими республиками даже в условиях ухудшения официальных отношений между некоторыми из них. Традиционные маршруты внутрисоюзных «паломничеств» и механизмы культурной памяти пока еще связывают жителей этих республик воедино, однако при отсутствии инклюзивной иммиграционной стратегии эти нити неминуемо будут ветшать. Россия постепенно теряет роль иммиграционного магнита для стран Балтии, Молдовы, Украины и Грузии, в том числе, по геополитическим причинам. Российский политико-управленческий класс навряд ли в полной мере осознает нарастание конкуренции за рабочую силу из стран СНГ как с внешними для постсоветского пространства игроками – Китаем, Турцией и ЕС, так и с внутренними – в первую очередь, с Казахстаном.

Для того чтобы утвердиться в роли безусловного локомотива реинтеграции постсоветского пространства, России необходимо не только устранить препятствия на пути передвижения и трудоустройства жителей стран – членов ЕАЭС на ее территории, но и не отталкивать граждан тех государств, которые еще не присоединились к этому интеграционному объединению. Создание прозрачных и устойчивых правил игры, благоприятного климата для иностранных работников и предпринимателей является гарантией сохранения стабильных отношений с внешнеполитическими партнерами, приобретения новых союзников. Инвестирование усилий в интеграционное строительство дает России шанс впервые в ее истории не зависеть от колебаний политического курса (между консервативным и либеральным полюсами). Система *многоуровневого и диверсифицированного управления* позволяет блокировать коррупционные механизмы благодаря возможности аудита со стороны наднациональных органов, а также предполагает создание платформ для открытого обсуждения решений в миграционной сфере с участием всех заинтересованных сторон (представителей национальных правительств, бизнеса, мигрантских организаций, профсоюзов, НПО).

Наднациональные институты миграционного регулирования, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и Суд ЕАЭС должны располагать полномочиями подвергать санкциям (например, ощутимым штрафам) те органы власти, которые замечены в дискриминации граждан стран-участниц, перемещающихся в границах союза с целью трудовой деятельности. Препятствия на пути создания мигрантами предприятий следует рассматривать как особенно серьезное правонарушение. Кроме того, в рамках ЕАЭС следует незамедлительно создать единую информационную платформу, опираясь на которую жертвы нарушений могли бы подавать жалобы не только в суды национальной юрисдикции, но

²⁹ Потенциал миграционного притока из таких стран, как Китай, Вьетнам, Афганистан, КНДР, Индия, Пакистан и Бангладеш, совокупно оценивается не выше чем 30 тыс. чел. в год. О привлекательности России для долгосрочных мигрантов из стран ОЭСР говорить не приходится.

и в Суд ЕАЭС, а также обращаться с онлайн-петициями в ЕЭК. Эффективному мониторингу случаев нарушения прав работников из стран – членов ЕАЭС могло бы способствовать создание соответствующих национальных агентств.

Силовые структуры стран – участниц Евразийского экономического союза, координируясь друг с другом, должны сфокусироваться на обеспечении безопасности общих границ интеграционного объединения. Соответственно основная часть вопросов миграционной политики должна находиться в ведении Министерств труда, образования, строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Другим важным аспектом является *упрощение российского миграционного законодательства*. Сейчас оно крайне запутанно, что препятствует интеграции иностранных работников в рынок труда из-за непонимания «правил игры». Принимаемые (с периодичностью до нескольких раз в год) поправки делают законодательство еще более запутанным и потому трудно исполнимым. Необходим его радикальный пересмотр с целью *устранения всех положений, которые служат объективным препятствием прозрачным и свободным от коррупции отношениям на рынке труда*.

Следует исходить из безусловного приоритета экономического (рыночного) регулирования миграционных процессов над административно-бюрократическим. Это означает, что центр тяжести в миграционном регулировании должен быть *перенесен с отношения государство/мигранты на отношения работодатель/мигранты*. Роль государства должна сводиться к честному арбитражу – к наблюдению за тем, чтобы в этих отношениях не нарушалось законодательство (в частности, налоговое и трудовое).

Нахождение разумного баланса между эффективностью экономики и защитой национального рынка труда позволит *разрешить коллизию между экономической и политической рациональностями*. Общество должно видеть, что привлечение иностранной рабочей силы не является средством вытеснения российских работников («замещающая миграция», о которой много говорят правые популисты) и что оно не влечет за собой снижения жизненного уровня. В этой связи крайне важны как продуманные решения в сфере макроэкономической и региональной политики, которые приведут к экономическому росту, так и правильная информационная политика. Следует проводить информационные кампании для разъяснения выгод, приносимых иммиграцией, которые в конечном итоге превышают связанные с ней издержки.

Что касается борьбы с теневой занятостью, то она должна заключаться в *акцентировании внимания на стимулах, а не на запретах*. Это в равной мере касается решений в такой сфере, как развитие малого и среднего бизнеса. Опыт развитых стран показывает, что среди мигрантов широко распространена самозанятость. Организовывая предприятия малого бизнеса, мигранты создают новые рабочие места. Государство – прежде всего за счет средств налоговой политики – могло бы способствовать развитию такого бизнеса и формированию рабочих мест.

Один из серьезных вызовов экономического развития России – упадок производственной сферы. Хорошо известно, что львиная доля российского бюджета формируется за счет доходов от продажи энергоресурсов, доля же обрабатывающей промышленности весьма скромна. Эта сфера национальной экономики столкнулась с острой нехваткой квалифицированных специалистов среднего звена – ИТР. В обозримой перспективе эта нехватка будет лишь нарастать, поскольку российская молодежь не стремится получить инженерно-технические специальности. В этой ситуации представляется вполне разумным опереться на молодежь из ближнего зарубежья. Молодые люди из постсоветских стран могли бы занять места в российских вузах (среднеспециальных учебных заведениях), приобретя по их окончании профессии, востребованные народным хозяйством. Для этого, однако, необходимы нестандартные решения в сфере миграционной политики. Мы имеем в виду материальные и нематериальные стимулы. Это и преференции в получении

российского гражданства, и формирование благоприятной, дружественной мигрантам среды. На сегодня такая среда, к сожалению, отсутствует – люди, визуально отличные от принимающего населения, сталкиваются не только с бытовой ксенофобией, но и с риском нападений на почве расовой ненависти.

На сегодняшний день предпринимается очень мало усилий по интеграции новоприбывшего населения в российское общество – на уровне как символической, так и инструментальной политики³⁰. Более того, принимаются решения, блокирующие возможность интеграции мигрантов. Так, в январе 2015 г. Министерство образования выпустило приказ, согласно которому условием приема ребенка в школу является наличие у него (у его родителей) регистрации по месту жительства. А поскольку многие мигранты этому требованию не соответствуют, это влечет за собой отказ их детям в праве на образование. Государство должно расширять каналы доступа мигрантов к образованию, чтобы получить новых работников, а не создавать потенциальную армию маргинализированных подростков.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е., Вишневский А. (2014). Ближайшие демографические перспективы России / Демоскоп Weekly. №601–602. demoscope.ru/weekly/2014/0601/tema03.php (трудоспособное население рассчитано в границах 20–64 лет).
- Ахиезер С.М. (2005). Миграция в российской истории // Полития. №4. С. 70–76.
- Витковская Г.С. (1998). Вынужденные мигранты из новых независимых государств на российском рынке труда // Миграция и рынки труда в постсоветской России / Г.С. Витковская. Научные доклады Московского Центра Карнеги. Вып. 25. М.: Московский центр Карнеги. С. 30–79.
- Волков А.Г. (1990). Перепись населения 1937 г. История и материалы / Экспресс-информация. Серия «История статистики». Вып. 3–5 (часть II). М. С. 6–63.
- Дин М. (2016). Правительность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А. Писарева, под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Дело.
- Зайончковская Ж.А. (2009). Иммигранты в Москве / Институт Кеннана; под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата.
- Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., Тюрюканова Е.В. (2009). Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж. Зайончковской и Г. Витковской. Центр миграционных исследований. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: Адамант. С. 9–62.
- Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. (2011). Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше // Миграционный барометр в Российской Федерации. №25. С. 30–70.
- Ивахнюк И.В. (2009). Российская миграционная политика и ее воздействие на человеческое развитие: история и современность // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 22. М.: Экономический факультет МГУ.
- Кабузан В.М. (2004). Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. №4 (19). www.strana-oz.ru/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossiyskoj-imperii.
- Лор Э. (2010) «Германское заимствование»: подданство и политика в области иммиграции и натурализации в Российской империи конца XIX – начала XX века / Пер. с англ. М. Лоскутовой / Imperium inter pares: Роль трансферов в российской империи / Под ред. М. Ауста, Р. Вильпиус, А. Миллера. М.: НЛЮ. С. 330–353.
- Мукомель В.И. (2005). Миграционная политика России. Постсоветские контексты / Институт социологии РАН. М.: Диполь&Т.
- Отхожие промыслы (1897) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб. Т. XXII.
- Полян П.М. (2001). Не по своей воле: история и география принудительных миграций. М.: ОГИ.

³⁰ Различие между символической и инструментальной политикой восходит к работам Никласа Лумана о бюрократии (см., например: [Luhman, 1964]). Под инструментальной политикой немецкий социолог понимал конкретные действия управленцев, а под символической – публичную риторику, призванную придать управленческой деятельности приемлемый образ в глазах общественности. В сфере миграционного регулирования символическая политика заключается, среди прочего, в периодических заявлениях чиновников о необходимости иммиграции, недопустимости дискриминации на рынке труда, пользе толерантности и т.д. Приходится, однако, констатировать, что подобные декларации не сопровождаются систематической медийной поддержкой.

- Попов В. (1996). Паспортная система советского крепостничества // Новый Мир. №6. magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html.
- Труд и занятость в России (2015). Статистический сборник. М.: Росстат.
- Указ от 13 декабря 1760 г. «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». Цит. по: Российское законодательство X–XX веков. (1986). Т. 5 / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература.
- Фуко М. (2010). Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука.
- Фуко М. (2011). Безопасность, территория население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука.
- Чистов К.В. (2003). Русская народная утопия. Генезис и функции социально-утопических легенд. СПб.: «Дмитрий Буланин».
- Hoang L.A. (2016). Governmentality in Asian Migration Regimes: The Case of Labour Migration from Vietnam to Taiwan, *Population Space and Place*, 23(3). doi.org/10.1002/psp.2019.
- Inda J. (2006). Targeting Immigrants: Government, Technology, and Ethics. Oxford: Blackwell.
- Korobkov A. (2007). Migration trends in Central Eurasia: Politics versus economics // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 40. No. 2. Pp. 169–189.
- Luhman N. (1964). Funktionen und Folgenformaler Organisation. Berlin: Duncker & Humdlot.
- Malakhov V. (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate // *Europe-Asia Studies*. Vol. 66. Issue 7. Pp. 1062–1079.
- Malakhov V. S., Simon M. E. (2017). Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality. *Int Migr*. doi:10.1111/imig.12402.
- Mihaylova I. (2016). Russia's New Concept of the State Migration Policy: Recommendations for Effectiveness of International Economic Migration; University of St. Gallen Law & Economics Working Paper No. 3. University of St. Gallen Law School, Law and Economics Research Paper Series.
- Nonini D.M. (2002). Transnational Migrants, Globalization Processes, and Regimes of Power and Knowledge // *Critical Asian Studies*. Vol. 34. No. 1.- Pp. 3–17.

Малахов Владимир Сергеевич

vmalachov@yandex.ru

Симон Марк Евгеньевич

mr.marksimon@gmail.com

Vladimir Malakhov

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Center for Theoretical and Applied Political Science of the Russian Academy of National Economy and Public Service, Moscow
vmalachov@yandex.ru

Mark Simon

Ph.D (political science), Leading Researcher of the Center for Theoretical and Applied Political Science of the Russian Academy of National Economy and Public Service, Moscow
mr.marksimon@gmail.com

TO THE GENEALOGY OF RUSSIAN MIGRATION POLICY: THE COLLISION BETWEEN TWO GOVERNMENTALITIES

Abstract. The article considers a collision between two historically rooted approaches to the regulation of labor mobility in Russia. The first approach – the *centralized-police* – relies on restrictive methods, while it is based on the assumption that migration is primarily a threat to security. The second – *decentralized-liberal* – is based on understanding that labor mobility is a resource – not only economic and demographic, but also cultural, as well as a resource for increasing human capital. Adherents of liberal migration policy assume that the market is much more flexible and voluminous than it is seen from bureaucratic offices. Considering these two approaches as *ideal types*, the authors reveal a certain degree of presence of each of them in the migration policy of the imperial, Soviet and post-Soviet periods. The article traces the continuity of the current practices of “population management” in Russia in relation to previous historical epochs.

Keywords: *migration policy, labor migration, population policy, governmentality, Russia, EAEU, post-soviet space.*

JEL Classification: F22, J61, J68, O15.

REFERENCES

- Andreev E. and Vishnevsky A.* (2014). Blizhayshiye demograficheskiye perspektivy Rossii [Russia's Near-Term Demographic Prospects] // *Demoscope Weekly*. No. 601–602, 2–15. June.
- Akhiezer S.* (2005) Migratsiya v rossiyskoy istorii [Migration in Russian History] // *Politiia*. No. 4. Pp. 70–76.
- Vitkovskaya G.S.* (1998). Vynuzhdennyye migranty iz novykh nezavisimyykh gosudarstv na rossiyskom rynke truda [Forced Migrants from Newly Independent States in the Russian Labour Market]. In *Vitkovskaya G. (ed.) Migration and the Labour Market in Modern Russia*. Scientific Reports of the Carnegie Moscow Center. No. 25. Pp. 30–70.
- Volkov A.* (1990). Perepis' naseleniya 1937 g. Istoriya i materialy [Population census of 1937. History and materials]. *Ekspress-informatsiia. Seriya "Istoriia statistiki"* (History of Statistics). Issue 3–5 (part II). Moscow. Pp. 6–63.
- Dean M.* (2016). *Pravitel'nost': vlast' i pravleniye v sovremennykh obshchestvakh* [Governmentality: Power and Rule in Modern Society]. Moscow: Delo.
- Zayonchkovskaya Zh.* (2009). *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow]. Kennan Institute. Moscow: Tri Kvadrata.
- Zayonchkovskaya Zh., Mkrtychyan N., Turukanova E.* (2009). *Rossiya pered vyzovami immigratsii* [Russia faces the challenges of immigration]. In: *Postsovietskie transformatsii: otrazheniye v migratsii* (Post-Soviet Transformations: Reflection in Migration). Ed. by Zh. Zayonchkovskaya and G. Vitkovskaya. Centre for Migration Studies, Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Adamant. Pp. 9–62.
- Zayonchkovskaya Zh., Turukanova E., Florinskaya Y.* (2011). *Trudovaya migratsiya v Rossiyu: kak dvigat'sya dal'she* [Labour Migration to Russia: How to Move Further]. *Migratsionnii barometr v Rossiiskoi Federatsii* (Migration barometer in the Russian Federation). No. 25. Pp. 30–70.
- Ivakhnyuk I.* (2009). *Rossiyskaya migratsionnaya politika i yeye vozdeystviye na chelovecheskoye razvitiye: istoriya i sovremennost'* [Russian migration policy in the context of human development: History and modernity]. In: *Mezhdunarodnaia migratsiia naseleniia: Rossia i sovremenniy mir* (International migration of population: Russia and the Modern World). Issue 22. Moscow: Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University.
- Kabuzan V.* (2004) *Dvizheniye naseleniya v Rossiyskoy imperii* [Movement of the population in the Russian Empire]. *Otechestvennye zapiski*. No. 4 (19). www.strana-oz.ru/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossiyskoy-imperii.
- Lor E.* (2010). «Germanskoye zaimstvovaniye»: poddanstvo i politika v oblasti immigratsii i naturalizatsii v Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX veka [“German Borrowing”: citizenship and politics in the field of immigration and naturalization in the Russian Empire of the late XIX – early XX century]. In: *Imperium inter pares: The role of transfers in the Russian Empire* // Ed. by M. Autus, R. Vilpius, A. Miller. Moscow: NLO. Pp. 330–353.
- Mukomel V.* (2005). *Migratsionnaya politika Rossii. Postsovetskiye konteksty* [Migratsionnaia politika Rossii: postsovetskiye konteksty (Russian migration policy: Post-Soviet contexts)]; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. M.: Dipol'-T.
- Otkhozhie promisli* [Species crafts] (1897). In: *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. Saint-Petersburg. Vol. XXII.
- Polian P.* (2001). *Ne po svoey vole: istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy* [Not by choice: history and geography of forced migrations]. Moscow: OGI.
- Popov V.* (1996). *Paspornnaya sistema sovetskogo krepostnichestva* [Passport system of Soviet serfdom] // *Novii mir* (New World). No. 6. magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html.
- Trud i zaniatost' v Rossii* [Labor and employment in Russia]. (2015). Collection of statistics. Moscow: Russian Federal Statistics Service.
- Ukaz ot 13 dekabrya 1760 g. «O priyeme v Sibir' na poseleniye ot pomeshchikov, dvortsovykh, sinodal'nykh, arkhivereyskikh, monastyrskikh, kupecheskikh i gosudarstvennykh krest'yan, s zacetom ikh za rekrut»* [Decree of December 13, 1760 on the admission to Siberia for settlement from the landowners, palace, synodal, bishops, monastery, merchant and state peasants, with their reckoning for the recruitment]. Cited by: *Russian legislation of the 10th-20th centuries*. Vol.5. Ed. by O. Chistiakov. Moscow: Iuridicheskaya literatura (Juridical literature), 1986.
- Foucault M.* (2010). *Rozhdeniye biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France in 1978–1979]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Foucault M.* (2011). *Bezopasnost', territoriya naseleniye. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population. Lectures at the College de France in 1977–1978]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Chistov K.* (2003). *Russkaya narodnaya utopiya. Genesis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend* [Russian folk utopia. Genesis and functions of socio-utopian legends]. Saint-Petersburg: “Dmitrii Bulanin”.
- Hoang L.A.* (2016). *Governmentality in Asian Migration Regimes: The Case of Labour Migration from Vietnam to Taiwan, Population Space and Place*, 23(3). doi.org/10.1002/psp.2019.
- Inda J.* (2006). *Targeting Immigrants: Government, Technology, and Ethics*. Oxford: Blackwell.

- Korobkov A.* (2007). Migration trends in Central Eurasia: Politics versus economics // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 40 (2). Pp. 169–189.
- Luhman N.* (1964). *Funktionen und Folgenformaler Organisation*. Berlin: Duncker & Humdlot.
- Malakhov V.* (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate // *Europe-Asia Studies*. Vol. 66. Issue 7. Pp. 1062–1079.
- Malakhov V.S., Simon M.E.* (2017). Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality. *Int Migr.* doi:10.1111/imig.12402.
- Mihaylova I.* (2016). Russia's New Concept of the State Migration Policy: Recommendations for Effectiveness of International Economic Migration; University of St. Gallen Law & Economics Working Paper No. 3. University of St. Gallen Law School, Law and Economics Research Paper Series.
- Nonini D.M.* (2002). "Transnational Migrants, Globalization Processes, and Regimes of Power and Knowledge", *Critical Asian Studies*. Vol. 34. No. 1. Pp. 3–17.

С.Г. Кирдина-Чэндлер

д.социол.н., Институт экономики РАН, Москва

ЗАПАДНЫЕ И НЕ-ЗАПАДНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ*

Аннотация. В XXI в. становится все более очевидным изменение конфигурации мировой политико-экономической структуры. Повестка международных мероприятий современных институционалистов, на которых продолжают интеллектуально доминировать представители Большой четверки (США, Великобритании, Германии и Франции), с тревогой фиксирует «серьезные сбои в глобальном балансе политико-экономической власти». Рост экономик Востока (прежде всего Китая и Индии) и усиление политической роли России, с одной стороны, и растущее социально-экономическое неравенство в крупнейших развитых экономиках, с другой, оспаривают лидерство западной институциональной модели экономического развития. Становится очевидным, что эта модель не только не имеет универсального характера, но и не демонстрирует столь очевидных преимуществ, как это считалось ранее. В то же время международные вызовы, связанные с необходимостью поддержания мира, развитием мировой торговли и требованиями консолидированной международной реакции на изменения климата, требуют все большей интеграции на глобальном уровне. В этих условиях понимание институциональных особенностей обоих полюсов возвращающейся биполярности мира становится не только задачей научных поисков, но и приобретает необходимое практическое значение. В данной работе биполярность понимается как постоянная представленность в мировом масштабе двух групп стран, отличающихся своим институциональным устройством, что фиксируется общим термином «западные и не-западные модели». Статья посвящена анализу содержания, факторов становления и хронологии сосуществования государств, для которых характерны эти институциональные модели. Представления об экономико-политических особенностях западных и не-западных моделей можно найти во многих работах. В статье мы отметим труды К. Маркса, К. Виттфогеля, К. Поланьи, В. Ойкена, Я. Корнаи и С. Роузфилда. Среди работ последних лет наиболее резонансными являются теория порядков свободного и ограниченного доступа (Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст) и теория инклюзивных и экстрактивных институтов (Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон). Особенности и ограничения этих теорий будут кратко рассмотрены.

Однако в своем анализе мы будем опираться не на рассмотренные концепции, а на подход, основанный на теории институциональных матриц, или X- и Y-теорию. В ней западные институциональные модели характеризуются преобладанием институтов Y-матрицы – рыночной экономики, федеративной политической структуры и индивидуалистической идеологии. Не-западные модели отличаются доминированием институтов X-матрицы – редистрибутивной экономики, унитарно-централизованной политической структуры и коммунитарной идеологии.

В статье впервые обобщены результаты двух взаимосвязанных исследований на выборках стран с преобладанием X- и Y-матрицы. Работы были проведены под руководством автора в 2014–2017 гг.¹ В первом исследовании изучалось влияние географических факторов на институциональное развитие государств. Методами интеллектуального анализа данных были проанализированы 115 статистических показателей для выборки стран с не-западными и западными институциональными моделями – в терминах теории институциональных матриц они называются X- и Y-странами (n= 65). Исследование выявило достоверное влияние климатических характеристик на размещение в пространстве государств с доминированием X- и Y-матрицы. Установлено, что на территориях с относительно мягкими климатическими характеристиками (оптимальные температура воздуха и уровень осадков), а также с невысокими рисками природных катастроф, складываются государства с доминированием Y-институтов, т.е. для них характерны западные институциональные модели. В свою очередь, на территориях, где отмечаются высокие амплитуды в уровне осадков и температуры воздуха, а также там, где средние температуры слишком высокие или слишком низкие, как и уровни осадков, а риски природных катастроф довольно высоки, исторически преобладают институты X-матрицы, т.е. доминируют не-западные институциональные модели.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-02-00207).

¹ Автор выражает искреннюю благодарность за слаженную совместную работу участникам этих проектов А.В. Верникову, А.И. Вольнскому, Е.В. Камко, И.Л. Кирилкову, М.С. Кругловой, А.В. Кузнецовой, О.В. Сенько, Г.М. Соколову, А.А. Рубинштейну, а также В.И. Маевскому за полезные консультации в ходе работы.

Во втором исследовании сопоставлялась долгосрочная динамика валовых внутренних продуктов, произведенных X- и Y-странами. Была использована база данных Мэдисона (панельные данные за 1820–2016 гг.) Расчеты проведены на выборке X- и Y-стран (n=21), которые производили за все исследованные годы 75–85% мирового ВВП. Сопоставление данных позволило увидеть циклический процесс изменения мирового лидерства, выраженного в преобладающей доле производства мирового продукта. В 1820-х гг. X-страны лидировали в производстве мирового ВВП. С 1870-х гг. начинается доминирование Y-стран, которые стали производить более половины всего мирового валового продукта. Наибольший разрыв между этими двумя группами стран наблюдался в 1950–1960-е гг., а в 1970-х гг. он начал сокращаться. После 2008 г., по данным наших выборочных исследований, X-страны по сумме ВВП начинают превосходить Y-страны, и этот разрыв постепенно увеличивается.

В заключении отмечается, что наблюдаемый в последнее десятилетие слом тренда доминирования государств с западными институциональными моделями сопровождается радикализацией в этих странах общественного сознания, а также ростом международной напряженности.

Ключевые слова: теория институциональных матриц, X-Y-теория, западные и не-западные институциональные модели, институциональный подход, эволюционный подход, сравнительный анализ экономических систем, мировой экономической порядок.

Классификация JEL: B52, B31, C12, F02, P51.

Введение

Уже в первом номере нового журнала «Вопросы экономической теории», который стал издаваться с конца 2017 г., немало страниц посвящено анализу тех актуальных задач, которые стоят перед современной политэкономией. Среди них: поиск рецептов преодоления усиливающегося социального неравенства [Воейков, 2017]; изучение механизмов формирования и развития институтов, в том числе для хозяйственных систем, отличающихся в институциональном отношении от рыночной экономики [Некипелов, 2017. С. 31]; снижение негативного влияния доминирующих идеологий на научные разработки [Полтерович, 2017]. Этот перечень можно дополнить еще одной проблемой – анализом изменений в конфигурации мировой экономики. Они вызывают «серьезные сбои в глобальном балансе политико-экономической власти» – именно так описывается современная ситуация в повестке очередной 5-й конференции Международной междисциплинарной сети институциональных исследований (World Interdisciplinary Network for Institutional Research), названной «Институты и будущее глобального капитализма»². Тревога современных политэкономов и институционалистов, среди которых ведущую роль по-прежнему играют представители Большой четверки (США, Великобритании, Германии и Франции), т.е. стран Запада, вполне понятна. С одной стороны, усиливается экономическая мощь государств Востока (прежде всего Китая и Индии) и возрастает политическая роль России, что бросает вызов ставшему привычным глобальному доминированию Запада. С другой – осознается и критикуется растущее социально-экономическое неравенство в крупнейших развитых экономиках, о чем свидетельствует мировой успех 700-страничного бестселлера Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке». Рост неравенства сопровождается усилением недовольства населения указанных стран по поводу внутренней экономической ситуации последних лет.

Данные факты оспаривают лидерство западной институциональной модели экономического развития. Становится очевидным, что эта модель не только не имеет универсального характера, но и не показывает столь очевидных преимуществ, как это считалось ранее. Заявляют о своей жизнеспособности и перспективности иные модели, которые принято называть не-западными. Похоже, мир снова становится биполярным, и это заставляет внимательнее отнестись к сопоставлению альтернативных сосуществующих

² winir.org/?page=events&side=winir_2018.

моделей, анализу факторов их становления и развития. На наш взгляд, именно понимание «другого» дает надежду на необходимый международный диалог, который так значим сегодня. Он нужен для поддержания мира, развития мировой торговли на благо всех государств, адекватной реакции на изменения климата в планетарном масштабе. Настоящая статья – это определенный вклад в решение задачи понимания особенностей исторически сосуществующих западных и не-западных институциональных моделей, которое могло бы способствовать такому диалогу.

Она состоит из четырех частей и заключения. В первой части излагаются некоторые подходы к изучению двух типов экономико-политических систем, которые мы обобщаем в понятиях «западные» и «не-западные» институциональные модели. Во второй эти модели рассматриваются с точки зрения теории институциональных матриц. Третья часть посвящена изложению результатов исследования о влиянии географических факторов на становление того и другого типа моделей, что определяет их размещение в пространстве. В четвертой представлены некоторые данные о хронологии сосуществования государств, для которых характерны эти институциональные модели, что позволяет высказать гипотезу о циклической смене лидирующего положения западных и не-западных стран. В заключении будет отмечено влияние происходящих изменений в конфигурации мировой политико-экономической структуры на рост международной напряженности и радикализацию общественного сознания.

1. О западных и не-западных институциональных моделях: немного истории

Для сторонников экономического мейнстрима естественным было и есть представление о рыночной экономике как «универсальной форме экономического устройства» [Некителов, 2017. С. 23]. Крушение социалистической системы лишь укрепило его.

Однако за пределами мейнстрима, например, в классической политической экономии, экономической истории или в рамках гетеродоксальных направлений экономической мысли, исследователи демонстрируют более широкие взгляды и указывают на наличие не одного, а двух типов доминирующих экономических моделей, которые сосуществуют и взаимодействуют во времени и пространстве.

Напомним, что в свое время еще Карл Маркс указывал на отличие институтов собственности, характерных для «азиатского способа производства», от европейских. Если в Европе историческую основу экономической модели составляли частная собственность на землю и базирующиеся на ней отношения обмена, то в Азии верховным собственником земли выступало государство. Разбирая отношения собственности при азиатском способе производства, Маркс отмечал, что хотя там и существует частное и общинное владение и пользование землей, но нет никакой частной земельной собственности ([Marx, 1939. S. 376–377.] Цит. по: [Венедиктов, 1948. С. 62]). Как и некоторые другие юристы его времени, Маркс указывал, что на Востоке (в отличие от античной, в первую очередь римской общины) при объединении общин в более крупные, в том числе в государство, право собственности оставалось не за ними, а переходило к «связующему их единству». «Связующее единство (*zusammenfassende Einheit*), возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, – писал Маркс, – выступает как высший собственник... каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности» [там же. С. 68].

Если Маркс лишь указал на главное различие европейской и азиатской моделей – по типу собственности, то Карл Виттфогель в своей известной концепции «гидравлических обществ» исследовал последнюю более тщательно и нашел ее следы не только в странах Азии. Вклад Виттфогеля заключается в том, что он показал взаимосвязь между экономи-

ческой структурой восточных стран, где преобладают масштабные общественные работы (в частности, по содержанию ирригационных и противопаводковых систем), и централизованным политическим устройством [Wittfogel, 1959].

Развитие взглядов Маркса и Виттфогеля можно найти в работах их соотечественника Вальтера Ойкена. В своей классической книге «Основы национальной экономики» (впервые вышла в 1939 г. на немецком языке) Ойкен писал: «Историческое исследование во всех эпохах обнаруживает две чистые основные формы: идеальные типы неменовый «централизованно управляемой экономики» и «меновый экономики»... Следы других экономических систем – помимо этих двух – не удастся обнаружить ни в современной экономической действительности, ни в прошлом; вряд ли можно себе представить, что они будут найдены и в будущем» [Ойкен, 1996. С. 19]. При этом он отмечал, что элементы той или иной экономической системы, например, централизованно управляемой экономики, иногда доминируют, а иногда лишь дополняют общую картину [там же. С. 108]. Таким образом, вклад Ойкена состоит в том, что он, отмечая «смешанный» характер реальных экономических систем, указывал, тем не менее, на доминирование в экономической жизни одной из двух моделей.

Известный историк-экономист и антрополог австро-венгерского происхождения Карл Поланьи пошел дальше в исследовании нерыночных хозяйственных систем. В посмертно изданной в 1977 г. книге «The Livelihood of Man», до сих пор полностью не переведенной, насколько нам известно, на русский язык, он детально исследовал формы интеграции экономического процесса в разные исторические эпохи для многих стран. При этом он опирался как на результаты собственных изысканий, так и на труды К. Бюхера, Ф. Тённиса, Р. Торнвальда, Г. Малиновского, М. Вебера, Э. Дюркгейма, М. Ростовцева и других признанных историков, социологов и антропологов. Поланьи, как известно, выделил следующие основные формы экономической интеграции – редистрибуцию (redistribution), обмен (exchange) и реципрокность (reciprocity). Две из них – обмен и редистрибуцию – Поланьи выделяет в качестве основы для классификации всего множества национальных хозяйств³. Во-первых, он указывает на рыночные экономики, в которых доминирующей формой взаимодействия между участниками хозяйственного процесса является обмен. Под ним Поланьи, в соответствии с классическим пониманием, подразумевает «двустороннее движение товаров между субъектами, ориентированными на прибыль, получающуюся в результате для каждого от итогов соглашения» [Polanyi, 1977. P. 42]. Однако значительная часть книги 1977 г. посвящена доказательствам того, что рыночно-устроенный, базирующийся на обмене институциональный комплекс не является общим для всех экономик мира. Во многих обществах действует экономическая система, основанная на редистрибуции. В редистрибутивных экономиках преобладает движение благ и услуг к центру и от него – осуществляется ли передвижение объектов физически или меняется только порядок права их присвоения без каких-либо изменений в действительном размещении ресурса или продукта [ibid. P. 40]. Вслед за Ойкеном Поланьи не только подтвердил и дополнительно обосновал своими антропологическими исследованиями наличие двух равнозначных, параллельно функционирующих в истории рыночных (обменных) и редистрибутивных (централизованных) институциональных комплексов, но и глубже исследовал механизмы функционирования тех экономик, которые назвал редистрибутивными. Еще более определенно, чем Ойкен, Поланьи указывал на то, что в том или ином обществе доминирует одна из форм экономических отношений, в то время как альтернативная занимает дополнительное положение [Polanyi, 1963].

³ Реципрокность, означающая движение товаров и услуг (а также людей) между взаимодействующими сторонами на симметричной основе, т. е. взаимопомощь родственников, деревень и даже государств, например, в форме ленд-лиза [Polanyi, 1977. P. 36], рассматривалась Поланьи как дополнительная по отношению к главенствующим формам экономической интеграции определенного типа обществ – рынку и редистрибуции.

Политическая экономия социализма середины XX в. также предлагала свою версию двух типов экономических моделей. Советские политэкономы (а вслед за ними представители стран, которые в силу тех или иных причин стали строить социализм), называли их капиталистической и социалистической и подробно разбирали их особенности. Вклад представителей политэкономии социализма заключался в том, что, следуя логике Маркса при анализе европейской модели (капиталистической), они изучали социалистические модели в единстве их экономической, политической и идеологической составляющих (которые сегодня называют институтами). Свою версию предложил и венгерский политэконом Януш Корнаи [Kornai, 1980] – в его трактовке альтернативные экономические модели связаны либо с *мягкими*⁴ (при социализме), либо с *жесткими бюджетными ограничениями* (в рыночной экономике).

Отметим еще одного автора, развивающего свою концепцию двух моделей экономик. Речь идет об экономисте-компаративисте из США Стивене Роузфилде. В своей книге «Сравнительный анализ экономик мира...», выдержавшей три издания [Rosefelde, 2008 (2005, 2002)] и переведенной на русский язык [Роузфилд, 2004], он выделяет «экономики категории А, или рыночные экономики» и «экономики категории В, или культурно регулируемые системы». В странах Азии, как отмечает Роузфилд, доминируют экономики категории В.

Большинство указанных авторов объединяет то, что два типа экономических моделей рассматриваются ими как рядоположенные, одновременно сосуществующие в различных странах. Другое сходство представленных концепций (за исключением, пожалуй, политэкономии социализма) заключается в том, что они, обобщая известные исторические факты, не имеют оценочного характера и не опираются на идеологические схемы.

Этим рассмотренные подходы отличаются от новых, но уже весьма популярных теорий представителей неоклассической экономики, в которых также представлены альтернативные социально-экономические модели развития. Имеются в виду теории порядков свободного и ограниченного доступа [North et al., 2009; Норт и др., 2011] и инклюзивных и экстрактивных институтов [Acemoglu, Robinson, 2012; Аджемоглу, Робинсон, 2015]. Об опоре этих теорий на определенные идеологические установки, позволяющей авторам скреплять в единое целое «научно установленные факты», прямо указывает В.М. Полтерович [Полтерович, 2017. С. 57]⁵. Однако, на наш взгляд, их очевидная идеологическая ангажированность является скорее препятствием к поиску научной истины. Неслучайно авторская интерпретация приводимых в данных теориях исторических фактов и сопоставлений активно критикуется. Особенно это касается теории Аджемоглу и Робинсона (см., например: [Diamond, 2012; Арсланов, 2016]). Оценочный характер обеих теорий выражается также в том, что модели с позитивной коннотацией – к ним относятся порядки открытого доступа в теории Норта и его коллег или общества с инклюзивными институтами у Аджемоглу и Робинсона – характеризуют западные страны⁶, которые представлены в рамках данных теорий как более развитые и передовые.

⁴ Корнаи впервые ввел в экономическую литературу понятие «мягкие бюджетные ограничения» в 1976 г.

⁵ В.М. Полтерович полагает, что «сложность общественных систем, их изменчивость и невозможность (за исключением редких ситуаций) проведения лабораторных экспериментов приводят к тому, что общие концепции, претендующие на объяснение реальности и на практическую значимость, вынуждены опираться на идеологию» [Полтерович, 2017. С. 57]. Поэтому две эти теории представляются ему образцами научных. Мы придерживаемся противоположного мнения о роли идеологии в общественных науках и полагаем, что присущий им идеологический *bias* (предвзятость) является тем «первородным грехом», который общественные науки должны преодолевать [Кирдина, 2008. С. 21–22]. Развитие эволюционного подхода, *complexity economics* и синергетической парадигмы в экономической теории весьма этому способствует.

⁶ «Большинство стран, осуществивших переход к открытому доступу или по крайней мере выполнивших пороговые условия, расположены в Европе или основаны европейцами» [Норт и др., 2011. С. 42].

2. Западные и не-западные институциональные модели в теории институциональных матриц

В своем анализе западных и не-западных институциональных моделей мы будем опираться на подход, основанный на теории институциональных матриц, или X- и Y-теорию [Матрица институциональная в социологии, 2003; Институциональных матриц теория, 2010].

Теория институциональных матриц (Institutional Matrices Theory) разрабатывается автором с конца 1990-х гг. В ней развивается и обосновывается гипотеза о двух устойчивых системах базовых институтов (институциональных комплексов), определяющих природу и характер развития обществ. Впервые термин «институциональная матрица» применил К. Поланьи [Polanyi, 1977], затем его использовал Д. Норт [North, 1990], дальнейшая разработка этого понятия представлена в теории институциональных матриц [Кирдина, 2014 [2000, 2001]; Kirdina-Chandler, 2017]⁷.

Институциональная матрица (*лат. matrix* – матка, первичная модель) определяется как исторически сложившийся устойчивый триплекс взаимосвязанных базовых институтов (институциональных комплексов), регулирующих функционирование трех основных общественных подсистем: экономики, политики и идеологии. Базовые институты, сохраняя присущее им содержание, проявляют себя в разнообразных исторически меняющихся институциональных формах, специфика которых определяется историей и культурным контекстом конкретных обществ.

Анализ обширного эмпирического материала, начиная с древнейших государств Египта и Месопотамии и заканчивая современными странами, показал, что в структуре общества устойчиво доминирует, как правило, одна из двух институциональных матриц: либо X-, либо Y-. Они качественно различаются между собой содержанием образующих их базовых институтов.

Для X-матрицы характерны следующие базовые институты (институциональные комплексы):

- ▶ в экономической сфере – редиистрибутивной экономики (термин К. Поланьи). К ним относятся институты верховной условной собственности; служебного труда (термин О.Э. Бессоновой); кооперации; редиистрибуции (аккумуляции–согласования–распределения); X-эффективности (категория введена Х. Лейбенштайном), т. е. снижения издержек нерыночными методами. Сущностью «чистых» редиистрибутивных экономик является обязательное опосредование центром движения благ и прав по их производству и использованию;
- ▶ в политической сфере – унитарного политического устройства. Среди них институты: административно-территориального деления; иерархической вертикали власти во главе с центром; назначений; общих собраний и единогласия; обращений по инстанциям;
- ▶ в идеологической сфере – коммунитарной идеологии, основное содержание которой состоит в доминировании коллективных, общих ценностей, приоритете «Мы» над «Я». К ним относятся: институты коллективизма; эгалитаризма; порядка; ориентированные на благополучие трудовой мотивации; холистические (интегральные) представления о мире. Институты X-матрицы доминируют в России, в странах Азии и Латинской Америки.

Y-матрица образована следующими базовыми институтами (институциональными комплексами), которые выполняют аналогичные функции, но иным образом, а именно:

⁷ Поскольку теория институциональных матриц довольно подробно описана в научной литературе, а также в Википедии, мы ограничимся здесь лишь кратким ее изложением.

- ▶ в экономической сфере – рыночной экономики. Среди них институты частной собственности; наемного труда; конкуренции; обмена (купли–продажи); получения прибыли, или Y-эффективности (категория X. Лейбенштайна);
- ▶ в политической сфере – федеративного политического устройства. К ним относятся институты: федерации; самоуправления и субсидиарности; выборов; многопартийности и демократического большинства; судебных исков;
- ▶ в идеологической сфере – индивидуалистской идеологии, закрепляющие приоритет «Я» над «Мы», примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня. Это институты: индивидуализма; стратификации; свободы; денежно-ориентированной трудовой мотивации; редукционистские (дискретные) представления о мире. Институты Y-матрицы преобладают в странах Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии.

Повторимся, что на протяжении истории государств доминирующее положение либо X-, либо Y-матрицы в институциональной структуре обществ, как правило, сохраняется. Это соответствует представлениям большинства отмеченных выше авторов (среди них Маркс, Поланьи, Ойкен, Роузфилд). Институты из альтернативной матрицы – в теории институциональных матриц они называются «комплементарные» («институциональные комплексы») – играют необходимую, но вспомогательную роль, «дополняя до целого» институциональную общественную структуру. Подобно генетике, где доминантный ген, подавляя рецессивный, задает проявляющиеся признаки живого организма, институты доминирующей матрицы определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, задают рамки и ограничения для действия комплементарных, вспомогательных институтов альтернативной матрицы. Прогрессивное развитие общества требует постоянного поиска оптимального баланса между институтами доминирующей и комплементарной матриц, а также предотвращения институциональных диссонансов [Кирдина-Чэндлер, 2017а].

На основе положений рассмотренной теории западные институциональные модели характеризуются преобладанием институтов Y-матрицы, среди которых институты рыночной экономики, федеративной политической структуры и индивидуалистической идеологии. Не-западные модели отличаются доминированием институтов X-матрицы, среди которых институты редистрибутивной экономики, унитарно-централизованный политической структуры и коммунитарной идеологии. Такое представление о не-западных (соответствующих доминированию институтов X-матрицы) и западных (соответствующих доминированию институтов Y-матрицы) институциональных моделях было положено в основу двух взаимосвязанных исследований, о которых речь пойдет ниже. Работы были проведены под руководством автора в 2014–2017 гг.

3. Западные и не-западные институциональные модели в пространстве: роль географических факторов

В первом исследовании изучалось влияние географических факторов на институциональное развитие государств. Другими словами, ставилась задача понять, какие географические факторы предопределяют (и предопределяют ли?) размещение стран с западными и не-западными институциональными моделями в пространстве.

Надо сказать, что в трудах современных институционалистов «географическая гипотеза» обсуждается уже не одно десятилетие. Представлены различные точки зрения и эконометрические модели с целью ее проверки (подробнее об этом см.: [Кирдина, 2016. С. 138–143]). Общим (при различии позиций) является то, что авторы используют, как правило, редукционистский подход при анализе институтов. Он состоит в том, что в расчетах принимают во внимание лишь некоторые из них – обычно экономические, – причем без

учета характерного для них свойства *embeddedness*⁸ (включенности, укорененности в социальной «не-экономической» жизни). Однако институциональные структуры имеют, на наш взгляд, холистическую природу, поэтому следует рассматривать их как взаимосвязанное целое.

Наша задача заключалась в том, чтобы преодолеть ограниченность такого редукционистского подхода. Поэтому мы использовали представление институциональной структуры в виде взаимодействующих институциональных матриц, что является, на наш взгляд, более адекватным для проверки «географической гипотезы». На этой основе было проведено исследование, результаты которого представлены ниже (подробнее см.: [Кирдина, Кузнецова, Сенько, 2015]).

В нем методами интеллектуального анализа данных были проанализированы 115 статистических показателей для выборки X- и Y-стран (n= 65), которые в сумме производят 90% мирового ВВП. Методика включала в себя оригинальные методы классификации, позволяющие учитывать нелинейный характер связи между признаками, и процедуры статистической оценки достоверности и устойчивости результатов. В качестве источников информации использованы известные статистические базы данных, содержащие географические показатели⁹.

В ходе исследования была выделена группа показателей, влияние которых на характер складывающихся в государствах институциональных моделей оказалось определяющим. Это – климатические характеристики, определяющие размещение в пространстве X- и Y-стран. Среди них: температуры, уровни осадков и риски природных катастроф (табл.).

Установлено, что на территориях с относительно мягкими климатическими показателями (оптимальные температуры воздуха и уровня осадков), а также невысокими рисками природных катастроф, складываются государства с доминированием Y-институтов, т.е. для них характерны западные институциональные модели. В свою очередь, на территориях, где отмечаются существенные колебания амплитуды уровня осадков и температуры воздуха, а также там, где средние температуры слишком высокие или слишком низкие, как и уровни осадков, а риски природных катастроф довольно высоки, исторически преобладают институты X-матрицы, т.е. доминируют не-западные институциональные модели.

Почему именно показатели климата и связанная с ними подверженность населения природным катастрофам вышли на первый план?

Выскажем следующее соображение. История любого государства начинается со стадии оседлого аграрного производства, и в этом сходятся представители разных наук – от археологов и историков до экономистов, культурологов, социологов и т.д. Общества могут выживать, если они, прежде всего, научились устойчиво обеспечивать свое население продуктами питания и защищать его от воздействия окружающей среды, вне зависимости от капризов природы. На заре первых государств именно в аграрной сфере начинают складываться определенные социальные технологии (институты), которые организуют социум для выживания на данной ему территории, т.е. формируются те самые адаптационные механизмы, благодаря которым удается овладеть окружающей средой и использовать ее для удовлетворения социальных потребностей. Еще Карл Поланьи в свое время прозорливо отмечал, что «социальная организация присвоения окружающей энергии и мощностей... определяет институциональную матрицу» [Polanyi, 1977. P. XXXII].

Очевидно, что аграрная сфера весьма подвержена влиянию климата. История свидетельствует, что в различных климатических зонах сельское хозяйство развивалось по-раз-

⁸ Термин введен Карлом Поланьи и развит эконом-социологом Марком Грановеттером.

⁹ Источники данных: www.worldbank.org; www.cia.gov; www.gapminder.org; faostat3.fao.org; www.indexmundi.com; en.wikipedia.org; unstats.un.org; www.world-nuclear.org; www.bp.com; minerals.usgs.gov. Подробнее структура данных представлена в: [Кирилюк, Волынский, Круглова, Кузнецова, Рубинштейн, Сенько, 2015].

Таблица

Средние значения климатических показателей в X-странах (не-западные институциональные модели) и Y-странах (западные институциональные модели)

Показатели	Страны			В среднем по всем странам	Достоверность разбоя (критерий Фишера)
	«прохладные» X-страны*	Y-страны***	«жаркие» X-страны**		
Пострадавшие от бедствий, %	1,9	0,1	1,3	0,9	0,0040
Пострадавшие от засухи, чел. на 100 000 жителей	27,3	8,0	49,0	33,5	0,0381
Пострадавшие от наводнений, чел. на 100 000 жителей	78,3	6,6	37,6	29,8	0,0042
Средняя температура за год, °С:	6,4	9,3	23,1	16,2	<0,0001
октябрь	8,1	9,8	23,6	16,9	<0,0001
ноябрь	0,4	5,4	21,4	13,3	<0,0001
декабрь	-5,6	2,2	19,4	10,5	<0,0001
январь	-8,2	0,9	18,8	9,4	<0,0001
февраль	-6,2	1,9	19,9	10,6	<0,0001
март	0	4,5	21,7	13,0	<0,0001
апрель	6,6	7,8	23,6	15,9	<0,0001
май	12,3	11,7	24,9	18,7	<0,0001
июнь	16,7	14,8	25,7	20,7	<0,0001
июль	19,6	16,9	25,8	21,8	<0,0001
август	19,3	16,6	25,8	21,7	<0,0001
сентябрь	14,7	13,9	25,2	19,9	<0,0001
Осадки, мм:					
май	87	57	120	93	0,0039
июнь	146	60	142	111	0,0050
июль	219	57	145	118	0,0003
август	194	57	146	116	0,0006
сентябрь	131	55	141	107	0,0017
октябрь	62	61	134	99	0,0019
за год	1100	760	1328	1089	0,0090
Амплитуда осадков за год, мм	194	52	159	121	<0,0001
Минимальная температура за год, °С	1,0	4,6	17,4	11,0	<0,0001

* «Прохладные» X-страны (всего 6): КНР, КНДР, Непал, Республика Корея, Российская Федерация, Япония

** «Жаркие» X-страны (всего 35): Боливия, Бразилия, Венесуэла, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Камбоджа, Колумбия, Куба, Лаос, Ливия, Малайзия, Мексика, Мьянма, Никарагуа, Пакистан, Парагвай, Перу, Саудовская Аравия, Сирия, Судан, Таиланд, Тунис, Филиппины, Шри Ланка, Эквадор, Эфиопия, Южно-Африканская Республика.

*** Y-страны (всего 24): Австрия, Аргентина, Болгария, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Германия, Испания, Италия, Канада, Марокко, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, США, Турция, Финляндия, Франция, Чили, Швеция.

ному. Примеры засушливого Египта с централизованными формами ведения хозяйства и плодородной Месопотамии с ее начатками рыночных форм координации – известные тому подтверждения (подробнее об этом см.: [Кирдина, 2014. С. 89–98]).

Переход от аграрной к индустриальной и последующим стадиям общественного развития¹⁰ не отменял, но впитывал в себя институциональные достижения предыдущих эпох. Выявленные в экономике и социологии механизмы *кумулятивной причинности* (Т. Веблен), *path dependence* (П. Дэвид, П. Пирсон, С. Лейбовиц, С. Марголис и др.), *эффекты блокировки* (Д. Норт), *социокультурной эволюции* (Дж. и Г. Ленски) и др. обеспечивали трансляцию социальных технологий и поддерживали возникшее на заре истории государства доминирующее положение той или иной институциональной матрицы. Наконец, необратимость «стрелы времени» (А. Эддингтон) также не позволяет игнорировать различия, возникшие на предыдущих этапах социального развития.

Кроме того, обратим внимание на значение климата для воспроизводства человеческой популяции как таковой. Известны исследования, объясняющие роль умеренного климата как фактора блокировки болезней (см., например: [Malik, Temple, 2005, 2006]). Поэтому само расселение населения по территории, его плотность и формы социальной организации, как и формировавшиеся на их основе институты, различались в зависимости от климатических условий.

4. Западные и не-западные институциональные модели во времени: циклическая смена доминирования

Какова хронология сосуществования стран, для которых характерны западные и не-западные институциональные модели, или, другими словами, в которых доминируют институты X- или Y-матрицы? Для ответа на этот вопрос было решено исследовать сопоставительную долгосрочную динамику валовых внутренних продуктов (ВВП), произведенных этими странами.

Обращение к ВВП связано с тем, что этот показатель, несмотря на его растущую критику, является, пожалуй, единственным консенсусным индикатором, на основе которого – пусть и косвенно – можно судить о «мощи» каждой страны по сравнению с другими. Необходимость изучения долгосрочной динамики вынудила нас обратиться к данным известных таблиц Ангуса Мэдисона [Maddison Project Database, 2018], где представлено многолетнее исследование сопоставимых уровней ВВП ряда стран до 2016 г., измеренного в млн международных, Geary-Khamis, долл. 1990 г. Представленные в базе Мэдисона данные с XII в. до 1820 г. разрозненны и неполны – они охватывают лишь небольшой круг стран. Поэтому за начальную точку отсчета принят 1820 г., начиная с которого имеются сведения по широкому кругу стран.

С учетом имеющихся данных была сформирована выборка стран, включающая государства обоих типов. Из стран с доминированием институциональной X-матрицы представлены Китай, Индия, Бразилия, Япония и страны бывшего СССР, или Российской империи (поскольку Россия в базе Мэдисона отдельно не выделялась до 1920-х гг.). Из стран с доминированием Y-матрицы в выборку включены 12 западноевропейских – Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция и Швейцария, а также 4 страны за пределами Европы – Австралия, Новая Зеландия, Канада и США. Перечисленные страны производили и производят не

¹⁰ В данном случае не столь важно, как происходит формирование государств – в результате медленного поступательного роста или прерывистой эволюции и нелинейного развития (подробнее об этом см.: [Abrutyn, Lawrence, 2010]). Важно, что это необратимо.

менее 75–85% мирового ВВП, что делает нашу выборку вполне репрезентативной для анализа процессов на глобальном уровне.

График, отражающий динамику суммарной доли ВВП стран с западными (Y-страны) и не-западными (X-страны) институциональными моделями за период 1820–2016 гг., представлен на рисунке.

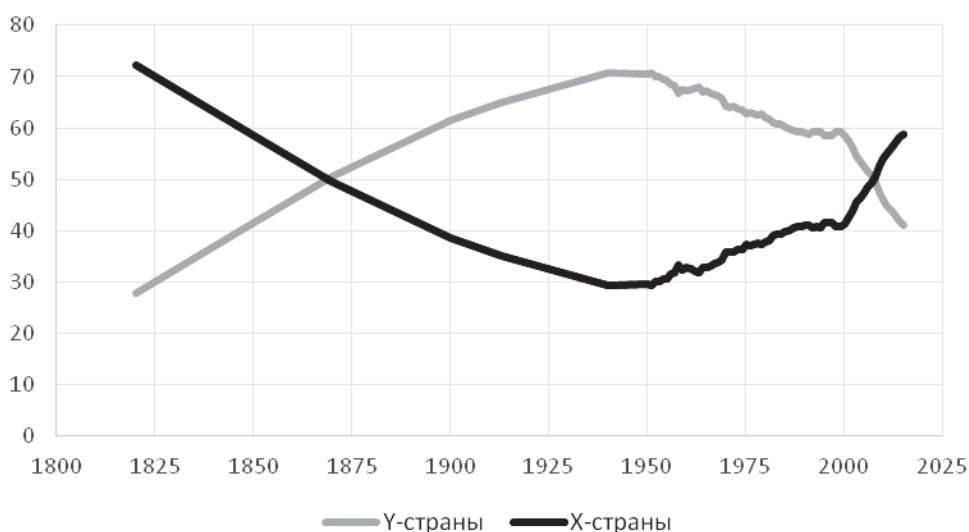

Рис. Доли суммарных ВВП стран с не-западными (X-страны) и западными (Y-страны) институциональными моделями (%)

Данные графика позволяют увидеть циклический процесс, в ходе которого происходит смена доминирования стран с альтернативным типом институциональных моделей. В 1820-е гг. (и ранее, как полагает ряд историков, см., например: [Frank, 1998]) глобальный ВВП формировался преимущественно X-странами. Начиная с 1870 г. растет доля Y-стран, которые стали производить более половины мирового ВВП. Максимальный разрыв между двумя группами стран имел место в 1950–1960-е гг., а с 1970 г. он начал сокращаться. Примерно с 2008 г., по нашим расчетам, X-страны вновь начали выходить на лидирующие позиции, т. е. превосходить Y-страны по производству ВВП, и в последующие годы этот разрыв постепенно увеличивается.

Таким образом, на наших глазах меняется глобальная конфигурация основных игроков в мировом хозяйстве. Полученные результаты подтверждают высказанные ранее соображения о циклическом характере соотношения «центра и периферии», или доминирующих полюсов в глобальном мире. «Мы снова находимся в одном из чередующихся периодов гегемонии и конкуренции в мировой экономической системе, который предвещает обновленный сдвиг гегемонии в западном направлении через Тихий океан» [The World System..., 1998. P. 47]. О том же пишет норвежский ученый Эрик Райнерт: «Мир входит в новую эру – эру, отмеченную двумя существенными изменениями. Первым является начало конца доминирования Запада – это не конец Запада, но все же. Вторым является азиатский «Ренессанс», потому что XXI столетие будет столетием китайских и индийских экономических систем» [Райнерт, 2013. С. 47]¹¹. При этом исследователи обращают внимание на взаимозависимость двух групп стран. Так, «возвышение Европы» в XIX в. невозможно объяснить без учета роли торговли с Азией и Африкой – глобальная мировая система была уже тогда. Точно также современное развитие азиатских стран связывается с импортом технологий из современных государств – лидеров технологического прогресса – Европы и затем сменивших ее в этой роли США.

¹¹ См. также: [Frank, 1998].

Заключение

Наблюдаемый в последнее десятилетие слом долгосрочного тренда доминирования государств с западными институциональными моделями сопровождается радикализацией в этих странах общественного сознания, а также ростом международной напряженности.

Как правило, радикализм распространяется в кризисные или переходные исторические периоды, когда ощущается угроза привычному порядку вещей. Его проявления можно видеть в нервной политике, протестных социальных действиях, истерическом характере публикаций в средствах массовой информации, а также в распространении радикальных научных концепций (об этом см.: [Кирдина-Чэндлер, 2017b]). Для радикализма характерны бескомпромиссность и неприятие сложившейся ситуации, а сам процесс означает усиление непримиримых настроений, неуверенность существования, приверженность крайним взглядам. Радикализм сопровождается как акцентированием внимания на внешних угрозах – явных или мнимых, так и резкой критикой существующих внутри страны институтов, идей, правил и социального порядка, которая приобретает формы политической борьбы.

Некоторые эксперты считают, что в ситуациях, когда происходят кардинальные изменения в существующем порядке или соотношении экономических преимуществ, в том числе и между странами, когда речь идет о перераспределении «центров силы» и в связи с этим формируются запросы на новые «условия игры», усиливаются военные угрозы и растет вероятность локальных и даже глобальных конфликтов. Мы полагаем, что сгладить возможную международную напряженность могут помочь результаты научных исследований, показывающие, что эти изменения носят объективный характер, они не обусловлены агрессией тех или иных стран, речь идет о естественных циклических процессах, постоянно сопровождающих нашу жизнь.

Глобальные институциональные циклы в биполярном мире выражаются не только в изменении сопоставительных масштабов групп X- и Y-стран. Как правило, они сопряжены с динамикой организационных форм, отражающих глубину взаимосвязей каждого из полюсов глобального биполярного мира. Глядя назад, на общее прошлое человечества и заглядывая вперед в его общее будущее, можно предположить дальнейшее оформление каждого из полюсов во все более взаимосвязанную структуру, т. е. развитие различного рода международных альянсов внутри каждой из групп стран. Будет происходить процесс укрепления биполярности мира, что будет способствовать снижению хаоса и упрочению стабильности международных отношений. Это – один из возможных позитивных прогнозов.

Другой прогноз состоит в том, что со временем будет осознано и артикулировано идеологическое единство X-стран, которым присущи не-западные институциональные модели. Если Y-страны, для которых характерны западные институциональные модели, имеют общую выработанную за предыдущие десятилетия надежную идеологическую платформу для взаимодействия в виде разделяемых народами этих стран общих ценностей, которые называют демократическими, либеральными и т.п., то страны X-матрицы лишь находятся на пути к этому. Возможно, теория институциональных матриц с ее нейтральной в культурно-цивилизационном отношении терминологией может оказаться полезной при решении этой задачи. Тем самым она может способствовать формированию более сбалансированного и гармоничного циклически развивающегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ.
- Арсланов В.В. (2016). География, институты и истоки глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона. М.: Институт экономики РАН.
- Венедиктов А.В. (1948). Государственная социалистическая собственность. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР.
- Воейков М.И. (2017). К проблеме социально-экономического неравенства: экономическое и социальное // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 8–22.
- Институциональных матриц теория / Социологический словарь. (2010) / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М: ИНФРА-М. С. 153–154.
- Кирдина С.Г. (2008). Современные социологические теории: актуальное противостояние? // Социологические исследования. № 8. С. 18–28.
- Кирдина С. Г. (2014) [2000, 2001]. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М.; СПб.: Нестор-История.
- Кирдина С.Г. (2016). Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. № 3. С. 133–150.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2017а). Мезоуровень: новый взгляд на экономику? (Научный доклад). М.: Институт экономики РАН.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2017б). Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Журнал институциональных исследований. Т. 9. № 4. С. 6–15.
- Кирдина С.Г., Кузнецова А.Н., Сенько О. В. (2015). Климат и институциональные матрицы // СОЦИС. № 9. С. 3–13.
- Кириллюк И.Л., Вольнский А.И., Круглова М.С., Кузнецова А.В., Рубинштейн А.А., Сенько О.В. (2015). Эмпирическая проверка теории институциональных матриц методами интеллектуального анализа данных // Компьютерные исследования и моделирование. Т. 7. № 4. С. 923–933.
- Матрица институциональная в социологии / Социологическая энциклопедия. (2003). Т. 1. М: Мысль. С. 609–610.
- Некипелов А.Д. (2017). «Новый прагматизм» профессора Г. Колодко: альтернатива или дополнение чистой экономической теории? // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 22–39.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Ойкен В. (1993). Экономические системы. Т. 1. Вып. 2. М.: THESIS. С. 18–52 (Die Grundlagen der Nationalökonomie. Godesberg: Verlag Helmut Kupper (1947). Godesberg: Verlag Helmut Kupper. S. 126–177).
- Ойкен В. (1996) [1939]. Основы национальной экономики. М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 55–65.
- Райнерт Э. (2013). Об актуальности глобального кейнсианства и выборочной деглобализации / Финансы и реальный сектор: взаимодействие и конкуренция. Материалы IX международного симпозиума по эволюционной экономике, 8–10 сентября 2011 г., Россия, Московская область, г. Пушкино / Отв. редакторы В.И. Маевский, С.Г. Кирдина. М.: Институт экономики РАН.
- Роузфилд С. (2004). Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть в XXI веке. М: РОССПЭН.
- Abrutyn S., Lawrence K. (2010). From Chiefdom to State: Toward an Integrative Theory of the Evolution of Polity // Sociological Perspectives. Vol. 53. No. 3. Pp. 419–442.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012). Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Business.
- Diamond J. (2012). What makes countries rich or poor? // New York Review of Books. June 7. www.nybook.com/articles/2012/06/07/what-makes-countries-rich-or-poor.
- Frank A.G. (1998). ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press.
- Kirdina-Chandler S. (2017). Institutional Matrices Theory, or X-and Y-theory: A Response to F. Gregory Hayden // Journal of Economic Issues. Vol. 51. No. 2. Pp. 476–485.
- Kornai J. (1980). Economics of Shortage, Vol. I and II. Amsterdam and New York: NorthHolland Publishing Company.
- Maddison Project Database (2018). www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018 (дата обращения 26 марта 2018 г.)
- Malik A., Temple J.R.W. (2006). The Geography of Output Volatility // CEPR Working Paper. No. 5516. Pp. 1–39.
- Marx K. (1939). Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie. М: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- North D.C. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.

- North D., Wallis J., Weingast B. (2009). *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Polanyi K. (1963). *Economic Sociology in the United States: Lecture given at the Institute for Cultural Relations*. Budapest. Oct 9. Cit. by: Polanyi, Karl (1977). *The Livelihood of Man*. N.-Y.: Academic Press. Inc.
- Polanyi K. (1977). *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)*. N.-Y.: Academic Press. Inc.
- Rosefielde S. (2008) [2005, 2002]. *Comparative Economic Systems: Culture, Wealth, and Power in the 21st Century*. Malden, Massachusetts & Oxford: Wiley-Blackwell.
- The World System: Five Hundred Years or Five Thousands?* (1998) / Frank A.G & Gills B.K. (eds). London and New York: Routledge.
- Wittfogel K.A. (1959). *Oriental despotism: A comparative study of total power*. New Haven: Yale University Press*.

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна

kirdina@bk.ru

Svetlana Kirdina-Chandler

doctor habilitatus in sociology, head of sub-division of evolution for social and economic systems, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

kirdina@bk.ru

WESTERN AND NON-WESTERN INSTITUTIONAL MODELS IN TIME AND GEOGRAPHICAL SPACE

Abstract. In the 21st century change in the configuration of the global politico-economic structure is becoming increasingly evident. If we look at the agendas of international institutionalists' conferences, where the representatives of the so called *Big Four* (the United States, Great Britain, Germany and France) continue to dominate intellectually, we can find their anxiety about "major disruptions to the global balance of politico-economic power" (https://winir.org/?page=events&side=winir_2018). The growth of the economic giants in on the East (primarily China and India) as well as Russia's political role, and the growing social and economic inequality in the majority of developed economies, contest the leadership of the Western institutional model of economic development. It becomes obvious that this model not only does not have a universal character, but it also does not show as many manifest advantages as has been thought previously. At the same time, an internationally recognised need to sustain peace and international trade, as well to address the problem of climate change, requires an ever greater integration at the global level. Under these conditions, understanding the institutional features of both poles of the returning bipolar world becomes not only a task of scientific research, but also acquires a very necessary practical significance. In this paper bipolarity is understood as a continuing representation on a global scale of two groups of countries that differ in their institutional structures and arrangements – this difference is identified by the general term "Western and non-Western models". The paper is devoted to the analysis of the features, factors of formation and the chronology of the coexistence of countries for which these institutional models are characteristic.

References to the economic and political features of Western and non-Western models can be found in many works. In the paper we will mention the works of K. Marx, K. A. Wittfogel, K. Polanyi, W. Eucken, J. Kornai and S. Rosefielde. Among the works of recent years the most resonant are the theory of Open Access and Limited Access orders (D. North, J. Wallis and B. Weingast) and the theory of Inclusive and Extractive institutions (D. Asemoglu and J. Robinson). The relevances and constraints of these theories will be considered briefly in the paper.

However, in our analysis we will rely on an approach presented in the institutional matrices theory, or X and Y-theory (Кирдина, 2014 [2001, 2000]; Kirdina-Chandler, 2017). In this theory, Western institutional models are characterised by the predominance of the set of Y-matrix institutions, among them the institutions of market economy, federal political structure and individualistic ideology. Non-Western models are distinguished by the dominance of the set of X-matrix institutions, among them the institutions of redistributive economy, unitary-centralised political structure and communitarian ideology.

For the first time the paper summarises the results of two interrelated studies concerning samples of countries with either a predominance of X- or Y-matrix institutions. Both studies were conducted under the guidance of the author in 2014-2017. In the first study, the influence of geographical factors on the institutional development of states was investigated. Using methods of data mining, we analysed 115 statistical indicators for an extended sample (n = 65) of non-Western and Western institutional models (in terms of the institutional matrices theory they are called X- and Y-countries). The results revealed the effect of climatic characteristics in the location of countries on whether X- or Y matrix institutions dominate. It is established that on territory with relatively mild climatic characteristics (optimal air temperatures and precipitation levels), as well as low natural hazard risks, countries with a dominance

* Йельский университет (Yale University) (США) признан нежелательной организацией в России.

of Y-matrix institutions develop, i.e. they are characterised by Western institutional models. In turn, in areas where there are significant fluctuations in the amplitudes of precipitation and air temperature, and where average levels of temperatures and precipitation are relatively too high or too low, and the risks of natural hazards are quite high, X-matrix institutions, or non-Western institutional models, historically predominate.

In the second study we compared the long-term dynamics of gross domestic products (GDP) produced by X- and Y-countries. The Maddison Project Database (1820–2008) was used. The calculations were made for a sample of X- and Y-countries ($n = 21$), which have produced 75–85% of world GDP for all the years studied. Comparison of the data made it possible to see the cyclical process of changing world leadership, i.e. in the prevailing dominance of X- or Y-countries in production of the world's products. In the 1820s, the X-countries were leading in the production of world GDP. Since the 1870s the domination of the Y-countries started, which began to produce more than half of the world GDP. The biggest gap between these two groups of countries was observed in the 1950–1960s but since 1970s it began to decline. After 2008, according to our sample surveys, X-countries began outperforming Y-countries by share of world GDP, and this advantage is gradually increasing.

In conclusion, it is noted that the change in the domination of countries with Western institutional models, as observed in the last decade, is accompanied by the radicalisation of public consciousness in these countries, as well as in the growth of international tension.

Keywords: *institutional matrices theory, X-Y-theory, Western and non-Western institutional models, institutional approach, evolutionary approach, comparative analysis of economic systems, international economic order.*

JEL Classification: B52, B31, C12, F02, P51.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2015). *Pochemu odni strain bogatie, a drugie bednie. Proishozhdenie vlasti procvetaniya i nischeti* [Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty]. M.: AST.
- Arslanov V.V. (2016). *Geografiya, instituty i istoki global'nogo neravenstva: kritika koncepcii ehkonomicheskogo razvitiya Adzhemoglu i Robinsona* [Geography, institutions and the roots of global inequality: a critical appraisal of Acemoglu and Robinson's theory of economic development]. M.: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
- Venediktov A.V. (1948). *Gosudarstvennaya socialicticheskaya sobstvennost'* [State Socialist Property]. Moscow-Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences.
- Voeykov M. (2017). *K probleme social'no-ehkonomicheskogo neravenstva: ehkonomicheskoe i social'noe* [To the problems of socio-economic inequality: social and economic] // *Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki* [Theoretical economics]. No. 1. Pp. 8–22.
- Institucional'nyh matric teoriya [Institutional Matrix Theory] / *Sociologicheskij slovar'* [Sociological dictionary] (2010) / G.V. Osipov, L.N. Moskvichev (eds). M: INFRA-M. Pp. 153–154.
- Kirdina S.G. (2008). *Sovremennye sociologicheskie teorii: aktual'noe protivostoyanie?* [Contemporary sociological theories: current confrontation?] // *Sociologicheskie issledovaniya*. [Sociological research]. No. 8. Pp. 18–28.
- Kirdina S.G. (2014) [2000, 2001]. *Institucional'nye matricy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu*. [Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y Theory] 3rd edition. Moscow; Saint Petersburg: Nestor Istoria.
- Kirdina S.G. (2016). *Rol' institutov i geografii v ehkonomicheskom razviti: aktual'naya polemika v geterodoksal'noj ehkonomike* [Institutions and geography in economic development: a heterodox economic discussion] // *Prostranstvennaya ekonomika*. [Spatial Economics]. No. 3. Pp. 133–150.
- Kirdina-Chandler S.G. (2017a). *Mezouroven': novyj vzglyad na ehkonomiku?* [The Meso Level: A New Look in Economics?] *Nauchnyj doklad* [Working paper]. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.
- Kirdina-Chandler S.G. (2017b). *Radikal'nyj institucionalizm i fejkovaya ehkonomika v XXI veke* [Radical institutional economics and fakery for the 21st century] // *Journal for Institutional Studies*. Vol. 9. No. 4. Pp. 6–15.
- Kirdina S.G., Kuznetsova A.V., Sen'ko O.V. (2015). *Klimat I instituzionalnyne matricy* [Climate and Institutional Matrices: Cross-Country Analysis]. // *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9. Pp. 3–13.
- Kirilyuk I.L., Volynsky A.I., Kruglova M.S., Kuznetsova A.V., Rubinstein A.A., Senko O.V. (2015). *Empiricheskaya proverka teorii instituzionalnykh matric metodami intellektual'nogo analiza dannykh* [Empirical Testing of Institutional Matrices Theory by Data Mining] // *Kompyuternye Issledovaniya i Modelirovanie* [Computer Research and Modeling]. Vol. 7. No. 4. Pp. 923–933.
- Matrica institucional'naya v sociologii* [The institutional matrix in sociology] / *Sociologicheskaya ehnciklopediya*. [Sociological Encyclopedia] (2003). Vol. 1. M: Mysl. Pp. 609–610.
- Nekipelov A.D. (2017). *«Novyj pragmatizm» professora G. Kolodko: al'ternativa ili dopolnenie chistoy ehkonomicheskoy teorii?* [«New pragmatism» of professor G. Kolodko: alternative or addition to pure economic theory?] // *Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki* [Theoretical economics]. No. 1. Pp. 22–39.

- North D., Wallis J., Weingast B.* (2011) *Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. [Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. M.: Institut Gaydara.
- Eucken W.* (1993). *Ekonomicheskie sistemy [Economic systems]*. Vol. 1. No. 2. M.: THESIS. Pp. 18–52 (Die Grundlagen der Nationalökonomie (1947). Godesberg: Verlag Helmut Kupper. S. 126–177).
- Eucken W.* (1996) [1939]. *Osnovy nacional'noj ehkonomii [Foundations of the National Economy]*. M.: Ekonomika.
- Polterovich V.M.* (2017). *Razrabotka strategij social'no-ehkonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya [Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki [Theoretical economics]*. No. 1. Pp. 55–65.
- Reinert E.* (2013). *Ob aktual'nosti global'nogo kejnspanstva i vyborochnoj deglobalizacii [Zeitgeist in transition: towards global Keynesianism and selective deglobalization] / Finansy i real'nyj sektor: vzaimodejstvie i konkurenciya: Materialy IX mezhdunarodnogo simpoziuma po ehvolucionnoj ehkonomike, 8–10 sentyabrya 2011 g., Rossiya, Moskovskaya oblast', g. Pushchino. [Finance and the real sector: interaction and competition. Proceedings of the 9th International Symposium on the Evolutionary Economy, September 8–10, 2011, Russia, Moscow Region, Pushchino.] / V.I. Maevsky, S.G. Kirdina (eds.)*. M.: Institute of Economics, RAS.
- Rosefielde S.* (2008) [2005, 2002]. *Sravnitel'naya ehkonomika stran mira. Kul'tura, bogatstvo i vlast' v XXI veke [Comparative Economic Systems: Culture, Wealth, and Power in the 21st Century]*. M.: ROSSPEN.
- Abrutyn S., Lawrence K.* (2010) *From Chieftdom to State: Toward an Integrative Theory of the Evolution of Polity // Sociological Perspectives*. Vol. 53. No. 3. Pp. 419–442.
- Acemoglu D., Robinson J.* (2012). *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown Business.
- Diamond J.* (2012). *What makes countries rich or poor? // New York Review of Books*. June 7. www.nybook.com/articles/2012/06/07/what-makes-countries-rich-or-poor.
- Frank A.G.* (1998). *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press.
- Kirdina-Chandler S.* (2017). *Institutional Matrices Theory, or X-and Y-theory: A Response to F. Gregory Hayden // Journal of Economic Issues*. Vol. 51. No. 2. Pp. 476–485.
- Kornai J.* (1980). *Economics of Shortage, Vol. I and II*. Amsterdam and New York: NorthHolland Publishing Company.
- Maddison Project Database* (2018). www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018 (26.03.2018).
- Malik A., Temple J.R.W.* (2006). *The Geography of Output Volatility // CEPR Working Paper*. No. 5516. Pp. 1–39.
- Marx K.* (1939). *Grundrisse der Kritik der Politischen Oekonomie*. M.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- North D.C.* (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D., Wallis J., Weingast B.* (2009). *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Polanyi K.* (1963). *Economic Sociology in the United States: Lecture given at the Institute for Cultural Relations*. Budapest. Oct. 9. Cit. by: *Polanyi, Karl* (1977). *The Livelihood of Man*. N.-Y.: Academic Press, Inc., 1977.
- Polanyi K.* (1977). *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)*. N.-Y.: Academic Press, Inc.
- Rosefielde S.* (2008) [2005, 2002]. *Comparative Economic Systems: Culture, Wealth, and Power in the 21st Century*. Malden, Massachusetts & Oxford: Wiley-Blackwell.
- The World System: Five Hundred Years or Five Thousands?* (1998) / Frank A.G & Gills B.K. (eds). London and New York: Routledge.
- Wittfogel K.A.* (1959). *Oriental despotism: A comparative study of total power*. New Haven: Yale Univsity Press*.

* Йельский университет (Yale University) (США) признан нежелательной организацией в России.

Т.В. Чубарова

д.э.н., Институт экономики РАН, Москва

Е.Е. Шестакова

к.э.н., Институт экономики РАН, Москва

СТРУКТУРНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ КАК ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье проанализированы структурные социальные риски, которые, по мнению авторов, во многом являются результатом проводимой современным государством социальной политики, связанной с изменением его роли в решении соответствующих проблем граждан. Рассмотрены задачи и механизмы, которые используются государством в социальной сфере, проблемы, возникающие при усилении адресного подхода. В контексте развития смешанной экономики благосостояния представлены такие современные концепты, как государство способствующее и регулирующее. Сделан вывод о том, что изменение его роли в социальной сфере, связанное с укреплением частных, индивидуалистических начал в русле неолиберальных подходов, в свою очередь создает опасность возникновения новых социальных проблем по типу структурных социальных рисков.

Ключевые слова: *структурные социальные риски, социальная политика, адресный подход, смешанная экономика благосостояния, способствующее государство, регулирующее государство.*

Классификация JEL: H51, H55, I38, J18.

1. Современное государство и структурные социальные риски

Изменения в демографической структуре населения и его ценностных ориентациях, социально-трудовых отношениях, необходимость повышения эффективности и результативности социальных расходов, расширения сферы применения новых технологий, в том числе информационных, ставят перед государством новые задачи в социальной сфере и требуют адекватного ответа со стороны социальной политики. Вместе с тем масштабы, направления и формы участия государства в решении социальных проблем остаются предметом дискуссий. В этой связи представляется важным рассмотреть происходящие в настоящее время изменения в подходах к роли государства в социальной сфере, которые основаны на новой концептуализации социальных проблем и понимании тех механизмов, которые предлагается использовать для их решения.

В обществе сохраняются «традиционные» социальные проблемы, прежде всего, бедность. В странах ЕС риск бедности и социальной исключенности в 2015 г. затрагивал 23,7% населения. По последним данным, около 10% населения трудоспособного возраста европейских стран являются работающими бедными [Eurofound, 2017a]. Появление данной категории работников стало результатом сочетания целого ряда факторов: низкой заработной платы, работы на условиях сокращенной (например, так называемой маргинальной сокращенной занятости – менее 15 ч в неделю) или случайной, заемной и тому подобной занятости, а также высокой семейной нагрузки. В государствах ОЭСР низкооплачиваемая занятость, определяемая как $\frac{2}{3}$ от медианной заработной платы,¹ составляет

¹ Низкий уровень оплаты может определяться и с использованием заработной платы в нижнем дециле или квинтиле, или фокусироваться на минимальной заработной плате.

в среднем 17% только среди лиц, занятых полное рабочее время, при учете же занятых неполное рабочее время она существенно увеличивается. Доля женщин, попавших в данную категорию, существенно превышает долю мужчин (соответственно 21 и 13%) [McKnight et al, 2016].

Исследователи обращают внимание на усиление неравенства в современном мире. [Неравенство доходов..., 2014]. В странах ОЭСР неравенство доходов находится на исторически высоком уровне, начиная с середины 1980-х гг. В среднем коэффициент Джини по используемым доходам домохозяйств в 2014 г. достиг 0,318 – по сравнению с 0,315 в 2010 г. Самые богатые 10% населения стран ОЭСР зарабатывают в 9,5 раз больше, чем беднейшие 10%, в 1980-е гг. разница составляла 7 раз. В 18 странах ОЭСР (по которым есть соответствующие данные) 40% населения владеют 3% суммарных активов домашних хозяйств, доля 10% наиболее обеспеченных – более 50%, а 1% самых богатых – 18%. [OECD, 2015b. P. 32]. Неравенство углубляется и в периоды экономического роста, и во времена экономических спадов.

С конца 1990-х гг. в большинстве экономически развитых государств отмечается тенденция углубления неравенства в заработной плате. Это обусловлено технологическими изменениями, увеличивающими относительную производительность труда определенных категорий высококвалифицированных работников и спрос на них, организационными преобразованиями на рынке труда, ослаблением профсоюзных организаций и снижением охвата работников системой коллективных переговоров, стремлением к децентрализации механизмов определения заработной платы.

Вместе с тем, социальные проблемы все чаще понимаются в терминах социальных рисков. Переход к постиндустриальной экономике и обществу, затрагивающий рынок труда и семейные отношения, ведет к появлению новых групп населения, которые, хотя и не относятся к традиционным получателям помощи от государства всеобщего благосостояния, сложившего в послевоенные годы, испытывают трудности в обеспечении достойного уровня благосостояния [Taylor-Gooby, 2005; Bonoli, 2005]. Группы, положение которых было достаточно надежно, например, офисные работники средней квалификации или квалифицированные промышленные рабочие, выполняющие относительно рутинные операции, в настоящее время подвержены высокому риску пополнения рядов безработных. Из-за нестабильности семейных отношений повышается уязвимость молодых семей с детьми. Менее устойчивые сети родственного обмена угрожают благополучию растущего числа лиц старших возрастных групп, нуждающихся в долгосрочном уходе.

«Новые социальные риски» могут быть сгруппированы по трем основным направлениям:

- ▶ сочетание семьи и работы, прежде всего уход за детьми и престарелыми;
- ▶ недостаток знаний и умений, необходимых для получения устойчивой и достойно оплачиваемой работы;
- ▶ потеря доступа к необходимой социальной защите в ходе реструктуризации государства благосостояния.

В современных условиях необходимы не только определение численности бедных и социально уязвимых групп населения, но и оценка степени социальных рисков, выделение групп, у которых высока вероятность в перспективе оставаться среди безработных и низкооплачиваемых, выявление и, по возможности, устранение ловушек социальной исключенности. Перед социальной политикой встает задача обеспечения эффективной защиты граждан от новых социальных рисков, сглаживания негативного влияния модернизации на определенные группы населения. Понимание социальной проблемы как риска ведет к повышению важности упреждающей, или превентивной функции социальной политики, необходимости предвидения возникновения кризисных ситуаций на основе понимания происходящих

обществе социально-экономических процессов. В таком контексте социальная политика может пониматься как менеджмент социальных рисков [De Neubourg, Weigand, 2000].

Обсуждение социальной проблемы как риска ведет к активизации дискурса об ответственности – как социальной, так и индивидуальной. С экономической точки зрения это проблема установления границ перераспределения, с социальной – пределов солидарности. Социальная ответственность отражает понимание обществом того, что социальные проблемы человека более эффективно решать коллективно, за счет объединения и перераспределения ресурсов и рисков. Источниками социального благосостояния могут выступать различные субъекты, а именно – сам человек, семья, государство, работодатель/предприятие, благотворитель. При этом важно, что в силу ряда причин эти субъекты осознают свою «социальную» роль. Поскольку социальная сфера в целом представляет собой пространство, где государство является хотя и основным, но не единственным, игроком, важно понять предел его компетенции.

Новые социальные риски активно обсуждались в 2000-е гг., однако в последнее время, на наш взгляд, стали очевидны такие, которые можно определить как *структурные*. Они связаны с более фундаментальными проблемами функционирования социальной сферы и роли различных акторов в решении социальных проблем современного общества. Важнейшими из них являются:

- ▶ достижение предела перераспределения, когда необходимость поиска источников финансирования социальных программ на уровне общества сталкивается с невозможностью дальнейшего объединения ресурсов налогоплательщиков, перераспределения доходов между ними. Например, средний уровень общественных расходов на пенсионное обеспечение в странах ОЭСР составляет 8,2% ВВП, поднимаясь в отдельных государствах до 16,3% ВВП (Италия), 17,4% (Греция).
- ▶ усложнение систем организации и, соответственно, управления в отраслях социальной сферы и в связи с этим – неоднозначность оценки работы, отсутствие доказательности взаимосвязей между вкладом и результатом. Несмотря на, казалось бы, большие предпринимаемые усилия, административные сложности множатся, а социальные проблемы не решаются.

Выделение в отдельную категорию структурных социальных рисков условно, так как они – в отличие от индивидуальных – связаны с глубинными общественными процессами. Вместе с тем это призвано подчеркнуть, что во многом такие риски следует рассматривать как результат политики государства, основанной на неолиберальных подходах к решению социальных проблем.

Дерегулирование, либерализация и приватизация – это основные темы неолиберализма, которые по-своему отражаются и в социальной политике. В последнее время, в условиях относительно высокого налогового давления, развитые страны стали внедрять рыночные меры, с которыми связываются повышение эффективности и снижение общественных социальных расходов. В результате акцент переносится с социальной на частную ответственность. Обоснованием такого сдвига служит в том числе и предполагаемое сокращение расходов за счет роста конкуренции и внедрения инноваций. Среди возможных выгод приватизации отмечают повышение качества услуг, расширение выбора потребителей и, в некоторых случаях, даже стимулирование развития гражданского общества.

Государство традиционно гарантировало базовый уровень экономического и социального благосостояния для всех граждан посредством прав на достойный труд, образование, здравоохранение и социальное обеспечение. Неолиберальные реформы, связанные с введением платы за услуги в сфере здравоохранения и образования, акцентом на адресность, подчеркиванием негативных аспектов «зависимости от благосостояния» и, на этом фоне, отстаиванием приоритета «личной ответственности», ведут к формированию рыночно-ориентированной социальной политики. Формы социальной поддержки со сто-

роны государства сокращаются и бюрократизируются; ужесточаются критерии назначения различных пособий и льгот и требования к их получению и соответственно усиливается контроль за использованием ресурсов и их рაციонированием. Тем, кто нуждается в поддержке, все больше приходится полагаться не на государство, а на себя, семью, друзей или благотворительность. Ярким примером этого стало появление в ряде стран банков питания для бедных. Приоритет обязательств (необходимость соответствия определенным правилам для получения помощи) перед правами угрожает традиционным представлениям о равенстве и солидарности, которые исторически были положены в основу формирования институтов государства благосостояния. Приватизация и маркетизация ведут к тому, что идеал социального гражданства постепенно уступает место «идеалу заслуженности».

На этом фоне парадоксально выглядит подъем патернализма, правда, в новых формах. Он связывается с необходимостью влияния на поведение граждан, его коррекции в направлении, которое считается правильным для общества. Показательный пример таких изменений – социальная работа с детьми и семьями, когда родителям все чаще предлагается изменить свое поведение и образ жизни, в противном случае они сталкиваются с угрозой изъятия детей из семьи.

В настоящее время в социальной политике все большее распространение получает адресный подход, когда усилия концентрируются на решении проблем особо нуждающихся. При кажущейся на первый взгляд справедливости это способствует формированию структурных социальных рисков. Во-первых, возникает феномен перекрестного субсидирования, когда одни граждане платят, а другие получают помощь. Более того, последние могут дополнительно иметь льготы по другим социальным программам. Взносы, основанные на обязательности и социальной солидарности, не вполне совпадают с пособиями, которые выплачиваются по другим критериям, при этом часто не обеспечивается строгое соответствие между обязательностью выплаты, с одной стороны, и правом на получение выгоды – с другой.

Во-вторых, адресность становится основой для появления «ловушек бедности», положения, при котором повышение благосостояния домашних хозяйств с низкими доходами влечет за собой потерю права на предоставляемые государством пособия и льготы либо повышение уровня налогообложения, полностью или в значительной степени нивелирующего этот прирост поступлений. Для того чтобы поддержать попадающие в «ловушку бедности» семьи и не создавать у реципиентов отрицательных стимулов к трудоустройству, необходимо разработать схемы, позволяющие сочетать получение пособий и льгот с трудовыми доходами, по крайней мере, в течение определенных периодов.

2. Государственное регулирование социальной сферы: направления изменений

Для эффективной защиты граждан от социальных рисков государство может использовать арсенал различных методов – как прямых (например, денежные трансферты, оказание услуг или субсидирование доступа к ним, регулирование рынка труда, страхования, экономики и т.д. путем принуждения, стимулирования, корректировки), так и косвенных. Например, способность собирать и распределять средства является функцией, которая выходит за рамки собственно социальной политики, но является центральной для государства благосостояния.

Направления социальной политики определяются задачами, которые ставит перед собой социальное государство, а именно – обеспечить определенный уровень благосостояния населения (преодоление бедности), сгладить распределение ресурсов между различными социальными группами (контроль неравенства), в том числе в течение жизненного

цикла (страхование, смягчение колебаний доходов и потребления). Государство благосостояния изменяет поведение граждан на рынке и/или в семье (домохозяйстве), так как создается возможность для их «отрыва» от них в том смысле, что благополучие человека все в меньшей степени определяется его возможностями на рынке (покупательной способностью) и положением в семье (состав семьи).

В социальной политике общепризнаны три основных критерия получения помощи от государства, а именно: потребность, взносы и гражданство. Потребность связывают с адресными системами, взносы – со схемами страхования, прежде всего социального, основанного на фонде заработной платы, а гражданство является основой универсальных программ. При этом государство может использовать все эти критерии в организации различных социальных программ. Классическим примером являются пенсии, а именно адресные социальные, взносы на традиционное пенсионное страхование по месту работы и универсальная базовая пенсия для всех.

Универсализм и адресность можно рассматривать как основополагающие методы реализации социальной политики и распределения государственной поддержки. Универсальные пособия граждане получают как право, они распространяются на всех или на широкие категории населения (престарелые, дети, матери). Адресная помощь определяется личностными параметрами и оказывается тем, кто отвечает определенным критериям нуждаемости. Универсальные пособия достаются всем на равных условиях, в то время как главным критерием получения адресной помощи становятся доход или наличие имущества.

Безусловно, основной путь структурного преодоления социальных проблем, например, бедности – это обеспечение высоких социальных гарантий, достойного уровня минимальных трудовых доходов и пенсий, создание условий для доступа к бесплатным и дотируемым социальным услугам. На практике для поддержки лиц с низкими доходами используются системы адресной социальной помощи нуждающимся. Они широко распространены в Австралии и Великобритании (более 5% ВВП), Франции (4,1% ВВП), Германии (3,3% ВВП); для абсолютного большинства экономически развитых государств этот показатель составляет менее 3% ВВП (в США – 1,2%, Швеции – 1,1%). [*Immervoll et al*, 2016. Р. 13].

Для статистической оценки монетарной бедности в экономически развитых государствах в основном используются уровни 50% или 60% душевого медианного дохода, а для целей оказания адресной поддержки – комплексные методики, сочетающие разные подходы к определению бедности. Категориальный подход, предполагающий различные критерии нуждаемости или фильтры для включения в программы, помимо уровня доходов (в некоторых случаях и имущественного ценза) широко используется при предоставлении социального жилья, дошкольного ухода, медицинского и лекарственного обеспечения, для содействия занятости.

Важным элементом адресной социальной поддержки уязвимых категорий традиционно выступают социальные трансферты, прежде всего, на основе оценки нуждаемости (уровня материальных и финансовых активов, прав на получение других пособий, в отдельных случаях и гражданства), гарантированного минимального дохода. Данный вид пособия по нуждаемости может составлять от 70–80 % (в наиболее богатых европейских странах) до 20–35% (в большинстве восточноевропейских государств) минимальной заработной платы и в основном находится ниже минимальных границ относительной бедности (40–50% медианного дохода) [*Frazer, Marlier*, 2015. Р. 24].

Как правило, гарантированный минимальный доход дополняется другими пособиями, назначаемыми после оценки нуждаемости, например, на оплату жилья и коммунальных услуг, транспорт, детей, образование, субсидирование медицинского страхования. При этом в силу разных причин, в том числе недостатка информации о своих правах, сложности и бюрократизированности процедуры назначения пособий, их относительно невысокого размера, от 25 до 40% потенциальных получателей не обращаются за помощью. В послед-

ние годы прослеживается стремление связать предоставление пособий по нуждаемости с политикой стимулирования повышения активности трудоспособных реципиентов на рынке труда. К наиболее распространенным требованиям относятся регистрация в службах занятости, подписание плана по трудоустройству и активный поиск работы, принятие предложений о работе, даже если они могут не соответствовать уровню квалификации, участие в программах по переподготовке и персональному развитию.

Наличие работы и возможность устройства детей в дошкольные учреждения, особенно для женщин, современное западное государство рассматривает как лучшую защиту от бедности и социальной исключенности. Есть примеры замены специальных пособий для одиноких (и часто не работающих) родителей (прежде всего женщин) на пособия и помощь по безработице (с учетом их возраста и возраста детей) и одновременно закрепление за местными органами власти обязанности обеспечения местами в детских учреждениях детей, начиная с самого раннего возраста. Современным стандартом благополучной жизни становится семья с двумя работающими взрослыми, одному главе семьи со средним трудовым доходом становится трудно превысить лимиты относительной бедности без помощи государства. Государство для поддержки семей с детьми использует универсальные целевые пособия, бесплатные и льготные услуги. Проблемой целевых семейных пособий, назначаемых после оценки нуждаемости, является их негативное воздействие на занятость. Для ее смягчения используются различные схемы, предусматривающие возможность сочетания получения пособий и доходов от занятости.

Универсальные детские пособия, помимо нейтрального влияния на занятость, имеют такие важные преимущества, как относительно низкие административные издержки и отсутствие серьезного морального дискомфорта (как при оценке нуждаемости), но для защиты семьи с низкими доходами от бедности они должны быть достаточно значимыми по размерам. В условиях растущего неравенства в сфере оплаты труда и больших бюджетных дефицитов щедрые универсальные пособия могут быть просто невозможны в силу экономических и политических причин. В странах ЕС размер социальных пособий для родителей-одиночек с одним ребенком находится в пределах 60–85%, а для семейной пары – 50–80% от уровня относительной бедности (60% медианного дохода), [Frazer, Marlier, 2015. P. 41].

Важным механизмом снижения бедности и уязвимости является система бесплатных и льготных услуг. В странах Северной Европы используются финансируемые преимущественно государством универсальные системы семейного обслуживания. Так, в Швеции в обязанности местных органов власти входят обеспечение населения медицинскими и социальными услугами, организация ухода за детьми, инвалидами и престарелыми, начальное и среднее образование. Семьи, сталкивающиеся с определенными рисками, помимо помощи в рамках системы универсальных услуг получают (на основе так называемой каскадной модели помощи) доступ к специальной дополнительной поддержке через местные агентства и центры. Альтернативой является условная англосаксонская модель обеспечения бесплатными или льготными услугами только уязвимых семей. В США в данную категорию, как правило, включаются семьи с доходами ниже уровня бедности в конкретных штатах или лишившиеся жилья; в Великобритании – ряд целевых групп (семьи с антисоциальным поведением, возглавляемые безработным, с детьми, не посещающими школу) [OECD, 2015a. P. 52].

Исследования показывают, что системы льготного налогообложения и социальных трансфертов снижают рыночное неравенство в среднем по странам ОЭСР в пределах 25–33%. Но начиная с середины 1990-х гг. система социальной поддержки все в большей степени утрачивает свой перераспределительный характер (снижается дифференциация и размер налогов на доходы, ужесточаются критерии для получения пособий) [Eurofound, 2017b].

Вопрос о том, какую систему использовать, остается дискуссионным. Должен ли быть отдан приоритет принципам равенства и механизмам социальной солидарности и коллективной ответственности, когда доход и пособия должны обеспечивать условия для достойной жизни каждого гражданина? Или необходим баланс между индивидуальной и социальной ответственностью, когда ресурсы должны быть направлены на решение проблем прежде всего тех граждан, которые наиболее подвержены социальным рискам? В этих рамках возникает идея приватизации социальной политики и рынков благосостояния (*welfare markets*), что подразумевает замену традиционных перераспределительных программ планами, направленными на укрепление личной собственности, или накопительными счетами.

Выбор прямо связан с потоками финансирования социального обеспечения. В настоящее время социальные расходы ложатся на плечи работающих. Пенсионная нагрузка, определяемая как соотношение лиц в возрасте 65 лет и старше и лиц в основном трудоспособном возрасте (20–64 года), в настоящее время в среднем по странам ОЭСР составляет 28:100 (наиболее высокие показатели в Японии – 46 и Италии – почти 38) [OECD, 2017b. P. 123].

На этом фоне признается необходимость поиска новых способов финансирования, однако и по этому вопросу нет согласия. Работодатели, например, считают, что нужно снижать взносы на социальное страхование по месту работы, т.е. с фонда заработной платы, и вместо этого расширять налоги на все доходы и факторы производства, например, сбережения, ренту и т.д.

Объем ресурсов, выделяемых на социальное развитие, является производным противоречивой оценки взаимозависимости экономической и социальной сфер жизнедеятельности современного общества. С одной стороны, укрепление конкурентоспособности экономики связывается с селективной социальной солидарностью, а с другой – признается, что развитие системы социальной защиты населения не только обеспечивает перераспределение ресурсов в соответствии с ценностями равенства и социальной солидарности, но и является фактором экономического роста. Вместе с тем практически общепризнано, что необходимы диверсификация источников финансирования социальной сферы, поиск баланса между обязательными и добровольными социальными программами. На способы повышения личной ответственности, выбираемые в той или иной стране, оказывают влияние традиционные отношения между правительством, бизнесом и трудом.

В последнее время все чаще речь идет о формировании новых взаимосвязей между государством и рынком, причем основное направление определяется усилением позиций второго. Политика, нацеленная на расширение частного финансирования и предоставления социальных услуг, включает несколько направлений, которые, однако, могут развиваться параллельно. Наиболее важные включают [Чубарова, 2015]:

- ▶ введение механизмов рыночного типа в работу государственного сектора;
- ▶ сужение сферы государственного сектора в социальной сфере;
- ▶ маркетингизация, когда частный сектор работает по заказу государства, или у потребителя есть выбор – воспользоваться частной или государственной услугой, при этом средства могут быть выделены государством;
- ▶ совместная деятельность, например, государственно-частное партнерство.

3. Современные концепты государства и его роли в социальной сфере

Основное направление изменений в понимании роли государства в социальной сфере – необходимость формирования *смешанной экономики благосостояния*, что означает привлечение к решению социальных проблем всех заинтересованных сторон. Это уже не

только государственные структуры, но и сам человек, и его семья, местные сообщества, работодатели, неправительственные организации. Для методологического обоснования происходящих изменений выделяются два взаимосвязанных концепта, которые отражают стремление обосновать новую роль государства в социальной сфере.

Многие специалисты и политики считают, что важнейшим инструментом решения социальных проблем должно стать дальнейшее углубление демократии, которое связывается с идеей партнерства и участия, развитием диалога со всеми заинтересованными лицами – прежде всего, неправительственными организациями, социальными партнерами: профсоюзами, объединениями работодателей и органами государственной власти. При этом партнерство определяется как организационная система принятия решений и их реализации, мобилизующая коалицию интересов вокруг общей проблемы.

Способствующее государство (*the enabling state*) признает важность поддержки социальных сетей и участия граждан в жизни сообщества в интересах повышения своего благосостояния. Государство должно принимать меры для развития такого участия, обеспечить гражданам возможность реализовать большую роль в обеспечении собственного благополучия [Wallace, 2013]. Это означает ограничение роли государства при активизации и поощрении саморегулирования и частной инициативы.

Признается, что традиционные подходы «сверху вниз» больше не способствуют решению сложных социальных проблем, с которыми сталкивается общество, и государство должно играть стимулирующую роль, использовать инструменты поощрения активности населения. Это позволит отдельным гражданам и их объединениям контролировать как свое личное благополучие, так и коллективное благосостояние общества.

Сторонники идеи способствующего государства считают, что, поскольку жесткая экономия по-прежнему определяет государственные расходы, и государство сталкивается с последствиями старения населения и ростом спроса на медицинские и социальные услуги, требуется современная модель оказания государственных услуг, основанная на новых отношениях с гражданами и сообществами, которые должны быть наделены соответствующими полномочиями для повышения своего благосостояния.

Идея совместного производства общественных услуг подразумевает, что граждане, с одной стороны, способны определять, какие социальные услуги должны им предоставляться (посредством демократических процессов), а с другой – могут непосредственно влиять на их оказание, участвуя вместе с профессионалами в принятии решений по поводу своей личной ситуации [New economic foundation, 2008].

В более широком контексте данная теория предполагает, что все члены общества играют определенную роль в повышении коллективного и индивидуального благополучия. Способствующее государство основано на эффективном взаимодействии между гражданами, обществом (включая бизнес) и государством, создании условий для развития рынка и гражданского общества. Новая роль для государства заключается не в том, чтобы непосредственно управлять экономикой, а в создании условий для процветания ее и общества в целом. Для это требуются эффективное правительство, компетентные политики и чиновники, способные управлять многоуровневыми системами.

Понимание государства как регулирующего (*the regulatory state*) означает повышение относительной важности регуляторной политики по сравнению с другими функциями государства в социальной сфере, например, перераспределения доходов или содержания государственной собственности. Это ведет к смене парадигмы роли государства в социальной сфере – от оказания услуг к стимулированию экономической и социальной активности граждан [Yeung, 2010].

Концепция регулирующего государства, хотя и не предполагает радикального возврата к индивидуализму, предусматривает перестройку многих параметров государ-

ства благосостояния. Среди основных элементов новой модели следует отметить отказ государства от прямого обеспечения граждан социальными услугами, делегирование соответствующих функций частным структурам – как коммерческим, так и некоммерческим. Особое внимание при этом должно уделяться возможностям и технологиям саморегулирования и детальному определению норм качества оказываемых услуг – как с точки зрения гарантий соответствия установленным требованиям и ожиданиям, так и возможностей оценки их результатов. Данные нормы могут устанавливаться на основе законодательного и нормативного регулирования, государственного лицензирования, определяться в договорах и соглашениях между государственными структурами и поставщиками услуг. Важной составной частью концепции является необходимость избегания проявлений государственного субъективизма и политически окрашенных решений в отношении перераспределения или применения мер ограничительной социальной политики, повышение уровня прозрачности и «технологичности» принимаемых решений.

Хорошей иллюстрацией данного подхода является все более широкое использование автоматической корректировки пенсионных систем, которая позволяет без общественных дискуссий и дополнительного вмешательства государственных структур, на основе изначально выбранных статистических индикаторов, связанных с продолжительностью жизни и соотношением между доходами и расходами системы, регулировать возраст выхода на пенсию, уровень пенсионных выплат, формулу их индексации².

В целом пенсионные реформы, которые связаны с трансформацией широкого спектра различных параметров пенсионных систем, являются примером серьезных изменений государственной политики. Они включают постепенное повышение пенсионного возраста и роли стажа при формировании пенсионных прав, экономическое поощрение и административное принуждение увеличения продолжительности трудовой деятельности и ограничение возможностей для досрочного выхода на пенсию, а также стимулирование реальных накоплений пенсионных средств (как обязательных, так и добровольных). Общей тенденцией многих западных государств стал курс на снижение если не общего объема государственных долговых обязательств перед будущими пенсионерами, то темпов его роста, оптимизацию распределения ответственности за пенсионное обеспечение между государством, работниками и работодателями, уменьшение размеров солидарных пенсий и диверсификацию источников пенсионных выплат.

Несмотря на существенный рост занятости лиц в возрасте 55 лет и старше, она все еще остается относительно невысокой (занятость возрастной группы 55–64 года в ОЭСР увеличилась с 44% в 2000 г. до 58% в 2016 г.) [OECD, 2017b. P. 23]. Хотя возможности трудоустройства лиц предпенсионного возраста крайне ограничены, в целом ряде стран упраздняются специальные ранние пенсии для безработных старшей возрастной категории. Опыт субсидирования занятости безработных в возрасте 50 лет и старше носит ограниченный характер (от 12 до 36 месяцев) и касается низкооплачиваемых работников.

Система пенсионного страхования продолжает ориентироваться на работников с «нормальной карьерой», т. е. предполагает, что трудоспособные граждане выходят на рынок труда сразу после окончания школы и работают до наступления официального пенсионного возраста (длительные перерывы должны компенсироваться работой после достижения пенсионного возраста или предполагают существенное снижение среднего уровня замещения трудовых доходов). В условиях современных технологических измене-

² В формулах автоматической корректировки назначаемых пенсий, используемых во многих странах ОЭСР, могут учитываться рост продолжительности предстоящей жизни, темпы роста ВВП, соотношение числа работающих и пенсионеров, финансовое положение пенсионных фондов. В Германии, Японии, Испании данные автоматические корректировки касаются не только вновь назначаемых, но и уже выплачиваемых пенсий.

ний, повышения гибкости и фрагментированности трудовой деятельности такая модель карьеры становится все менее реальной.

В новых условиях, с учетом степени цивилизованности и социализации общества, наблюдается возврат к поддержке принципов личной ответственности и предусмотрительности человека в вопросах материального положения и коллективной помощи и взаимопомощи. За счет использования условно-накопительных счетов, балльных систем или введения элементов обязательного накопления в целом снижается уровень перераспределения в рамках пенсионного обеспечения. Коэффициент замещения в системе обязательного пенсионного страхования в среднем в государствах ОЭСР составляет около 53% (для работника со средними доходами и полным трудовым стажем), снижаясь в государствах с высокой долей частного страхования до 22 (Великобритания) – 38% (Германия, США) [ibid. P. 101].

В Северной Европе получили распространение обязательные и квазиобязательные корпоративные и профессиональные программы, автоматически включающие всех наемных работников в коллективные программы. Данные обязательные коллективные пенсионные планы могут отличаться по размерам тарифов, способам формирования расчетной базы, условиям начисления и правилам выплаты пенсий; на работодателя только возлагается обязанность создания дополнительных пенсионных планов. Квазиобязательные коллективные планы формируются в соответствии с условиями трудовых договоров и корпоративных пенсионных соглашений, заключаемых на отраслевом уровне, и автоматически распространяются на большинство фирм соответствующих отраслей.

Кроме традиционных способов поддержки добровольного накопления с помощью налоговых льгот (налоговые кредиты или вычеты из налогооблагаемой базы страховых взносов), которые могут быть интересны для более обеспеченных и высокодоходных слоев населения, отдельные государства используют методы софинансирования добровольных накоплений для работников с невысокими доходами. Еще одним относительно новым средством расширения круга участников добровольного накопительного страхования является механизм автоматического включения работников, прежде всего молодых и относительно низкооплачиваемых, в добровольно формируемые работодателями свои пенсионные схемы (с совместным финансированием их работником и работодателем и правом для первого выхода из них).

Индивидуальная ответственность в здравоохранении обусловлена двумя направлениями: расширением дополнительных коммерческих программ для состоятельных людей; усилением внимания к здоровому образу жизни.

Идея, что граждане должны сами отвечать за свое здоровье, представляется логичной, однако здоровый образ жизни не всегда зависит непосредственно от человека. Для этого необходимы определенный уровень жизни, образования, соответствующие жилищные условия и состояние окружающей среды и т.д. Однако поведенческие факторы часто концептуализируются в здравоохранительной политике в эпидемиологических терминах в отрыве от социального контекста. При этом игнорируется особенность медицинской услуги, которая, в отличие от обычного рыночного товара, который можно легко продать и купить на рынке для извлечения прибыли, является социальным благом, ее оказание индивидам также приносит выгоду всему обществу [Григорьева, Чубарова, 2013].

Социальная ответственность основывается на признании того, что социальные проблемы более эффективно решать коллективно – за счет объединения и перераспределения ресурсов и рисков. Для социальной сферы классические для рыночной парадигмы представления об эффективности неразрывно связаны с вопросами справедливости, прав, доверия, участия и достоинства. Приоритет отдается принципам равенства и меха-

низмам социальной солидарности и коллективной ответственности. В связи с этим рациональный экономический выбор в современном обществе возможен только с учетом социальных критериев.

В настоящее время считается почти общепринятым, что без эффективного государства невозможно обеспечить устойчивое экономическое и социальное развитие общества. Однако мировой опыт показывает, что роль государства изменяется. При этом необходимость трансформации форм и методов его участия в решении общественных проблем часто подменяют требованием уменьшения его роли в жизни общества.

Соотношение экономики и социальной сферы неоднозначно. Хотя все большую поддержку получает тезис, что социальные расходы – это не затраты, а вложения в развитие человеческого потенциала, которые выгодны и для экономики, и для общества в целом, на практике принципиального поворота к государству социальных инвестиций пока не произошло. Вместе с тем существенные изменения функционала социального государства, связанные со структурными социальными рисками, будут иметь долгосрочные последствия и могут привести к изменению его сущности. Вопрос о том, можно ли называть социальным государство, разделяющее граждан на тех, у кого есть средства на самостоятельное решение социальных проблем, и тех, кто нуждается в государственном «призрении», остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. (2013). Современное здравоохранение: политика, экономика, управление. М.: Авторская академия.
- Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. (2014). М.: Культурная революция.
- Чубарова Т.В. (2015). Политэкономическое введение в социальную политику. М.: ИЭ РАН.
- Bonoli G. (2005). The Politics of The New Social Policies: Providing Coverage Against New Social Risks in Mature Welfare States // *Policy & Politics*. Vol. 33. No. 3. July. Pp. 431–449.
- De Neubourg C., C. Weigand. (2000). Social Policy as Social Risk Management. ISSA The Year 2000 International Research Conference on Social Security Helsinki, 25–27 September 2000 “Social security in the global village”.
- Eurofound (2017a). In-work poverty in the EU. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Eurofound (2017b). Income inequalities and employment patterns in Europa before and after the Great Recession. Luxembourg: Publication Office of the European Union.
- Frazer H., Marlier E. (2015) Minimum income schemes in Europe. A study of national policies. European Commission. ESPN. Luxembourg: Publication office of European Union.
- Gilbert N. (2005). “The “Enabling State?” from Public to Private Responsibility for Social Protection: Pathways and Pitfalls” // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. No. 26.
- Immervoll H., Jenkins S.P., Konigs S. (2015). Are the recipients of social assistance benefits dependent? Concepts, measurement and results for selected countries // *OECD Social Employment and Migration Working Papers*. No. 162.
- McKnight A. et al. (2016). Low pay and in-work poverty: preventative measures and preventative approaches. Luxembourg: Publications office of the European Union.
- New Economics Foundation (2008). Co-production: A manifesto for growing the core economy, London: NEF.
- OECD (2015a). Integrating social services for vulnerable groups: bridging sectors for better service delivery. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2015b). In It Together: Why Less Inequality Benefits All. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2017a). How’s Life? 2017. Measuring Well-being. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2017b). Pensions at a glance 2017. OECD and G20 indicators. Paris: OECD Publishing.
- Taylor-Gooby P. (ed.) (2005). *New Risks, New Welfare: The Transformation of the European Welfare State*. Oxford: Oxford University Press.
- Yeung K. (2010). The Regulatory State. In: *The Oxford Handbook of Regulation*. R. Baldwin, M. Cave, and M. Lodge (eds.). Oxford: Oxford University Press.
- Wallace J. (2013). *The Rise of the Enabling State: A review of policy and evidence across the UK and Ireland*. Carnegie UK.

Чубарова Татьяна Владимировна

t_chubarova@mail.ru

Шестакова Елена Евгеньевна

EEShestakowa@gmail.com

Tatiana Chubarova

*doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow
of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences
t_chubarova@mail.ru*

Elena Shestakova

*Ph.D (economics), Leading Researcher o of the Institute of economics
of the Russian Academy of sciences
EEShestakowa@gmail.com*

STRUCTURAL SOCIAL RISKS AS THE CONSEQUENCES OF SOCIAL POLICY OF THE MODERN STATE: METHODOLOGICAL ASPECTS

Abstract. The article analyzes structural social risks, which, according to the authors, are largely the result of the social policy pursued by the modern state, connected with the change in its role in solving social problems in society. The tasks and mechanisms that are used by the state in the social sphere, the problems that arise with the strengthening of the targeted approach are considered. In the context of the development of a mixed welfare economy, such concepts of the modern state as an enabling and regulatory state are presented. The conclusion is made that the change in the role of the state in social sphere, connected with the strengthening of private, individualistic principles of the neo-liberalism, in turn, creates a danger of emergence of structural social risks.

Keywords: *structural social risks, social policy, targeted approach, mixed economy of welfare, enabling state, regulatory state.*

JEL Classification: H51, H55, I38, J18.

REFERENCES

- Grigor'yeva N.S., Chubarova T.V. (2013). *Sovremennoye zdavookhraneniye: politika, ekonomika, upravleniye*. [Modern health care: politics, economics, management]. M.: Avtorskaya akademiya.
- Neravenstvo dokhodov i ekonomicheskiy rost: strategii vykhoda iz krizisa. / Pod red. A. Buzgalina, R. Traub-Merts, M. Voyeykova. (2014). [Income inequality and economic growth: strategies for overcoming the crisis] M.: Kul'turnaya revolyutsiya.
- Chubarova T.V. (2015). *Politekonomicheskoye vvedeniye v sotsial'nyuyu politiku* [Introduction to social policy from political economy perspective]. M.: IE RAN.
- Bonoli G. (2005). The Politics of The New Social Policies: Providing Coverage Against New Social Risks in Mature Welfare States // *Policy & Politics*. Vol. 33. No. 3. July. Pp. 431–449.
- De Neubourg C., Weigand C. (2000) Social Policy as Social Risk Management. ISSA The Year 2000 International Research Conference on Social Security Helsinki, 25-27 September 2000 "Social security in the global village".
- Eurofound (2017a). *In-work poverty in the EU*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Eurofound (2017b). *Income inequalities and employment patterns in Europa before and after the Great Recession*. Luxembourg: Publication office of the European Union.
- Frazer H., Marlier E. (2015). *Minimum income schemes in Europe. A study of national policies*. European Commission. ESPN. Luxembourg: Publication office of European Union. 2015.
- Gilbert N. (2005). "The "Enabling State?" from Public to Private Responsibility for Social Protection: Pathways and Pitfalls" // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. No. 26.
- Immervoll H., Jenkins S.P., Konigs S. (2015). *Are the recipients of social assistance benefits dependent? Concepts, measurement and results for selected countries* // *OECD Social Employment and Migration Working Papers*. No. 162.
- McKnight A. et al. (2016). *Low pay and in-work poverty: preventative measures and preventative approaches*. Luxembourg: Publications office of the European Union.
- New Economics Foundation (2008). *Co-production: A manifesto for growing the core economy*. London: NEF.
- OECD (2015a). *Integrating social services for vulnerable groups: bridging sectors for better service delivery*. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2015b). *In It Together: Why Less Inequality Benefits All*. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2017a). *How's Life? 2017. Measuring Well-being*. Paris: OECD Publishing.

- OECD (2017b). Pensions at a glance 2017. OECD and G20 indicators. Paris: OECD Publishing.
- Taylor-Gooby P. (ed.)* (2005). *New Risks, New Welfare: The Transformation of the European Welfare State*. Oxford: Oxford University Press.
- Yeung K.* (2010). The Regulatory State. In: *The Oxford Handbook of Regulation*. R. Baldwin, M. Cave, and M. Lodge (eds.). Oxford: Oxford University Press.
- Wallace J.* (2013). *The Rise of the Enabling State: A review of policy and evidence across the UK and Ireland*. Carnegie UK.

А.В. Мамаев

к.и.н., Институт экономики РАН, Москва

ИНСТИТУТ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье исследуются проблема модернизации городской инфраструктуры в поздней имперской России и деятельность института городского самоуправления в этой сфере. Вмешательство муниципальных властей стало важным в условиях бурного роста и развития городов, в связи с появлением общественного запроса, когда проблемы городского благоустройства не являлись приоритетными для государства и частного бизнеса, а законодательство открывало возможность муниципалитетам действовать. В то же время развитие муниципального благоустройства отражало проблемы России того времени: углублялись противоречия между государством и обществом, архаичной была финансовая система, а предусмотренная законом финансовая база городов была слабой и негибкой. В качестве источников в исследовании используются работы экономистов того периода, статистические данные, архивные материалы и периодика.

Особую популярность у городских органов власти приобрела концепция муниципализации, с одной стороны, позволявшая городам обеспечить социальную направленность своей деятельности и получать значительные дополнительные доходы, с другой – налагавшая особую ответственность за результаты хозяйствования. Учитывая законодательно установленные ограничения прямых налогов и сборов, создание новых городских предприятий в перспективе давало муниципалитетам возможность значительно укрепить свои бюджеты, что стимулировало этот процесс, несмотря на нехватку финансов.

МВД поддержало курс на муниципализацию. Данную политику одобряли экономисты и общественники начала XX в., считая более важными общественные потребности и полагая, что частные интересы им часто противоречат. В то же время некоторые эксперты отмечали, что недостатки концессионной системы можно преодолеть через совершенствование законодательства и более продуманное составление концессионных договоров между муниципалитетом и частным предпринимателем.

Делается вывод, что органы самоуправления быстро развивали муниципальную инфраструктуру, которая становилась основой их благополучия и самостоятельности, но к 1917 г. проблема оставалась острой. Степень развития городской инфраструктуры не соответствовала общественному запросу, мешали дефицит денег и политическое противодействие самодержавия. Стремясь к муниципализации, города недостаточно использовали возможности концессионной системы.

Ключевые слова: *городское самоуправление, муниципальная инфраструктура, модернизация, Россия, начало XX века.*

Классификация JEL: H72, L97, N43, N73, N93, P25, R51.

Россия в начале XX в. переживала ускоренную урбанизацию, превращаясь из сельской, аграрной страны в городскую и индустриальную. Если за сто лет, к 1913 г., общая численность населения России выросла в 3,55 раза, то число горожан – в 8 раз. Особенно высокий прирост наблюдался в крупных торгово-промышленных центрах. Население Москвы за 100 лет увеличилось в 6,5 раза, Петербурга – в 6,3 раза, Перми – более чем в 20 раз, Вятки – в 11 раз, Смоленска – в 6 раз, Тулы – в 2,7 раза. В крупных городах с более чем 100 тыс. жителей к началу 1914 г. проживало около 40% городского населения. Хотя удельный вес горожан среди жителей европейской части России к 1913 г. оставался сравнительно небольшим – 15,27% (или около 17% с учетом пригородов и крупных фабрич-

но-заводских поселений), он существенно вырос за сто лет с уровня в 6,61% [Рашин, 1956. С. 88–91, 98–100, 109].

Трансформация городов осуществлялась по большей части стихийно, но социальная дифференциация и усложнение городской жизни вызывали необходимость в регулирующих и управляющих органах. В годы преобразований Александра II получили второе рождение учреждения, которые по своей сути были призваны способствовать городскому благоустройству и улучшениям – органы городского самоуправления: распорядительные – думы и исполнительные – управы.

С ростом населения возникали типично городские проблемы: скученность проживания и хаотичная застройка; плохие санитарные условия – отсутствие водопроводов, канализации, общественных бань, сооружений очистки от нечистот; слабый контроль качества продаваемых продуктов, в первую очередь мяса; неразвитость системы здравоохранения, образования; отсутствие внешнего благоустройства: освещения, мостовых, тротуаров, общественного транспорта; необходимость приобщения к бытовым благам цивилизации – электричеству, телефону; потребность в культурном отдыхе – библиотеках, театрах, общественных садах, лекциях. Далеко не все эти проблемы могло и хотело решать государство, а частный бизнес по определению ставил на первое место прибыль, а не общественные цели. Ответить на эти вызовы должен был институт городского самоуправления – один из общественных и хозяйственно-экономических институтов «модерного» общества, получивший мощный толчок к развитию в условиях радикальных экономических изменений и бурной урбанизации России в начале XX в.

Развитие института самоуправления и городского благоустройства отражало крупные проблемы, связанные с ускоренной модернизацией страны и выбором путей ее дальнейшего развития: что приоритетнее – интересы местных сообществ, личности, социума или государства в целом, что важнее – децентрализация, стимулирование местной инициативы или укрепление жесткой вертикали, административно-бюрократической системы? Эти острые противоречия подчеркивал министр финансов России в 1892–1903 гг. С.Ю. Витте, заявлявший о противоположных началах, на которых основывались органы самоуправления и самодержавие [Витте, 1908. С. 4]. Не все в правящих кругах придерживались такой точки зрения. К примеру, по-другому оценивал ситуацию С.Е. Крыжановский – составитель городского положения для Петербурга в 1903 г. и еще ряда важных законопроектов, занимавший посты помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства, товарища министра внутренних дел, государственного секретаря [Соколов, 2006. С. 12, 14]. По его мнению, «правовой строй, необходимый для развития и общества, и государства, вполне совместим с самодержавием», а во главу угла должно быть поставлено, в частности, развитие деятельности местных самоуправлений [Крыжановский, 1997а. С. 119]. Важным Крыжановский считал появление воспитанного практической работой в органах самоуправления слоя «хозяев», «подготовленных и притом свободных для занятия общественным делом» [Крыжановский, 1997б. С. 132].

Свою роль в актуализации вопроса об улучшении городской инфраструктуры с помощью института самоуправления сыграло давление общества. В конце XIX в. в России зародилось движение за городские реформы и улучшение хозяйства. К 1917 г. сформировался хоть и небольшой, но активный слой общественности и специалистов-экспертов в сфере городского хозяйства, которые пытались пробудить интерес обывателей к хозяйственным проблемам, создать образовательную сеть для распространения муниципальных знаний, объединить представителей отдельных муниципалитетов и наладить координацию между ними. Они занимались законотворческой и экспертной работой, надеясь наладить контакт с государственной властью, участвовали в практической деятельности, добивались улучшения благоустройства городов, повышения качества управления, при-

влечения к нему широких масс¹. «Тесной семьей поборников городских интересов» назвал таких людей в одном из выступлений на муниципальном съезде 1913 г. известный общественный деятель, член Госдумы Л.А. Велихов, подчеркнув их малочисленность, общность стоявших перед ними проблем и наличие устойчивых профессиональных связей, общения друг с другом².

Краеугольным камнем успешного развития городского благоустройства через институт самоуправления являлись муниципальные финансы. Местное обложение неизбежно отражало особенности общегосударственного. Система налогообложения в России оставалась вплоть до революции 1917 г. весьма архаичной. Доходы российский бюджет получал в основном от косвенных налогов, которые поступали без недоимок и их было проще собрать. Прямое обложение давало в 1905 г. 10%³, в 1913 г. – всего 8% обычных доходов. Господствовали так называемые реальные налоги, основанные на обложении тех или иных объектов имущества, а не личности. Они отличались негибкостью, низкой подвижностью и неравномерностью в обложении источников дохода [Озеров, 2008. С. 214–215, 246–248]. Так, по данным И.М. Кулишера, в 1915 г. государственное и местное обложение денежных капиталов вместе составляли в среднем 5%, частных земель – 8,3%, в то время как крестьянских земель – 15,3%, городской недвижимости – 18,7%, частных предприятий – от 15 до 19,5%. Проект введения подоходного налога стал законом только 6 апреля 1916 г. и вступил в действие с 1 января 1917 г., декларации должны были подаваться к 1 мая [Кулишер, 1920. С. 215–220].

Основная часть источников средств, которым города пользовались накануне революции, была сформирована еще в 70-е гг. XIX в. Согласно Городовому положению 1892 г., главным для муниципальных финансов должен был стать оценочный сбор с недвижимости (из обложения были изъяты государственные, императорские и духовные имущества). Но размер оценочного сбора с домовладельцев был ограничен 10% с доходности или 1% стоимости. Аналогичные сборы с городской недвижимости взимались в государственный и земский бюджеты. На городские кассы были возложены обязательные государственные расходы по воинско-квартирной повинности, содержанию правительственных учреждений, общей полиции и тюрем в пределах муниципалитетов.

Города взимали в свою пользу сборы с промысловых свидетельств, заведений трактирного промысла и пивных лавок, извозного и перевозного промыслов, лошадей, экипажей, велосипедов и собак, однако они не играли ведущей роли. Также поступали разного рода пошлинные сборы: актовый; адресный; за клеймение и употребление мер и весов; с аукционных продаж; за стоянку судов; за проход и проезд по городским сооружениям. Некоторым городам было разрешено взимать больничные и канализационные сборы⁴.

Государство в предреволюционные годы пошло на некоторые уступки городским бюджетам. Так, в 1912 г. был принят закон, сокративший расходы на содержание правительственных учреждений. На госказначейство перекладывалась половина расходов городов на полицию, все затраты на содержание полицейских управлений в губерниях Европейской России, губернских по земским и городским делам присутствий и заменяющих их учреждений, статистических комитетов и чиновников по статистической части. Из средств казны городам возмещались расходы на водоснабжение войск, муниципалитеты освобождались

¹ Городское дело (Петербург). 1909. №1. С. 2–4; №2. С. 72; 1917. №4. С. 168.

² Труды Первого Всероссийского съезда представителей городов по вопросам улучшения городских финансов. Киев, 1914. С. 12.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 8. Л. 68.

⁴ Городовое положение 1892 г. Ст. 127, 135, 136 // Полное собрание законов Российской империи. 1892. Собрание 3-е. Том XII. № 8708. С. 430–456.

от повинности по поставке подвод для арестантов⁵. Закон от 21 декабря 1913 г. отдал городам $\frac{1}{8}$ часть государственного налога на городскую недвижимость [Твердохлебов, 1915. С. 450]. Права самостоятельно вводить новые налоги города не имели, а пределы обложения налогами фиксировались законом.

Остальную часть городских бюджетов составляли частно-правовые доходы от городского имущества и предприятий, а также в определенной степени пособия из казны в возмещение расходов общегосударственного характера и на определенные нужды, в первую очередь, на введение всеобщего обучения. С учетом законодательно установленных ограничений прямых налогов и сборов создание новых городских предприятий в перспективе давало муниципалитетам возможность значительно укрепить свои бюджеты, что стимулировало этот процесс, несмотря на нехватку финансов.

Развитию городской инфраструктуры способствовало то, что органы городского и земского самоуправления имели право юридического лица, могли осуществлять от своего имени займы.

Курс органов самоуправления на создание собственных муниципальных предприятий и непосредственное хозяйственное управление ими обрел популярность в конце XIX – начале XX в. и получил название «муниципализация».

Путь муниципализации был не единственным вариантом удовлетворения повседневных нужд горожан и создания комфортной среды проживания. У городских деятелей была возможность выдавать частному лицу на особо оговоренных условиях концессию, дающую ряд привилегий, прав и обязанностей для предпринимательской деятельности в той или иной отрасли городского благоустройства. Концессионер получал монопольную возможность построить и эксплуатировать предприятие благоустройства определенное время в обмен на часть доходов от его деятельности. Еще одним вариантом была передача городского имущества или функции органа самоуправления в подряд или аренду частным лицам.

Вопрос о лучшем способе управления предприятиями городского благоустройства в начале XX в. оказался предметом серьезных обсуждений среди муниципальных деятелей, хозяйственников и юристов, что нашло отражение в дискуссии о наилучшей пропорции частного и общественного в экономике.

Сторонники муниципализации полагали, что функция удовлетворения экономических и культурных потребностей – это задача именно городского управления, которую оно само и должно выполнять. Муниципалитет мог создать более легкие по сравнению с концессиями условия пользования предприятиями, улучшить положение их сотрудников, понизить тарифы. Концентрация предприятий в руках города вела, по их мнению, к сокращению издержек производства. Большая их часть, обеспечивавших нужды горожан, имела монопольный характер, поэтому постоянный контроль их деятельности городами был, как считали «муниципализаторы», необходим. Взяв такое предприятие в свои руки, город мог понизить цены на продукцию, тарифы таким образом, чтобы они оказались на уровне издержек производства. Все доходы от монополии шли бы в казну городов, а не присваивались предприимчивыми лицами. Благодаря муниципализации город мог не только выполнять экономические функции, задачи благоустройства, но и проводить социальную политику [Твердохлебов, 1919. С. 219–223, 227–228], поэтому данный курс пользовался поддержкой социалистов. Отмечалось, что не во всех отраслях, удовлетворявших потребности горожан, предприятия могли быть прибыльными, оправдывая вложенный капитал, поэтому во многие сферы частный капитал не шел.

⁵ Закон об улучшении земских и городских финансов // П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2002. С. 241–242.

Приверженцы концессий заявляли, что муниципальные предприятия отвлекают думцев от задач городского управления, чрезмерно увеличивают долги городов, управление ими осуществляется недостаточно экономно и они мешают частной инициативе. Они указывали, что сама по себе предпринимательская деятельность городов противоречит публично-правовой природе общественного управления. Достоинством концессионной системы являлось то, что она не так сильно зависела от степени профессионализма, воли муниципальных управленцев, как система муниципализации, которая могла порождать злоупотребления, популистские действия, была подвержена непрофессиональному влиянию извне.

Муниципализация вела к значительно большей зависимости муниципалитетов от результатов управления предприятиями: на города ложилось бремя предпринимательского риска – возможных убытков и потерь, в то время как при неудаче концессионного управления со стороны частного лица концессия могла быть легко для города передана другому, показавшему себя с лучшей стороны. В нестабильное, революционное время муниципализаторская система была опасна тем, что слишком сильно зависела от субъективных факторов: господствующих политических течений в муниципалитетах; давления на них извне; профессионализма управленцев.

Принадлежность предприятия городу не давала гарантии от произвольного повышения тарифа, например, для покрытия бюджетного дефицита, муниципальная монополия могла оказаться в противоречии с интересами населения, причем борьба «против ошибок и злоупотреблений муниципального хозяйства несравненно труднее, чем против незаконных действий концессионера» [Шереметевский, 1917. С. 9]. Муниципализация и превращение доходов от городских предприятий в базис муниципальных финансов фактически являлись «широко развившимся косвенным обложением невладелческих слоев населения», «налогом на мясо и воду, падающим всей своей тяжестью на неимущие и малоимущие классы», – отмечал представитель Тифлиса М.А. Джабар на съезде городов 1913 г.⁶

МВД в конце XIX в. поддержало линию на муниципализацию. В циркуляре от 26 октября 1896 г. министерство заявляло о принципиальных различиях между удовлетворяющими городские потребности предприятиями, имеющими коммерческое значение, способными возмещать затраченный на них капитал, и теми, которые не могут или не должны служить источником прибыли. Отмечались доводы в пользу муниципализации коммерческих предприятий: доходные предприятия в руках городского самоуправления могли способствовать своими средствами устройству бездоходных; она позволяла преодолеть монопольный характер большинства акционерных предприятий, владельцы которых были заинтересованы в извлечении прибыли, а не в удовлетворении нужд горожан. В циркуляре от 1 апреля 1897 г. МВД указывало на нежелательность предоставления городами монопольных прав или иных льгот коммерческим предприятиям, подчеркивало невыгодность принципа выкупа акционерных компаний по капитализации чистой доходности [Озеров, 1907. С. 6, 21].

Поддержал идею муниципализации и киевский Съезд представителей городов по вопросам улучшения городских финансов 1913 г. В принятой резолюции говорилось, что «городские самоуправления должны возможно реже пользоваться услугами концессионеров, осуществляя общественные предприятия по возможности собственными силами», а доходы, получаемые от муниципальных предприятий, рекомендовалось направить на их улучшение и расширение для общедоступности пользования⁷.

⁶ Труды Первого Всероссийского съезда представителей городов по вопросам улучшения городских финансов. С. 411.

⁷ Там же. С. 435.

Ведущие российские общественные деятели и экономисты начала XX в. были настроены против концессионной системы в городском хозяйстве и поддерживали более широкое вмешательство органов общественной власти в местную экономику. Д.Д. Семенов полагал, что муниципализацию разных отраслей городского хозяйства, переход к хозяйственному ведению городских предприятий нужно признать одними из важнейших задач гордум [Семенов, 1901. С. 277]. Л.А. Велихов выделял ряд отрицательных черт муниципальных концессий: переход прибавочной стоимости из общественных в частные руки; чуждое вмешательство в коммунальную политику; всегда невыгодные для городов договоры; «испытанные алчность и ловкость... капиталистов и трудность с ними бороться местными средствами» [Велихов, 1926. С. 56]. Ф.А. Данилов подчеркивал монопольный характер многих предприятий, удовлетворяющих городские потребности: «водо- и газопроводы, трамваи, сточные трубы и т.п. не могут быть проложены по одним и тем же улицам в несколько линий». Монополии частных компаний ослабляли конкуренцию и вели к завышенным таксам, города же могли эксплуатировать эти предприятия эффективнее, в интересах широких масс, полагал он [Ачадов (Данилов), 1907. С. 23–25].

О желательности муниципализации для большинства городских предприятий говорил экономист В.Н. Твердохлебов, но при условии, что их возглавляет не дилетант, а подготовленный специалист, если управление осуществляется по типу коммерческого, состав органа самоуправления может обеспечить честную их эксплуатацию в интересах населения. Если же город заключил концессию, то, как отмечал Твердохлебов, она должна быть дана на строго определенный срок и с правом выкупа предприятия [Твердохлебов, 1919. С. 219–223, 227–228].

При недемократичном составе муниципалитета, преобладании состоятельных домовладельцев муниципализация могла использоваться для переложения налогового бремени на широкие массы и уменьшения оценочного сбора, полагал экономист И.Х. Озеров. В то же время он признавал, что концессионные предприятия эксплуатировались скорее в интересах частной компании, а не городского населения, причем их было трудно контролировать. Выкуп таких предприятий городами, по его мнению, как правило, проводился на невыгодных для муниципалитета условиях [Озеров, 1907. С. 12–13, 20–21].

Правовед и исследователь муниципальных проблем Г.И. Шрейдер, подчеркивая пользу муниципализации, говорил о необходимости соблюдения условия – руководство города должно было ставить на первый план не цель максимального извлечения прибыли, а социальные функции. Публицист отмечал, что если муниципализация на деле противоречит принципам социальной справедливости, служит интересам привилегированного меньшинства, то «муниципализация эта не настоящая, а фальсифицированная», за ней «скрывается обыкновенное капиталистическое предприятие, ...нисколько не отличающееся от любого частного предприятия». По его мнению, подлинная муниципализация была возможна только при условии привлечения к управлению городами широких общественных сил, снижения цензов, специальной подготовки служащих и техников, организации правильных производительных займов, достижения наибольшей прибыльности предприятий при наименьших издержках [Шрейдер, 1912. С. 293–304].

О социальной ответственности города, владеющего предприятиями, говорил кооператор и экономист В.Ф. Тотомианц. Он считал, что город, по факту становящийся крупным предпринимателем, должен был обеспечивать дешевизну услуг, давать работникам предприятий «приличное вознаграждение», сокращенный рабочий день, ежегодный отпуск и пенсию. Он подчеркивал опасность образования муниципальной бюрократии, что вело к фаворитизму, кумовству, раздуванию штата, дороговизне администрации, увеличению издержек производства. В отдаленной перспективе, полагал В.Ф. Тотомианц, муниципализация могла бы привести к отказу от большинства коммунальных налогов, превращению ряда общественных предприятий, например, водопровода, в бесплатные. В то же время, по

его мнению, муниципальная торговля предметами первой необходимости не имела широкого будущего, так как успешнее здесь действовали кооперативы. В строительстве жилья, как считал Тотомианц, муниципалитеты могли бы вступать в союз с кооперативными строительными товариществами [Тотомианц, 1902. С. 141–144, 1910. С. 17–18].

«Порочной» систему концессий называл экономист М.Д. Загряцков: «При современном быстром развитии техники и экономических отношений всего предусмотреть в договоре нельзя, и акционерные компании почти всегда находят способ лишить договор фактического значения» [Загряцков, 1906. С. 40–41]. По его словам, частникам было удобно маскировать истинный размер вложенного капитала, а дивиденды легко скрывались в амортизации, других отчислениях, увеличении резервного фонда. Как отмечал Загряцков, частные монополии в городском хозяйстве «внесли в общественные отношения чисто коммерческие принципы барыша и наживы и в самом корне извратили основные начала демократического строя местного самоуправления» [там же. С. 67].

Профессор Л.С. Таль связывал «единодушную отрицательную» оценку применения концессионной системы в муниципальном хозяйстве с рядом правовых упущений: законодательство предполагало гражданско-правовые отношения там, где на самом деле должны быть отношения власти и подчинения; у городов не было эффективных механизмов вмешательства в дела концессии в случае выявления проблем и упущений; недостаточными были меры судебной защиты против концессионера. Мешала и общая неясность правового положения муниципалитетов и концессионеров. Выходом из положения, по его мнению, могли бы стать надлежащая организация административной юстиции и конкретизирующие правовые нормы, разделение на практике частно-правовых и публично-правовых отношений концессионеров и муниципалитета, четкое определение их порядка с восполнением законодательных недомолвок и пробелов в заключаемом договоре [Таль, 1915. С. 68–69].

В качестве решения дилеммы некоторые городские деятели предлагали использовать зарождавшуюся в Западной Европе идею смешанных – акционерных предприятий, в которых у частных владельцев было бы около половины акций, а остальные принадлежали городскому управлению. Муниципалитет имел бы возможность при угрозе принятия на предприятии решения, нарушающего общественные интересы, фактически перенести вопрос на рассмотрение городской думы. Большая жизненность таких предприятий, по мнению инженера М. Шереметевского, заключалась в их меньшей сложности и заметной гибкости руководящего аппарата, что предоставляло значительные возможности для развития личной инициативы и обеспечивало более быструю приспособляемость [Шереметевский, 1917. С. 10–11]. Инженер отмечал, что муниципальные предприятия не должны обладать монополией, привилегиями, им следует развиваться на равных условиях с частными⁸.

В конце XIX – начале XX в. города активно занялись созданием муниципальных предприятий. Как правило, для управления крупным городским предприятием при городской думе создавалась своя исполнительная комиссия или отдел, в котором мог председательствовать член управы или особо избранное лицо, иногда управление вверялось единолично члену городской управы, а в помощь ему формировался хозяйственный совет из специалистов. Член управы мог курировать сразу несколько муниципальных предприятий. Текущими делами, производственным процессом заведовали служащие – инженеры, техники. В их подчинении находились муниципальные рабочие.

Накануне революции 1917 г. можно говорить о почти полной победе принципа муниципализации в деятельности городских общественных управлений. Число муниципальных предприятий быстро росло. К 1917 г. российские города владели трамваями и шоссейными дорогами, водопроводами, скотобойнями, электростанциями, системами канализации,

⁸ Там же. С. 417–418.

ассенизации, телефонными станциями, ломбардами, аптеками, мельницами, газовыми заводами, типографиями, театрами, прачечными, ночлежными домами, складами и пристанями, банями и купальнями, хлебопекарнями, кирпичными заводами⁹. Так, в Мологе располагался винокурный завод, в Самаре – гончарный, в Карсе – известковый. В Севастополе была каменоломня, Славянске – буровая солевая скважина, Ставрополе – опытная сельскохозяйственная станция. В 23 городах, в том числе Петрограде, Новониколаевске, Риге, Нижнем Новгороде, были организованы общедоступные столовые, в Риге – молочная ферма, Анапа и Киев владели гостиницами¹⁰. Появлялись и экзотические для городских управлений предприятия. Например, в Казани к началу революции действовал муниципальный завод медикаментов, вырабатывавший карболовую кислоту, аспирин, салицилат натрия; в Екатеринбурге муниципалитет устроил мыловаренный завод и начал продавать мыло собственного производства¹¹.

Несмотря на успехи муниципализации, роль концессионного капитала в благоустройстве городов дореволюционной России была более чем значительной. Именно концессии позволили в крупных городах, таких как Москва, Киев, Харьков, создать основы благоустройства. В начале XX в. концессии оставались для многих, особенно мелких, городов единственным способом развития, а концессионеры – «единственными спасителями, которые могут вывести из заброшенного состояния». «Для мелких городов остается один выход: или оставаться на точке замерзания в ожидании блаженного момента, когда с неба свалятся деньги и силы, или прибегнуть к концессии», – отмечал на съезде в Киеве 1913 г. представитель Каменец-Подольска К.В. Турович¹².

Из общей суммы инвестиций, направленных на городское благоустройство к началу Первой мировой войны, на долю концессионного капитала приходилось 75% средств, вложенных в трамвайные предприятия, почти 50% – в электроэнергетическое хозяйство, 30% – в водоснабжение, 90% – в газовые заводы. Всего в предприятия городского благоустройства концессионеры вложили около 484 млн руб., что составило более 60% инвестиций на развитие этой отрасли, причем, по данным экономиста Л.Г. Ляндау, почти половина средств принадлежала иностранным инвесторам – 230 млн руб. В предприятия электро-снабжения и газоснабжения вкладывался в основном германский капитал, конки и трамваи – бельгийский, телефонные предприятия – шведско-датский [Загорулько, Булатов, 2010. С. 11–13]. По информации экономиста Б.Б. Веселовского, к 1917 г. в городах, имевших водопроводы, в 20% случаев водопроводное предприятие было коммерческим. В 50% случаев коммерческими были городские электростанции, 79% трамвайных предприятий в городах России были концессионными [Веселовский, 1928. С. 41].

Накануне революции, несмотря на бурное развитие, городское благоустройство оставалось еще слабым, что оставляло актуальным вопрос о путях его дальнейшего развития. К 1917 г. лишь 25,8% российских городов пользовались телефонной связью, в 25,7% были водопроводы, в 15,4% – функционировали электростанции, в 2,9% имелись трамваи, в 16 городах – канализация (1,7% от их численности) [там же]. Степень развитости городского хозяйства, число муниципальных или концессионных предприятий зависели от размеров и статуса городов.

В крупных городах эксплуатация муниципальных предприятий стала прибыльным делом, что стимулировало курс на муниципализацию. По данным Министерства финан-

⁹ Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год. Стат. отделение департамента окладных сборов Министерства финансов. Петроград, 1917. С. XXXV–XXXVIII.

¹⁰ Календарь-справочник городского деятеля на 1912 год. СПб, 1911. С. 280–282; на 1916 год. СПб., 1915. С. 226–227.

¹¹ Городское дело (Петроград). 1917. №3. С. 130; №4. С. 186.

¹² Труды Первого Всероссийского Съезда представителей городов по вопросам улучшения городских финансов. С. 426.

сов, к 1912 г. в столичных городах – Москве и Петербурге – доля предприятий в доходах бюджета достигла примерно 58%. С уменьшением размеров городов процент поступлений от предприятий в муниципальные бюджеты снижался. В городах с населением от 400 тыс. до 1 млн чел. муниципальные предприятия приносили в бюджет города в среднем 28,8%, от 100 до 200 тыс. чел. – 22,2%, от 50 до 100 тыс. чел. – 17,5%. Эта тенденция сохранялась, и в небольших городках с населением от 5 до 10 тыс. чел. организованные муниципалитетом предприятия давали в среднем лишь 5,7% от суммы бюджета¹³. Как отмечал Л.А. Велихов, около трети российских муниципалитетов почти совсем не имели доходного имущества [Велихов, 1928. С. 407].

Большое число городских предприятий требовало крупных расходов на их содержание и развитие. Наиболее значительными такие траты были в столицах: в среднем 27,7% бюджета, в городах с населением от 100 тыс. до 1 млн чел. уже значительно меньше – около 10–12%, от 25 до 100 тыс. чел. – около 8% бюджета, от 10 до 25 тыс. – 4,7%, от 5 до 10 тыс. – лишь 2,5% бюджета. Однако показатель сильно варьировался в разных городах, так, в Чернигове тратилось на городские предприятия 28% бюджета, Пскове – 27,6%, Вятке – 24,8%, т.е. почти как в столицах¹⁴.

Число муниципальных предприятий в губернских городах России было большим, чем в уездных, а наиболее развитым хозяйством обладали столичные города. Каждому городу из-за острой нехватки средств и проблем с привлечением займов приходилось определять приоритеты в городском хозяйстве, оставляя другие отрасли без достаточного внимания.

Как правило, смета муниципальных предприятий входила в общую городскую, в которой учитывались полученные предприятием доходы и расходы на текущую работу и их развитие. Прибыль муниципального предприятия уходила в городской бюджет и могла тратиться на иные нужды, если же оно давало убытки, то муниципалитет покрывал их из своих доходов.

Самыми доходными предприятиями в сфере городского устройства, в первую очередь, в больших городах, являлись трамваи, шоссейные дороги и концессии на их эксплуатацию. Они, по данным на 1912 г., давали в среднем 12,5% от бюджета, водопроводы приносили 6,3% средних доходов города, скотобойни – 3,4%, электрические станции – 2,6%, предприятия по удалению нечистот (канализация, ассенизационные обозы, мусоросжигательные станции) – 2%. В целом по городам, где действовало Городовое положение 1892 г., муниципальные предприятия в 1912 г. принесли 32,2% доходов бюджета, ожидаемые чистые доходы, за вычетом расходов на их содержание, составляли 18,4% среднего бюджета¹⁵, т.е. они в основном были прибыльными.

В условиях крайне стесненного бюджета, когда доходов не хватало на самое необходимое, накопить деньги на капитальные траты, в частности, на муниципализацию концессионных предприятий и строительство новых, муниципальных, было трудно. Основным способом получения нужных сумм являлись займы. Задолженность муниципалитетов накануне войны и революции быстро росла, что свидетельствовало об их активном вовлечении в городские экономические процессы. Государство неохотно занималось выдачей ссуд, получить финансовые средства государственного казначейства безвозмездно в качестве дотации муниципалитетам было вообще невозможно [Нардова, 1994. С. 61–63].

При почти полном отсутствии кредитной поддержки государства города были вынуждены пользоваться средствами частных лиц и общественных учреждений. Из общей задолженности городов 50 губерний Европейской России в почти 323 млн руб. к 1 июля

¹³ Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год. С. XXXIV.

¹⁴ Там же. С. LIV–LV.

¹⁵ Там же. С. XXXV–XXXIX.

1910 г. на долю долгов по облигационным займам, имевшихся к тому времени у 59 городов, приходилось 80,7%, земельным банкам – 6,5%, казне, городским банкам, частным лицам и учреждениям – 12,8%¹⁶. Для сравнения, в Германии в конце 1907 г. на облигационные займы приходилось 66,3% долгов городских общин, т. е. кредитные возможности были более разнообразными [Брейтерман, 1913. С. 1]. Суммы облигационных займов сильно отличались: от 39 млн руб. (займ, заключенный Санкт-Петербургом в 1908 г.), до 50 тыс. руб. (заклучен посадом Клиницы в 1906 г.). 76,7% всех облигационных займов были ориентированы на постройку, выкуп и усовершенствование муниципальных доходных предприятий и имущества: электрических, телефонных станций, водопровода, канализации, скотобоен.

Можно было бы сделать вывод, что роль облигационных займов в деле изыскания средств на развитие городских предприятий была значительной, однако в действительности на них решались немногие города. Расходы по облигационным займам в 1912 г. несли только 63 муниципалитета, где действовало Городовое положение, или 8,1%, в то время как по займам у частных лиц и учреждений платили 462 города, или 59,7%; 316 городов платили по займам из банков или 40,8%, платежи по ссудам из казны и Госбанка осуществляли 214 городов (около 27%)¹⁷. Совсем не имели никаких долгов к началу 1912 г. 39,4% от общего числа городов [там же]. Отсутствие задолженности в большинстве случаев означало, что эти города почти совсем не развивали муниципальное хозяйство, не строили предприятия.

Мешали развитию муниципальных предприятий дороговизна облигационных займов, особенно при взятии заимообразно относительно небольших сумм, ограниченность российского рынка и необходимость выходить с акциями на иностранные биржи, тем не менее, быстрый рост задолженности российских городов свидетельствовал, что препятствия не являлись непреодолимыми.

В условиях нехватки в городах денег острой была проблема организации государством муниципального кредита. МВД и Главное управление землеустройства и земледелия выступали за создание государственного кредитного учреждения для органов самоуправления, формирующего капитал под займы за счет выпуска облигаций, Минфин был против, полагая, что выпуск облигаций подорвет государственный кредит, и предлагал разрешить создание частного банка общественного кредита. В итоге правительство склонилось к созданию государственной кассы. Решающими политическими аргументами были усиление «упорядочивающего влияния правительства» и передача власти «реального средства содействовать здоровому развитию городского и земского дела в желательном для правительства направлении»¹⁸. В 1912 г. появилась Касса городского и земского кредита. Ее средства составили 10 млн руб. основного и 10 млн руб. оборотного капитала, выданного ей государством в ссуду. Касса имела право выпускать облигации в сумме не свыше 100 млн руб. Имевшихся в ее распоряжении средств было явно недостаточно для удовлетворения потребностей сотен городов и земств, к тому же для получения кредита из этого источника нужно было выполнить ряд сложных бюрократических формальностей [Велихов, 1928. 413–414]. Как результат, до начала революции 1917 г. проблема дешевого муниципального кредита не была решена окончательно.

Еще одной проблемой, сдерживавшей возможности муниципалитетов улучшать городскую инфраструктуру, была переобремененность чисто административными расходами, в первую очередь, на содержание полиции и воинских гарнизонов.

¹⁶ Календарь-справочник городского деятеля на 1913 г. СПб, 1913. С. 99.

¹⁷ Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год. С. LIII–LIV.

¹⁸ Особые журналы Совета министров Российской империи: 1909–1911 гг.: 1911 год. М.: РОССПЭН, 2002. С. 501.

Накануне Первой мировой войны муниципалитеты планировали продолжать развитие городского хозяйства на путях муниципализации. Это показал опрос, проведенный составителями «Календаря-справочника городского деятеля». Так, в Вятке – переустройство бойни, кирпичного и гончарного заводов, расширение водопровода и электрической станции, постройка бань, в Киеве – муниципализация трамваев, в Коломне – устройство электрического освещения, в Москве – строительство аптек и мусоросжигательной печи, в Омске – создание муниципального трамвая, в Ростове-на-Дону – расширение трамвая, в Сочи – открытие водопровода и здания для гимназии, в Петербурге – строительство кирпичного завода, холодильника, переустройство канализации, в Смоленске – муниципализация и расширение трамваев и устройство электроосвещения, проектирование общей канализации, в Пензе – устройство трамвая и электрического освещения, в Хабаровске – проектирование канализации и т. д.¹⁹

Многие муниципалитеты накануне войны и революции усилили курс на муниципализацию концессионных предприятий. Это можно было сделать путем досрочного выкупа по соглашению с концессионером, возместив ему прибыли, которые он мог бы получить при выполнении договора в обычных условиях и при нормальной конъюнктуре [Загорулько, Булатов, 2010. С. 41–44]. Так поступил петроградский муниципалитет, которому удалось достичь соглашения о переходе в ведение города частных электрических предприятий. С мая 1917 г. в заведование городу были переданы предприятия бельгийского акционерного общества «Электрическое освещение города Петрограда» и Петроградского общества электрических сооружений, в ответ муниципалитет обязался ежегодно платить авансы в 1,5 млн руб. в счет выкупных платежей, до окончательного установления их размеров²⁰. Как правило, такой вариант муниципализации оказывался невыгодным для муниципалитета – фактически города выкупали изношенные предприятия по завышенным ценам. Публицист С.Т. Григорьев (Новодумский) отмечал, что концессионерам был выгоден выкуп городами устаревших и требовавших модернизации электротехнических предприятий, с целью освобождения капиталов для новых задач: создания крупных областных станций, обслуживавших весь промышленный район. Конкурировать с ними в дешевизне услуг старые городские электростанции не могли [Григорьев (Новодумский), 1919. С. 35–36].

Еще одна возможность муниципализации концессионного предприятия открывалась в связи с войной с Германией и связанной с нею борьбой с немецким капиталом. Московская гордума с начала войны боролась с частным «Обществом электрического освещения 1886 года», которое было основано на немецкие капиталы и имело концессию на освещение Москвы сроком на 50 лет с 1895 г. Право досрочного выкупа у города наступало в 1920 г. Представители «Общества 1886 года» предлагали сформировать новое акционерное общество, часть паев в котором досталась бы московскому муниципалитету, но в марте 1917 г. думцы выдвинули требование к правительственному совещанию – ликвидировать «Общество» и дать городскому управлению Москвы преимущество в покупке акций его предприятий²¹. Думский вариант не приняло правительство, и борьба продолжалась вплоть до октября 1917 г.

В условиях ухудшения финансового положения городов России концессионеры продолжали активно искать новые проекты. Газеты сообщали о предложениях американских и европейских капиталистов русским городам участвовать на началах концессии в устройстве канализации, водопровода, мостовых, трамваев. Возможные концессионеры

¹⁹ Календарь-справочник городского деятеля на 1915 год. Спб., 1914. С. 219–223.

²⁰ Известия Петроградской городской думы (Петроград). 1917. №5–6. С. 232.

²¹ Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 179. Оп. 21. Д. 3884. Л. 41-41об., 88-88об.; Известия Московской городской думы. Отдел общий (Москва). 1917. № 3–4. Март–апрель. С. 37–38; Русские ведомости (Москва). 1917. 21 июня.

обещали в короткий срок «заменить убожество наших городов – американским их благоустройством».

При негативном отношении в обществе к концессиям частные компании искали обходные способы заработать на городском благоустройстве. Заинтересованные тресты и синдикаты лоббировали в городских кругах выгодные им проекты строительства муниципальных предприятий, чтобы заработать на поставках материалов, оборудования, а потом их обслуживании и замене, или продать залежалый, морально или технически устаревший товар, не находящий сбыта. Как отмечает С.Т. Григорьев, например, Саратову в 1904 г. «пришлось выдержать очень серьезный натиск сторонников газового освещения: в то время как электричество совершало свое победное шествие...» [Григорьев (Новодумский), 1919. С. 34–35], а проект строительства метрополитена в Москве давал «огромные выгоды» ряду заинтересованных фирм и производителей материалов. Иногда кредиты городам на создание муниципального предприятия банки обуславливали передачей технического руководства, строительного подряда конкретным фирмам, связанным с банковским концерном [там же. С. 38].

* * *

Накануне революции 1917 г. органы городской власти становились активнейшими участниками экономических отношений. Муниципальные предприятия в России в условиях неразвитой налоговой базы муниципалитетов стали хозяйственной основой благополучия и самостоятельности городского самоуправления, относительной независимости системы самоуправления от государственной власти. Разветвленное и управлявшееся муниципальными специалистами городское хозяйство, приносящее доходы, воспринималось современниками как один из ведущих показателей успешности российского муниципалитета, как пример для других.

К началу революции задача модернизации городов и создания развитой системы предприятий городского благоустройства оставалась актуальной. Несмотря на значительные успехи, большинство жителей городов к 1917 г. по-прежнему не имело самых простых удобств: электричества, канализации, водопровода, нормального уличного освещения; слабо удовлетворялись их культурные и образовательные потребности; на низком уровне оставалась медицина. Общественный запрос свидетельствовал о значительном потенциале в развитии городского хозяйства. Относительная депривация – несоответствие завышенных ожиданий реальности – стала фактором революционизирования интеллигентных слоев и общественных элит. Можно предположить, что при более благоприятном отношении руководства городов и общественных деятелей к концессиям и расширению применения концессионной системы городское хозяйство развивалось бы быстрее.

Муниципализация оказалась спасительной для городов, нуждавшихся в новых источниках доходов, однако, становясь неким суррогатом «косвенных» налогов, она не решала кардинально проблемы реформирования финансовой базы муниципалитетов. Власть видела в органах самоуправления силу, противостоящую ей политически, и поэтому не считала себя заинтересованной в укреплении их финансовых возможностей. Успешная модернизация муниципальной инфраструктуры российских городов в какой-то степени приносилась в жертву политизации и антагонизму земского и самодержавного начал.

Во время российской революции 1917 г. демократизированные городские самоуправления попытались преодолеть негативные тенденции в сфере городской инфраструктуры, но углубление общенационального хозяйственного кризиса не позволило это сделать, а в начале 1918 г. институт городского самоуправления в думской форме был ликвидирован.

ЛИТЕРАТУРА

- Ачадов. (Данилов Ф.). (1907). Муниципализация промышленных предприятий, земельных площадей, изготовления и доставки главнейших предметов потребления (муниципальный социализм). М.: Типография Ф.Я. Бурче.
- Брейтерман А.Д. (1913). Облигационные займы русских городов. СПб.: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов.
- Велихов Л. (1926). Опыт муниципальной программы. Материалы для академического курса и перспективных планов городского хозяйства. М. – Л.: Гос. изд-во.
- Велихов Л.А. (1928). Основы городского хозяйства. М. – Л.: Гос. изд-во.
- Веселовский Б.Б. (1928). Коммунальное хозяйство в цифрах и диаграммах. 1917–1927 гг. М: Изд-во НКВД РСФСР.
- Витте С.Ю. (1908). Самодержавие и земство. СПб., 1908.
- Григорьев С.Т. (С. Новодумский) (1919). Городские предприятия (муниципальный кооператизм). М.: Издание Всероссийского центрального союза потребительских обществ.
- Загорюлько М.М. Булатов В.В. (2010). Муниципальные концессии в царской России: исторический опыт для современности: препринт. Волгоград, изд-во ВолГУ.
- Загряцков М.Д. (1906). Социальная деятельность городского самоуправления на Западе. Вып. I. Проблемы муниципализации. Киев: Тип. Императорского университета святого Владимира, акционерное общество печатного и издательского дела Н.Т. Корчак-Новицкого.
- Крыжановский С.Е. (1997а). Заметки русского консерватора // Вопросы истории. №2.
- Крыжановский С.Е. (1997б). Заметки русского консерватора // Вопросы истории. №3.
- Кулишер И.М. (1920). Очерки финансовой науки. Вып. II. Пг.: Наука и школа.
- Нардова В.А. (1994). Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Наука.
- Озеров И.Х. (1907). Общие принципы организации городских финансов. СПб.: Городская типография.
- Озеров И.Х. (2008). Основы финансовой науки. М.: ЮрИнфоР-Пресс.
- Рашин А.Г. (1956). Население России за сто лет (1811–1913). Статистические очерки. М.: Госстатиздат.
- Семенов Д.Д. (1901). Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб.
- Соколов А.С. (2006). С.Е. Крыжановский – государственный деятель Российской империи начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. н. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН.
- Таль Л.С. (1915). Концессионные договоры городских общественных управлений. Петроград: Общественная польза.
- Твердохлебов В.Н. (1915). Влияние войны на городские и земские финансы // Вопросы мировой войны: Сб. статей под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг.: Право.
- Твердохлебов В.Н. (1919). Местные финансы. Одесса: Изд-во Ивасенко.
- Тотомианиц В.Ф. (1902). Муниципализация промышленных предприятий (Очерки городского хозяйства в Западной Европе). М.: Книжное дело.
- Тотомианиц В.Ф. (1910). Самоуправление и городское хозяйство. СПб.: Изд-во «Вестника знания».
- Шереметевский М. (1917). Трамвай, как предприятие местное и государственное // Городское дело. №1. С. 6–22.
- Шрейдер Гр. (1912). Муниципализация и ее противники // Вестник Европы. №4. С. 285–304.

Мамаев Андрей Владимирович

andreydx2006@yandex.ru

Andrey Mamaev

Ph.D (History), Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

andreydx2006@yandex.ru

INSTITUTE OF CITY SELF-GOVERNMENT AND THE PROBLEM OF MODERNIZATION OF MUNICIPAL INFRASTRUCTURE IN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY

Abstract. The article examines the problem of modernization of urban infrastructure in late Imperial Russia and the activities of the institute of city self-government. The intervention of municipal authorities became important in the conditions of rapid growth and development of cities, due to the emergence of a public demand, when the problems of urban improvement were not a priority for the state and private business, and the legislation opened the possibility for municipalities to act. At the same time, the development of municipal improvement reflected Russian problems of that time: the contradictions between the state and society were deepening, the financial system was archaic, and the financial base of the cities envisaged by the law was weak and inflexible. As sources in research works of economists of that period, statistical data, archival materials and periodicals are used.

The concept of municipalization has become particularly popular among city authorities. On the one hand, it made possible for cities to ensure the social orientation of their activities and to receive significant additional income, on the other hand, it imposed special responsibility for the results of management. Given the statutory limitations on direct taxes and fees, the creation of new city enterprises has in the long term enabled municipalities to significantly strengthen their budgets, which has stimulated this process, despite the lack of finance.

The Ministry of internal Affairs supported the course of municipalization. The policy of municipalization were supported by economists and social activists in the early XX century, considering it more important social needs and believing that private interests are often at odds with them. At the same time, some experts pointed out that the shortcomings of the concession system could be overcome through improved legislation and better drafting of concession contracts between the municipality and private entrepreneur.

The article concludes that city self-government bodies quickly developed the municipal infrastructure, which became the basis of their well-being and independence, but by 1917 the problem remained relevant. The degree of development of urban infrastructure did not meet the public demand, prevented the lack of money and political opposition to autocracy. In an effort to municipalize, cities have not sufficiently exploited the possibilities of a concession system.

Keywords: *city self-government, municipal infrastructure, modernization, Russia, early XX century.*

JEL Classification: H72, L97, N43, N73, N93, P25, R51.

REFERENCES

- Ачадов (Danilov F.). (1907). Munitsipalizatsiya promyshlennyykh predpriyatiy, zemel'nykh ploshchadey, izgotovleniya i dostavki glavneyshikh predmetov potrebleniya (munitsipal'nyy sotsializm). [Municipalization of industrial enterprises, land areas, production and delivery of the main consumer goods (municipal socialism)]. M.: Tipografiya F. Ya. Burche.*
- Braterman A.D. (1913). Obligatsionnyye zaymy russkikh gorodov [Bond issues of Russian cities]. SPb.: Tipografiya redaktsii periodicheskikh izdaniy Ministerstva finansov.*
- Velikhov L. (1926). Opyt munitsipal'noy programmy. Materialy dlya akademicheskogo kursa i perspektivnykh planov gorodskogo khozyaystva [Experience of the municipal program. Materials for academic courses and long-term plans of the urban economy]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatelstvo.*
- Velikhov L.A. (1928). Osnovy gorodskogo khozyaystva [Bases of municipal economy]. M. – L.: Gosudarstvennoe izdatelstvo.*
- Veselovsky B.B. (1928). Kommunal'noye khozyaystvo v tsifrakh i diagrammakh. 1917–1927 gg. [Communal economy in figures and diagrams. 1917–1927]. M.: Izdatel'stvo NKVD RSFSR.*
- Witte S.Y. (1908). Samoderzhaviye i zemstvo [The Autocracy and the Zemstvo]. SPb.: 1908.*
- Grigoriev S.I. (S. Novodomskey). (1919). Gorodskiyeh predpriyatiya (munitsipal'nyy kooperativizm). [City enterprises (municipal cooperativism)]. M.: Izdaniye Vserossiyskogo tsentral'nogo soyuza potrebitel'skikh obshchestv.*
- Zagorul'ko M.M., Bulatov V.V. (2010). Munitsipal'nyye kontsessii v tsarskoy Rossii: istoricheskiy opyt dlya sovremennosti: preprint [Municipal concessions in tsarist Russia: historical experience for the present: preprint]. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU.*
- Zagryatskov M.D. (1906). Sotsial'naya deyatelnost' gorodskogo samoupravleniya na Zapade. [Social work of the city government in the West]. Vol. I. The Problem of municipalization. Kiev.: Tip. Imperatorskogo Universiteta Svyatogo Vladimira, aktsionernoe obshchestvo pechatnogo i izdatelskogo dela N.T. Korchak-Novitskogo.*
- Kryzhanovskiy S.E. (1997a). Zametki russkogo konservatora [Notes of the Russian conservative] // Voprosy istorii. No. 2.*
- Kryzhanovskiy S.E. (1997b). Zametki russkogo konservatora [Notes of the Russian conservative] // Voprosy istorii. No. 3.*
- Kulisher I.M. (1920). Ocherki finansovoy nauki [Essays of financial science]. Vol. II. Pg.: Nauka I shkola.*
- Nardova V.A. (1994). Samoderzhaviye i gorodskiyeh dumy v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Autocracy and city dumas in Russia in the late XIX – early XX century]. SPb.: Nauka.*
- Ozerov I. H. (1907). Obshchiye printsipy organizatsii gorodskikh finansov [General principles of the organization of urban finance]. SPb.: Gorodskaya tipografiya.*
- Ozerov I. H. (2008). Osnovy finansovoy nauki [Fundamentals of financial science]. M.: Yurinfor-Press.*
- Rashin A.G. (1956). Naseleniye Rossii za sto let (1811–1913). Statisticheskiye ocherki [Population of Russia for a hundred years (1811–1913). Statistical essays]. M.: Gosstatizdat.*
- Semenov D.D. (1901). Gorodskoyeh samoupravleniye. Ocherki i opyty [City government. Essays and experiments]. SPb.*
- Sokolov A. (2006). S.Ye. Kryzhanovskiy – gosudarstvennyy deyatel' Rossiyskoy imperii nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. n. [S.E. Kryzhanovskiy – statesman of the Russian Empire in the early XX century: autoref. of diss. candidate of history]. SPb.: SPb Institut istorii RAN.*
- Tal L.S. (1915). Kontsessionnyye dogovory gorodskikh obshchestvennykh upravleniy [Concession contracts for urban public governments]. Pg.: Obshchestvennaya pol'za.*
- Tverdokhlebov V.N. (1915). Vliyaniye voyny na gorodskiyeh i zemskiyeh finansy [The impact of war in urban and zemstvo finances] // Questions of world war: Articles under the editorship of M. I. Tugan-Baranovskiy. Pg.: Pravo.*

- Tverdokhlebov V.N.* (1919). Mestnyye finansy [Local Finances]. Odessa: Izdatelstvo Ivasenko.
- Totomiantz V.F.* (1902) Munitsipalizatsiya promyshlennykh predpriyatiy (Ocherki gorodskogo khozyaystva v Zapanoy Yevrope) [Municipalization of industrial enterprises (Studies of urban economy in Western Europe)]. M.: Knizhnoe delo.
- Totomiantz V.F.* (1910). Samoupravleniye i gorodskoye khozyaystvo [Self-government and municipal management]. SPb.: Izdatelstvo "Vestnika znaniy".
- Sheremetevsky M.* (1917). Tramvay, kak predpriyatiye mestnoye i gosudarstvennoye [Tram as a local and state company] // Gorodskoe delo. No. 1.
- Schreider Gr.* (1912). Munitsipalizatsiya i yeye protivniki [Municipalization and its opponents] // Vestnik Evropy. No. 4.

В.Л. Степанов

д.и.н., Институт экономики РАН, Москва

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ЭКОНОМИКА РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению последствий Крымской войны (1853–1856 гг.) для народного хозяйства России, а также влияния экономической отсталости страны на ход этой кампании. В армию и ополчение была призвана значительная часть трудоспособного населения деревни, тяжелым бременем для крестьянства стали небывалый рост постоянной и подводной повинностей, а также взимаемые властями реквизиционные сборы. В сочетании со скудными урожаями 1853–1856 гг. это привело к сокращению посевных площадей и поголовья скота, росту цен на продовольственные товары и снижению жизненного уровня населения. Огромные военные расходы и уменьшение налоговых поступлений вызвали возрастание ежегодного бюджетного дефицита, который приходилось покрывать с помощью массовой эмиссии кредитных билетов, внешних займов и заимствований из казенных банков. Результатом финансовых затруднений стали возрастание государственной задолженности и расстройство денежного обращения – инфляция и падение курса рубля, сопровождавшееся постоянными колебаниями. Блокада черноморских и балтийских портов англо-французским флотом нарушила торговые связи России с другими странами, резко сократила экспортно-импортные операции и таможенные доходы. Казенная промышленность не справлялась с обеспечением армии, которая испытывала острую нехватку вооружения и боеприпасов. Низкое качество путей сообщения и неудовлетворительная организация интендантской службы не позволяли в необходимом объеме снабжать войска обмундированием, провиантом и фуражом. Оживление коммерческой жизни и развитие частного предпринимательства, вызванные инфляцией и благоприятной военной конъюнктурой, спустя несколько лет сменились промышленным кризисом и общей депрессией в народном хозяйстве, которая затянулась до середины 1860-х гг. Истощение финансов и невозможность полноценного обеспечения армии стали одной из основных причин заключения Россией в 1856 г. униженного Парижского мира. Поражение в Крымской войне стало стимулом для проведения в стране ряда экономических преобразований, которые стали важнейшей составной частью Великих реформ.

Ключевые слова: война, экономика, финансы, военные расходы, промышленность.

Классификация JEL: N63, N53, N63, N73.

Истории Крымской войны (1853–1856 гг.) посвящена большая литература. Тем не менее, эта кампания, положившая начало перелому в истории России, изучена далеко не полно. Наименее исследованным остается состояние народного хозяйства в военные годы. Е. В. Тарле в своем фундаментальном труде ограничился лишь кратким обзором товарооборота между Россией и странами враждебной коалиции [Тарле, 1950. С. 50–61]. Обширный материал по экономической тематике рассредоточен по разным работам. Из специальных публикаций можно отметить лишь статьи Ф. Г. Тернера и А. С. Нифонтова о внешней торговле России в Крымскую войну, а также небольшую статью-заметку американского историка В. Пинтнера об инфляционных процессах в этот период [Тернер, 1858. С. 1–341; Нифонтов, 1971. С. 69–90; Pintner, 1959. Pp. 81–87]. Но обобщающее исследование до сих пор отсутствует. Между тем, учет экономического фактора для оценки итогов и последствий Крымской войны имеет приоритетное значение. В историографии основной причиной поражения России всегда считалась ее отсталость от передовых стран Запада. Однако в современной литературе высказываются и мнения о том, что степень этой отсталости всегда преувеличивалась, а неудачный исход войны был predetermined главным образом дипломатической изоляцией империи, вынужденной действовать в одиночку против мощной коалиции союзников. Кроме того, сомнение вызывает и сам факт военного поражения России. Ведь формально российская армия проиграла только несколько сражений на дальней окраине страны и оставила лишь южную часть Севастополя. Не случайно результаты Крымской кампании вызвали глубокое разо-

чарование в европейских странах, которые надеялись на военный разгром империи. В российском обществе открыто говорили о том, что правительство не исчерпало всех возможностей для более успешного завершения войны и признало поражение преждевременно [Шевченко, 2007. С. 288–298].

Поэтому уместно задаться вопросами: какое воздействие война оказала на народное хозяйство России, и как состояние экономики отразилось на ведении боевых действий? Можно утверждать, что столкновение с враждебной коалицией нарушило весь ход экономического развития страны. Прежде всего, война еще более ухудшила и без того тяжелое состояние деревни. Предвоенные годы были периодом успешного зернового производства. Чистый сбор хлебов в пятидесяти губерниях Европейской России в 1851 г. достиг 167 млн четвертей, в 1852 г. – 169 млн. Средние подушечные сборы составили соответственно 3,1 и 3,2 четверти зерна в год на каждого сельского жителя, что превысило принятую в армии норму хлебного довольствия (3 четверти). Однако урожаем 1853 г. (137 млн четвертей) был средним в черноземных районах и скудным в отдельных губерниях Северного, Северо-Западного и Западного районов. Сбор хлебов в 1854 г. (130 млн четвертей) снизился почти во всех губерниях черноземной полосы и оказался избыточным только в Нижнем Поволжье. В 1855 г. исключительный неурожай (88 млн четвертей) поразил Украину, Черноземный центр, Нижнее Поволжье и большинство нечерноземных регионов. Недостаточный сбор хлебов был зафиксирован в 37 губерниях из 48, где проживало до 73% сельского населения Европейской России. Урожай 1856 г. (131 млн четвертей) был недостаточным на землях степного юга, в Нечерноземном центре и Западном районе, а избыточным только в Нижнем Поволжье и Черноземном центре. Динамику урожайности в годы войны лучше всего характеризуют цифры средних подушечных сборов в черноземной и нечерноземной полосах – 3 и 2 четверти (1853 г.), 2,6 и 2,1 четверти (1854 г.). 1,5 и 1,9 четверти (1855 г.), 2,6 и 2,2 четверти (1856 г.) [Нифонтов, 1972. С. 45, 51, 52, 53].

В войну деревня потеряла значительное количество рабочих рук. К 1 января 1856 г. в действующей армии числилось 824 генерала, 26 614 офицеров, 1 170 184 нижних чина. В резервных частях состояло 113 генералов, 7 763 офицера, 572 158 нижних чинов. Только в 1855 г. было призвано 572 053 рекрута в армию и 366 902 чел. в ополчение и перевозочные парки на Балтийском побережье, т.е. 938 955 человек. Всего под ружье было поставлено более 2,3 млн чел. Армия мирного времени фактически увеличилась в 2,5 раза [Извлечение..., 1856. С. 65]. Кроме того, сельское население в массовом порядке привлекалось к выполнению постоянной и подводной повинностей. В 1855 г. государственные крестьяне выделили 2 423 365 подвод, постоянная повинность составила 39 555 225 дней (в 1854 г. – 20 762 380). Выполнение всех натуральных повинностей в этом году (не считая постоянной) оценивалось в 113,5 млн руб. [Еще раз о развитии..., 1857. С. 191, 192]. По подсчетам Министерства внутренних дел, из 10,5 млн крестьян в возрасте от 18 до 50 лет от сельскохозяйственных работ было отвлечено около 10%, т.е. более 1 млн чел. Такую же цифру называет и И.С. Блюх [Извлечение..., 1856. С. 65; Блюх, 1882. С. 28–31].

В наибольшей степени от тягот войны пострадали южные территории. Через Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии непрерывно двигались войска, транспорты с вооружением, боеприпасами, продовольствием и ранеными. Постоянная и подводная повинности достигли небывалого масштаба. В 1855 г. в Курской, Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерниях для снабжения продовольствием действующей в Крыму армии местные власти провели реквизиционный сбор, в ходе которого с населения было собрано 228 тыс. четвертей сухарей, 28 тыс. четвертей муки, 51 тыс. четвертей круп и 222 тыс. четвертей овса [Извлечение..., 1856. С. 66]. Посевы хлебов в 1853–1855 гг. в Екатеринославской губернии сократились с 831 тыс. до 796,3 тыс. четвертей, в Херсонской губернии – с 824,6 тыс. до 398,5 тыс. четвертей. Экспорт пшеницы через черноморско-азовские порты за эти годы уменьшился с 6 246,4 тыс. до 118,8 тыс. четвертей, ржи – с 403,6 тыс.

до 3,1 тыс. четвертей, ячменя – с 64,8 тыс. до 2,6 тыс. четвертей [Дружинина, 1981. С. 56, 69, 184, 186, 195, 203, 204].

Катастрофическому опустошению подвергся Крым, прежде всего Евпаторийский, Перекопский и Симферопольский уезды. Южную часть полуострова современники сравнивали с огромным кладбищем. Более 300 деревень были покинуты населением, появилось много незанятых земель. В 1853–1855 гг. посевы хлебов в Таврической губернии сократились с 394,9 тыс. до 248 тыс. четвертей, картофеля – с 13,6 тыс. до 4,7 тыс. четвертей [там же. С. 81, 82, 205; Крым, 1988. С. 41, 42]. Через ее территорию прошло до 300 тыс. военнотружеников. Для их передвижения было использовано 653,7 тыс. подвод, а для всех военных нужд государственные крестьяне предоставили 821,8 тыс. подвод, выделили 200 тыс. пеших и 12 тыс. конных работников. С 1 мая 1854 г. по 1 мая 1856 г. у них пало 35 тыс. волов, 12,8 тыс. лошадей и 523 верблюда [Маркевич, 1905. С. 114, 238, 251]. Огромный спрос на перевозочные средства и мясные продукты привел к уменьшению поголовья скота в губернии с 3 451,2 тыс. до 2 455,7 тыс. голов; в том числе лошадей – с 141 тыс. до 117,3 тыс. голов, рогатого скота – с 570,1 тыс. до 380,1 тыс. голов, простых и тонкорунных овец – с 2 946,4 тыс. до 1 816,9 тыс. голов. В войну прекратилось недавно начавшееся металлургическое производство в Керчи, в руках противника оказались многие соляные предприятия казны, из-за разорения плантаций пришло в упадок табаководство [там же. С. 90, 171, 174, 175]. Значительный ущерб понесло виноделие. Многие виноградники были вырублены или остались необработанными. Если в 1852 г. в Крыму производство вина составляло 607,8 тыс. ведер, то в 1856 г. – 278,2 тыс. ведер, в 1857 г. – 149,8 тыс. ведер. Довоенный уровень виноделия был достигнут только во второй половине 1860-х гг. [Баллас, 1895. С. 31, 32, 35].

В войну повсеместно наблюдался рост дороговизны, что приводило к заметному снижению жизненного уровня населения. Средняя цена на рожь с 1 января 1855 г. по 1 января 1856 г. увеличилась с 3,63 до 5,76 руб., на пшеницу – с 5,58 до 8,88 руб., на овес – с 2,52 до 4,42 руб. [Извлечение..., 1856. С. 104]. Даже в губерниях, удаленных от театра военных действий, цены на основные продукты питания увеличились в 1,5–2 раза, а в западных и южных – в 2–3 раза. Например, с осени 1854 г. до первых месяцев 1856 г. цены на четверть ржи в Харьковской губернии возросли с 2,28 до 5,60 руб., в Полтавской – с 2,33 до 6,92 руб., в Киевской – с 2,78 до 8 руб., в Подольской – с 3,38 до 6,25 руб., в Херсонской – с 2,28 до 7 руб., в Екатеринославской – с 2,20 до 8,10 руб. Невероятный взлет цен пережила Таврическая губерния. С середины июня 1854 г. до середины января 1856 г. цены на четверть ржи увеличились с 2,25 до 11 руб., на куль ржаной муки – с 3,70 до 12 руб., на четверть пшеницы – с 5 до 26 руб., на четверть гречневой крупы – с 6,25 до 19,20 руб., на куль овса – с 3,18 до 12 руб., на пуд сена – с 28 коп. до 1,50 руб. [Затлер, 1860. С. 299–304]. Правительство пыталось оказывать сельскому населению посильную помощь. В 1855 г. из центральных и запасных продовольственных магазинов крестьянам было отпущено более 1,5 млн четвертей зерна (на 4,5 млн руб.), а также выданы денежные пособия на общую сумму свыше 1 млн руб. [Еще раз о развитии..., 1857. С. 193]. Однако эти сравнительно скромные затраты не могли сколько-нибудь серьезно улучшить положение крестьянства.

Совокупность всех убытков народного хозяйства в Крымскую войну может быть определена только путем сложения прямых ассигнований на армию и флот, внебюджетных затрат общества на содержание военнотружеников, средств, выделяемых на развитие стратегических отраслей промышленности и транспорта, потерь от привлечения населения на военную службу, ущерба, которые понесли местности, находящиеся в районах боевых действий или в непосредственной близости к ним, и др. [Ланин, 1991. С. 154]. Однако точное определение общей суммы затруднено из-за отсутствия соответствующей статистики. Поэтому под «военными издержками» обычно понимаются бюджетные расходы государства, представляющие собой лишь часть всех затрат [Боголепов, 1910. С. 90; 1914. С. 4]. Но и эти расходы были чрезвычайно велики. Борьба с коалицией потребовала

крайнего напряжения государственных финансов. Военные расходы России и без того в первой половине XIX в. непрерывно увеличивались и в среднем составляли треть бюджетных ассигнований. В этом отношении империя уступала только Великобритании. Рост затрат был связан с ростом численности армии, повышением жалованья военнослужащим и пенсий отставникам, возрастанием цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и, соответственно, на оружие, боеприпасы, провиант, фураж, предметы обмундирования [Лавин, 1991. С. 149, 150, 151]. Подсчет бюджетных расходов на ведение Крымской войны следует осуществлять за 1852–1857 гг., так как в 1852 г. началась подготовка к столкновению с Турцией, а в 1857 г. продолжалось погашение военных затрат. Данные государственного бюджета свидетельствуют о стремительном возрастании ассигнований по статьям Военного и Морского министерств: если в 1852 г. они составляли 100,5 млн руб., то в 1853 г. – 124,2 млн руб., в 1854 г. – 199 млн руб., в 1855 г. – 270,1 млн руб., в 1856 г. – 259,9 млн руб., в 1857 г. – 122,3 млн руб., а в целом за этот период – 1 076 млн руб. [Статистический временник..., 1886. С. 41].

Исходя из этих данных, французский экономист П. Леруа-Болье определил сумму военных расходов России в 4 млрд франков (около 1 млрд руб.). По его подсчетам, общие издержки союзников (Великобритании, Франции, Сардинии и Турции) были даже чуть меньшими – 3 968 млн франков [Leroy-Beaulieu, 1869. P. 116, 119]. На эти цифры ссылались российские экономисты И.С. Блюх и М.И. Боголепов [Блюх, 1898. С. 320; Боголепов, 1910. С. 189, 1914. С. 5]. Однако И.И. Кауфман признал сам принцип подобного подсчета затрат России неправильным, а сумму в 1 млрд руб. явно завышенной. Он утверждал, что речь должна идти именно об ассигнованиях на ведение войны, а не о сумме бюджетных расходов Военного и Морского министерств. И. И. Кауфман предложил свой вариант – 528,2 млн руб. С ним согласился П.П. Мигулин [Кауфман, 1885. С. 575; Мигулин, 1899. С. 195]. Действительно, если сопоставить расходы обоих ведомств за 1852–1857 гг. (1 076 млн руб.) и за предшествующее мирное шестилетие 1846–1851 гг. (636,3 млн руб.), то окажется, что И.И. Кауфман ближе к истине. Однако современный английский исследователь П. Кеннеди также руководствуется сведениями бюджетной росписи и определяет сумму военных затрат России за 1852–1856 гг. в 144,5 млн фунтов (903,1 млн руб.). При этом общие расходы союзников он считает гораздо большими – 324,1 млн фунтов. На Великобританию приходится 164,3 млн фунтов, Францию – 145,1 млн фунтов, Турцию за 1852 и 1855 гг. – 5,8 млн фунтов (сведения за 1853, 1854 и 1856 гг. у П. Кеннеди отсутствуют), Сардинию – 8,9 млн фунтов [Kennedy, 1989. P. 176].

Результатом огромных военных затрат стал дефицит бюджета за 1852–1857 гг. в размере 772,5 млн руб., что в три с половиной раза превышало тогдашнюю сумму государственных доходов. Дефициты были для российских финансов хроническим явлением, но обычно они исчислялись достаточно умеренными суммами. В 1852 г. превышение расходов над доходами составило 32 млн руб., в 1853 г. – уже 51,2 млн руб., в 1854 г. – 123,2 млн руб., в 1855 г. – 261,9 млн руб., в 1856 г. – 265,8 млн руб., а в 1857 г. снизилось до 38,5 млн руб. [Статистический временник..., 1886. С. 44]. Проблема покрытия дефицитов встала перед Министерством финансов, которое в 1852–1858 гг. возглавлял П.Ф. Брок. По уровню компетентности и способностям он явно не подходил для роли руководителя экономической политики и к тому же не пользовался популярностью в обществе и бюрократических кругах [Скальковский, 1890. С. 466–476]. Однако министр пытался сделать все возможное для преодоления финансового кризиса. П.Ф. Брок настаивал на введении режима строжайшей бюджетной экономии. Указом от 8 февраля 1856 г. руководителям ведомств было запрещено в текущем году ходатайствовать о сверхсметных ассигнованиях, за исключением тех, которые предназначались на неотложные военные нужды. Указ от 1 июня 1857 г. подтвердил этот запрет уже применительно к мирному времени, а также обязал министров и главноуправляющих ограничиваться лишь самыми необходимыми расходами [ПСЗ-II, 1857.

№30150; ПСЗ-II, 1858. № 31898]. Но незначительное сокращение расходной части бюджета в результате принятия этих актов никак не повлияло на состояние казны.

Основная задача Министерства финансов заключалась в поиске дополнительных источников государственных доходов. Правительство не имело возможности повысить старые и ввести новые налоги. В войну произошло падение платежеспособности населения и сокращение налоговых поступлений. Доходы казны от взимания прямых податей уменьшились с 18,5 млн руб. в 1852 г. до 14,9 млн руб. в 1855 г., оброчной подати государственных крестьян за те же годы – с 31,6 млн до 28,4 млн руб. Поступление промыслового налога осталось на прежнем уровне (около 4 млн руб. в год). В 1852–1855 гг. не изменился размер поступления питейного сбора, который был одной из основных доходных статей бюджета (в среднем 80 млн руб. в год). Вместе с тем несколько увеличились государственные доходы от взимания соляного сбора, акцизов на табак и сахар. Гербовые сборы возросли с 13,3 млн до 17,2 млн руб. [Статистический временник..., 1886. С. 36, 37]. Недоимки по всем налогам в 1853 г. составили 130,4 млн руб., в 1854 г. – 135,4 млн руб., а в 1855 г. достигли 140 млн руб. (из них 56,5 млн руб. по подушной и оброчной податям). Министерство финансов даже попыталось в некоторых местностях перейти к их взиманию натурой для снабжения армии продовольствием и фуражом. На основании высочайшего повеления 27 февраля 1854 г. в Подольской и Волынской губерниях в счет уплаты недоимок с жителей было собрано 177 тыс. четвертей муки и 112 тыс. четвертей овса [Блюх, 1882. С. 10, 17, 30]. 9 марта 1854 г. последовал указ о взимании в Екатеринославской губернии недоимок продуктами [ПСЗ-II, 1855. № 27997]. Однако подобная практика не получила сколько-нибудь широкого распространения из-за отсутствия у населения излишков продовольствия. Всего за 1853–1855 гг. за счет сбора недоимок было заготовлено 129,1 тыс. четвертей муки, 1,7 тыс. четвертей крупы и 506 четвертей овса [Исторический очерк..., 1879. С. 97]. Манифест 27 марта 1855 г. объявил о сложении части недоимок на общую сумму 22,9 млн руб. [ПСЗ-II, 1856. № 29165]. В следующем году недоимки сократились до 115,6 млн руб. (из них 35,9 млн руб. по подушной и оброчной податям) [Блюх, 1882. С. 30, 31].

Заключение внешних займов на европейском денежном рынке стало проблематичным из-за враждебной позиции Великобритании и Франции, а также неудачного для России хода боевых действий. Не могли дать большого эффекта и внутренние займы, поскольку крепостническая Россия всегда была бедна капиталами. Главным способом преодоления безденежья стал выпуск необеспеченных золотом и серебром кредитных билетов. Это была обычная практика оплаты военных расходов не только в России, но и в других странах. М. И. Боголепов назвал бумажные деньги «финансовым пороховым войной» [Боголепов, 1914. С. 29]. В результате денежной реформы министра финансов Е. Ф. Канкрин (1839–1843 гг.) в России утвердилась система серебряного монометаллизма: серебряная монета стала главным платежным средством; монетной единицей – серебряный рубль; золотая монета осталась вспомогательным денежным знаком; ассигнации заменялись кредитными билетами, которые обеспечивались активом государственных кредитных учреждений и свободно обменивались по твердому курсу на серебро и золото из разменного фонда при Экспедиции государственных кредитных билетов, который должен был составлять $\frac{1}{6}$ от суммы выпускаемых бумажных денег. Уязвимость кредитного рубля заключалась в том, что он обеспечивался только запасами драгоценных металлов и не поддерживался другими высоколиквидными активами. Истощение металлического разменного фонда неизбежно вызывало в денежном обращении инфляционные процессы.

Поэтому правительство опасалось нарушить установленное равновесие и долго не решалось на дополнительную эмиссию, но у него не оставалось другого выхода. 10 января 1855 г. по ходатайству министра финансов император подписал указ, в котором повелевалось выпуск кредитных билетов производить лишь в случае необходимости и всякий раз вносить из средств казны в разменный фонд $\frac{1}{6}$ часть выпускаемой суммы. В этом акте

провозглашалось обещание приступить к постепенному изъятию «избыточных» бумажных денег через три года после подписания мира [ПСЗ-II, 1856. №28908]. Число кредитных билетов в обращении возросло с 303,8 млн руб. (на 1 января 1852 г.) до 735,3 млн руб. (на 1 января 1858 г.), т. е. на 431,5 млн руб. Из этой суммы на покрытие дефицита было израсходовано 403,1 млн руб. Остальные 28,4 млн руб. пошли на другие цели. Увеличение более чем в два раза денежной массы привело к резкому уменьшению процентного отношения разменного фонда к количеству кредитных билетов: с 39,8 до 19,2%. Правительство делало все возможное, чтобы предотвратить сокращение фонда и поддержать курс рубля. Востребование населением звонкой монеты усилилось с самого начала военных действий. Поэтому уже 24 февраля 1854 г. П. Ф. Брок дал распоряжение Экспедиции кредитных билетов отпускать в одни руки золотом не более чем на 25% обмениваемой суммы и при этом не свыше 10 тыс. руб. или 2 000 полуимпериалов, а 11 марта того же года – без особого разрешения обменивать одному частному лицу на звонкую монету не более 25 тыс. руб. [Кашкаров, 1898. С. 72, 180]. Указом 27 февраля 1854 г. был запрещен вывоз золота за границу [ПСЗ-II, 1855. № 27965].

Для обеспечения размена финансовое ведомство направило в пограничные губернии большое количество золотой, серебряной и медной монеты, а также кредитных билетов мелкого достоинства. 26 декабря 1855 г. Александр II утвердил решение Комитета финансов о необходимости жестких ограничений размена на золото при одновременном увеличении размена на серебро на условиях, установленных прежними распоряжениями министра финансов [Кашкаров, 1898. С. 180, 181]. С целью не допустить развития спекуляций 1 февраля 1856 г. последовало высочайшее повеление министрам, главноуправляющим и губернаторам о ведении строгого надзора за действиями казначеев, откупщиков и других сборщиков налогов с тем, чтобы они вносили в казну собранные ими суммы той же монетой, которую получили от населения [ПСЗ-II, 1857. №30119]. В годы войны эти меры дали положительные результаты. Сумма разменного фонда почти не изменилась и составляла на 1 января 1852 г. 139,4 млн руб., а на 1 января 1858 г. – 141,5 млн руб. [Кашкаров, 1898. С. 72]. Во многом благодаря сохранности фонда курс кредитного рубля сохранял относительную устойчивость. Положительное влияние на его стабильность оказали также приток вкладов в казенные банки, вызванный увеличением количества денежных знаков. В 1853 г. среднегодовой курс по отношению к серебряному номиналу составлял 100,40 коп., в 1854 г. – 94,26 коп., в 1855 г. – 93,44 коп. В 1856 г. в связи с окончанием войны он повысился до 98,26 коп. [Статистический временник..., 1886. С. 47, 48].

Правительство рассчитывало после заключения мира упорядочить денежное обращение. В «верхах» долгое время считали эту цель вполне достижимой. 12 апреля 1857 г. по инициативе П. Ф. Брока был издан указ об отмене запрещения на вывоз золота за границу [ПСЗ-II, 1858. №31721]. 21 апреля министр финансов сообщил Экспедиции кредитных билетов, что по его всеподданнейшему докладу император повелел отменить все ограничения на обмен кредитных билетов. Мгновенно началось массовое востребование звонкой монеты. За две недели экспедиция выдала золота более чем на 3 млн руб. Осознав свою ошибку, министр финансов уже 5 мая приказал выдавать не более 15 тыс. полуимпериалов в день и не свыше 500 полуимпериалов в одни руки. Кроме того, последовало распоряжение П. Ф. Брока о размене кредитных билетов почти исключительно на серебряную монету. 12 ноября 1857 г. Комитет финансов одобрил принятые меры и тем самым восстановил порядок размена, существовавший в годы войны. 22 ноября 1857 г. это постановление утвердил император [Кашкаров, 1898. С. 181, 182]. С лета 1857 г. под влиянием ухудшения конъюнктуры в промышленности и торговле, а также мирового экономического кризиса, началось падение курса рубля, сопровождавшееся постоянными колебаниями. Среднегодовой курс в этом году составил 95,95 коп., в 1858 г. – 93,30 коп., в 1859 г. – 91,13 коп. [Статистический временник..., 1886. С. 48]. Для его поддержания Министерство

предприняло дорогостоящие казенные трассировки – операции по продаже на петербургской бирже за кредитные билеты тратт (иностранных переводных векселей), которые приходилось оплачивать из разменного фонда. Следствием инфляции стало исчезновение из обращения звонкой монеты. Часть золота ушла за границу, а часть превратилась в объект организованной и крупномасштабной спекуляции. Возникли централизованные торговые предприятия с миллионными оборотами, занимавшиеся скупкой и продажей драгоценных металлов [Безобразов, 1863. С. 21–24]. Если в 1856 г. из России было вывезено золота на 5,7 млн руб., то в 1857 г. – 22,2 млн руб., в 1858 г. – 29,3 млн руб., в 1859 г. – 28,2 млн руб. [Покровский, 1902. С. 328].

В мае 1858 г. новый министр финансов А.М. Княжевич (1858–1862 гг.) обратился в Комитет финансов с предложением восстановить свободный обмен кредитных билетов на звонкую монету, что, по его мнению, могло бы способствовать повышению курса рубля. Однако Комитет отклонил инициативу министра как преждевременную и не соответствующую реальной ситуации в экономике. Одобрение этого решения Александром II 16 мая 1858 г. стало актом, окончательно приостановившим свободный обмен для широких слоев населения [Кашкаров, 1898. С. 182, 183]. Звонкая монета продолжала отпускаться государственным учреждениям и частным лицам в ограниченном количестве. Возглавив финансовое ведомство, А.М. Княжевич взялся за выполнение высочайшего обещания извлечь из обращения «излишние» бумажные деньги. Указ 18 апреля 1858 г. повелевал уничтожить первую партию кредитных билетов на сумму 60 млн руб. [ПСЗ-II, 1860. №33008]. Всего к 1 января 1859 г. число билетов уменьшилось на 90,6 млн руб. и составило 644,6 млн руб. Однако вскоре правительство отказалось от своих намерений. В 1859–1861 гг. билетов было выпущено на сумму 68,9 млн руб., и их количество возросло до 713 млн руб. Одновременно министр финансов продолжил трассировки. В 1858–1861 гг. расходы на эту операцию достигли 81,5 млн руб. Но трассировки давали лишь временный эффект. Вместе с тем они привели к тому, что разменный фонд за эти годы сократился до 97,3 млн руб., а его процентное отношение к количеству бумажных денег – до 11,2%.

В послевоенные годы отсутствовали экономические условия для стабилизации рубля. Последняя попытка восстановить обмен, предпринятая в апреле 1862 г. – ноябре 1863 г. министром финансов М.Х. Рейтерном, закончилась провалом. Казна понесла огромные убытки, для покрытия которых вновь пришлось прибегнуть к выпускам кредитных билетов [Кашкаров, 1898. С. 72, 184–188; Мигулин, 1899. С. 288]. Оценивая результаты эмиссии в годы войны, А.М. Княжевич во всеподданнейшем докладе от 26 ноября 1860 г. писал: «Неизбежным последствием огромного выпуска бумажных денег было падение ценности кредитного рубля, проявившееся в повсеместно возрастающей дороговизне на все вообще предметы, которая гнетет торговлю, останавливает развитие промышленности, потрясает хозяйственное положение всех классов народа и увеличивает расходы казны во всех ее операциях, тогда как источники государственных доходов, по вышеизложенным обстоятельствам, приходят в истощение» [Судьбы России..., 1999. С. 73]. Расстройство денежного обращения, затянувшееся на несколько десятилетий, тяжело сказывалось на состоянии народного хозяйства. Национальная валюта оказалась изолированной от иностранных денежных рынков. Это подрывало престиж российских финансов за рубежом и международный кредит страны, затрудняло привлечение иностранных капиталов. Внутри страны бумажно-денежное обращение было выгодно лишь экспортерам сельскохозяйственной продукции, которые выигрывали на разнице курса рубля внутри России и за границей. Вместе с тем инфляция нанесла удар благосостоянию государственных и частных кредиторов, лиц, получающих казенное жалование, живущих на доходы с ценных бумаг, банковских вкладов, аренды и других контрактных платежей. Еще больший вред, чем падение курса рубля, наносили его непредсказуемые колебания, которые порождали крайнюю неустойчивость товарных цен и в связи с этим – резкие перепады конъюнктуры, отрицательно

отражавшиеся на развитии промышленности. Экономика постоянно терпела огромные убытки при импорте, выплатах казны и частных лиц в золоте за границу, размене российскими путешественниками рублей и др. [Материалы..., 1923. С. 10, 138–139, 140–145]. Период расстройств денежного обращения завершился только после реформы С.Ю. Витте 1895–1897 гг.

В Крымскую войну для сбалансирования бюджета правительство прибегло и к другому традиционному ресурсу – «заимствованиям» из казенных кредитных учреждений. Государственный заемный и Государственный коммерческий банки, петербургская и московская сохранные казны, губернские приказы общественного призрения неограниченно принимали вклады и выплачивали по ним 4% годовых. Выгодные условия для вкладчиков обеспечили государству монополию в области кредита. Почти все накопления денежных капиталов сосредоточились в казенных банках. Эти средства были оторваны от сферы промышленности и торговли. Деньги вкладчиков систематически заимствовались правительством на покрытие бюджетных дефицитов и использовались для предоставления 5%-ных ссуд помещикам под залог населенных имений. В 1852 г. «заимствования» из казенных кредитных учреждений составляли 376,3 млн руб. (265,4 млн руб. из Заемного банка и 110,9 млн руб. из сохранных казен) [Ламанский, 1854. С. 181, 218].

Осуществляя эмиссию кредитных билетов, Министерство финансов рассчитывало не только покрыть дефицит, но и предоставить населению большое количество денежных знаков с целью усиления притока вкладов в казенные кредитные учреждения. Кроме того, указом от 17 декабря 1853 г. Заемному банку и сохранным казнам было разрешено для их потребностей выпустить в обращение оставшуюся наличность запасного капитала в размере 10 млн руб., и образовать новый на сумму 40 млн руб. [ПСЗ-II, 1854. № 27774]. Прилив вкладов в годы войны был настолько велик, что не только позволил удовлетворить всех вкладчиков, востребовавших свои деньги, но и дал возможность казне использовать эти средства для бюджетных расходов. Если в 1852 г. сумма вкладов в банках составляла 773 млн руб., то в 1857 г. – 1 012,9 млн руб. Из них в 1852–1857 гг. правительство «позаимствовало» 228,8 млн руб. Общая сумма долга государства банкам с учетом возврата небольшой части занятой суммы достигла к 1 января 1858 г. 521,4 млн руб. [Мигулин, 1899. С. 198, 201, 202]. В 1852–1856 гг. Министерство финансов использовало также 12,3 млн руб. из средств Комиссии погашения государственных долгов [Статистический временник..., 1886. С. 45].

Несмотря на внешнеполитическую изоляцию России, правительству удалось заключить два внешних займа при посредничестве петербургской банкирской конторы «Штиглиц и К°». А.Л. Штиглиц был широко известен на многих европейских биржах и пользовался большим доверием. Он организовал «мировой банковский синдикат» по выпуску российских внешних займов при участии таких крупнейших банкирских домов, как «Братья Беринг» в Лондоне, «Мендельсон и К°» в Берлине, «Гоппе и К°» в Амстердаме [Лизунов, 2004. С. 108]. Пятый 5%-ный заем был заключен 8 июня 1854 г. на сумму 50 млн руб. серебром, шестой 5%-ный заем – 26 ноября 1855 г. на такую же сумму [ПСЗ-II, 1855. № 28328; ПСЗ-II, 1856. № 29860]. Оба займа были успешно реализованы. По первому было получено 44,88 млн руб. (89,76%), по второму – 45,68 млн руб. (91,36%) [Бржеский, 1884. С. 201, 202]. Всего за счет займов для покрытия дефицитов в 1852–1857 гг. казна использовала 92,3 млн руб. [Статистический временник..., 1886. С. 45]. Правительство предприняло также новые выпуски билетов Государственного казначейства (так называемые «серии»), которые были популярны среди населения и удобны для держателей: они приносили доход и в то же время обращались как наличные деньги; их курс не зависел от биржевых колебаний; они принимались в уплату и переходили из рук в руки, как бумаги на предъявителя; проценты по ним уплачивались в Главном казначействе и уездных казначействах, а не только в одной Комиссии погашения долгов, как это было принято по отношению к облигациям госу-

дарственных займов. По указу от 18 января 1854 г. для покрытия военных расходов были выпущены 6 серий (XXVII – XXXII) на общую сумму 18 млн руб. (по 3 млн руб. каждый), по указам от 31 декабря 1855 г. и от 13 января 1856 г. – 4 серии (XXXVII – XL) на 12 млн руб., по указу от 8 февраля 1857 г. две серии (XLIX – L) на 6 млн руб. [ПСЗ-II, 1855. № 27868; ПСЗ-II, 1856. № 30012, 30047; ПСЗ-II, 1858. № 31495].

Таким образом, бюджетный дефицит за 1852–1857 г. в размере 772,5 млн руб. был покрыт за счет выпуска кредитных билетов (403,1 млн руб.) и билетов государственного казначейства (36 млн руб.), «заимствований» из казенных кредитных учреждений (228,8 млн руб.) и Комиссии погашения государственных долгов (12,3 млн руб.), а также выручки от долгосрочных государственных займов (92,3 млн руб.). Общая сумма государственного долга России с 1 января 1852 г. по 1 января 1862 г. возросла с 732,2 млн до 1264,3 млн руб. [Мигулин, 1907. С. 1148]. В войну увеличились выплаты по системе государственной задолженности – с 44,6 млн руб. (1852 г.) до 52,6 млн руб. (1853 г.), 53,6 млн руб. (1854 г.), 65,2 млн руб. (1855 г.) и 66,2 млн руб. (1856 г.). Только после заключения мира они несколько уменьшились до 62,9 млн руб. (1857 г.) и 49,1 млн руб. (1858 г.) [Статистический временник..., 1886. С. 45].

Помимо финансового кризиса, война привела к нарушению торговых связей России с другими странами. Балтийские и черноморские порты были блокированы англо-французским флотом. Это имело тяжелые последствия для народного хозяйства, так как на внешнюю торговлю через европейскую границу в середине XIX в. приходилось до 90% всех экспортно-импортных операций. Западные государства вывозили из России почти исключительно сельскохозяйственные товары, а ввозили сырье для промышленности и мануфактурные изделия. Торговля осуществлялась в основном с помощью морских перевозок, которые отличались дешевизной и обеспечивали прямое сообщение с европейскими странами, не имевшими в то время развитой сети железных дорог. А для товарообмена с Великобританией и Северо-Американскими Соединенными Штатами морской транспорт вообще был единственным способом доставки товаров. С 1853 по 1855 гг. вывоз через порты Балтийского моря сократился с 67,8 млн до 0,6 млн руб., ввоз – с 63,4 млн до 1 млн руб., вывоз через порты Черного и Азовского морей – с 49,4 млн до 3 млн руб., ввоз – с 9,9 млн до 2,6 млн руб. Резкое сокращение сбыта за границу сельскохозяйственной продукции существенно затронуло интересы российского земледелия, а ограничение импорта сырья и колониальных товаров болезненно отозвалось на развитии ряда отраслей промышленности.

В наибольшей степени война нанесла ущерб товарообмену с участниками враждебной коалиции, прежде всего, с основным торговым партнером России – Великобританией, которая в 1851–1852 гг. поглощала 40% российского экспорта в Европу и поставляла в Россию 30% всех заграничных товаров. На Францию приходилось 3–7% экспорта и до 10% импорта, на Турцию – соответственно 7 и 8%. Доля Сардинии в этом товарообмене была незначительной. В 1853 г. заметно расширилась российская торговля с Великобританией и Францией. По сравнению с предыдущим 1852 г. их общая доля в экспорте поднялась с 40 до 59%. Вместе с тем импорт из этих стран увеличился в малой степени. Это объяснялось стремлением западных держав накануне войны максимально смягчить отрицательные последствия свертывания торговли с Россией. После начала открытой конфронтации вывоз в Великобританию упал с 66 млн (1853 г.) до 0,1 млн руб. (1855 г.), ввоз – с 27,9 млн до 0,9 млн руб., вывоз во Францию за те же годы – с 15,2 млн руб. до нулевой отметки, ввоз – с 7,8 млн до 1 млн руб., вывоз в Турцию – с 5,8 млн до 0,4 млн руб., ввоз – с 4,7 млн до 2,1 млн руб. [Нифонтов, 1971. С. 71–77].

Правительство было вынуждено принимать чрезвычайные ответные меры для смягчения ущерба от морской блокады. 10 июля 1854 г. уполномоченные Северо-Американских Соединенных Штатов и России заключили конвенцию о морском нейтралитете. Ее суть

заклучалась в обеспечении доставки в Россию закупленных в САСШ товаров на судах под флагом нейтральных государств. В середине XIX в. заокеанская держава была лишь на седьмом месте среди торговых партнеров России. Вывоз товаров в САСШ составлял не более 3–4% всего российского экспорта, а импорт – менее 2%. Однако Россия проявляла к этой торговле особый интерес, поскольку в 1853 г. из САСШ поступило хлопка-сырца на 3,1 млн руб. (почти четверть всего импорта этого сырья), крайне необходимого для хлопчатобумажной промышленности. САСШ в свою очередь были заинтересованы в закупках российского железа, пеньки и полотняных изделий. Николай I утвердил текст конвенции 17 сентября 1854 г., вскоре после высадки вражеского десанта в Крыму. Ратификация соглашения о морском нейтралитете состоялась в Вашингтоне 31 октября 1854 г. [Пономарев, 1993. С. 98–107, 114, 115]. Указ о конвенции был утвержден императором 17 января следующего года [ПСЗ-II, 1856. № 28953].

Кроме того, после разрыва отношений с Великобританией и Францией нельзя было допускать снабжение этих стран российским хлебом и промышленным сырьем. Указом от 12 февраля 1854 г. вывоз хлеба из всех черноморских и азовских портов был запрещен до 1 сентября 1854 г. Указ от 7 сентября 1854 г. объявил о продлении действия закона до нового «повеления». 16 ноября 1855 г. запрет был распространен на все западные границы. Допускалось исключение только для вывоза пшеницы через таможенные пункты Царства польского. 23 декабря 1855 г. последовал запрет на экспорт мяса по западной границе [ПСЗ-II, 1855. № 27934, 28530; ПСЗ-II, 1856. № 29819, 29979]. Кроме того, правительство рядом распоряжений запретило вывоз товаров, необходимых для снабжения армии: рогатого скота, лошадей, свиней, овец, шкур, простого сукна, грубого полотна, канатов, веревок, сена, хлебного спирта, вина и др. В условиях морской блокады особое значение приобрел товарообмен по западной сухопутной границе с формально нейтральными Пруссией и Австрией, который в мирное время играл второстепенную роль. 1 апреля 1854 г. были понижены пошлины на ввоз кофе и деревянного масла, 9 апреля – на сахар-сырец; 18 июня установлены льготы для прохождения иностранных товаров через таможенный досмотр; 23 июня уменьшены пошлины по 28 статьям импорта сырья и полуфабрикатов и по 79 статьям промышленных изделий [ПСЗ-II, 1855. № 28116, 28146, 28349, 28362]. Удельный вес торговых операций в российском экспорте по западной сухопутной границе возрос в 1854 г. до 50%, в 1855 г. – до 86%.

К началу 1850-х гг. Пруссия была вторым по значимости торговым партнером империи. Ее доля в европейской торговле России в экспорте достигала 10%, а в импорте – 16%. В войну партнерская роль Пруссии заметно возросла. Вывоз в эту страну в 1853 г. составил 13,5 млн руб., в 1854 г. – 18,7 млн руб. и в 1855 г. – 18,1 млн руб., а в Австрию за те же годы соответственно 7,6 млн, 8,4 млн и 6,4 млн руб. Пруссия в наибольшей степени использовала принятое английским правительством решение ввозить российские товары на нейтральных судах. Рост прусского экспорта на британский рынок с 1853 по 1854 г. составил: сала – с 54 до 253 955 ц, конопли – с 3 447 до 366 220 ц, льна – с 242 383 до 667 879 ц, льняного семени – с 57 848 до 116 267 ц. Подобную транзитную функцию, правда, в гораздо меньшем объеме, выполняла и Австрия. Это свидетельствовало о тесной зависимости экономики Великобритании от импорта российского сырья. Не случайно при заключении мира на Парижском конгрессе английский представитель настаивал на возобновлении прежних англо-русских торговых отношений [Нифонтов, 1971. С. 72, 73, 79, 85]. Однако вывоз через западные сухопутные таможни лишь отчасти компенсировал потери страны в результате морской блокады. В целом, если в 1853 г. российский экспорт по европейской границе достигал 137,4 млн руб., то в 1854 г. он упал до 53,5 млн руб., а в 1855 г. – до 27,5 млн руб. Большею устойчивостью обладал вывоз сала, шерсти и леса. Резко снизился экспорт таких более громоздких и менее ценных грузов, как лен, льняное семя, пенька и щетина. Особенно пострадал вывоз хлеба (пшеницы, ржи, ячменя и овса), который в 1853–1855 г.

уменьшился с 10 438 тыс. до 625 тыс. четвертей (в том числе пшеницы – с 7 218 тыс. до 337 тыс. четвертей) [Покровский, 1902. С. 72, 74, 86]. Между тем в восточной части страны за время блокады накопилось огромное количество экспортных товаров. По приблизительным подсчетам, в эти годы по Европейской России не было реализовано более 25% среднегодового урожая льна, свыше 50% пеньки, до 60% ежегодных заготовок сала и др.

Ввоз за эти годы был намного стабильнее благодаря расширению торговли через европейскую сухопутную границу. Повышенная ценность импортных изделий и колониального сырья допускала значительные затраты по их транспортировке гужевым транспортом. Пруссия и Австрия обеспечивали снабжение России заграничными товарами. Особенно впечатляющим был рост прусского ввоза – 15,4 млн руб. (1853 г.), 20,1 млн руб. (1854 г.) и 42,9 млн руб. (1855 г.). В годы морской блокады эта страна стала почти монополистом по доставке в Россию таких видов сырья, полуфабрикатов и изделий, как хлопок, сахар-сырец, красители, шерсть и шелк, деревянное масло, шелковые ткани, машины и механизмы. Масштаб австрийского экспорта в 1853–1855 гг. выглядел гораздо скромнее – 5,9 млн, 4,9 млн и 7,2 млн руб. [Нифонтов, 1971. С. 73, 88]. Несмотря на активное посредничество нейтральных стран, в целом импорт через западную границу сократился с 89,2 (1853 г.) до 54,4 млн руб. (1854 г.) и 56,2 млн руб. (1855 г.). Ввоз в Россию таких товаров, как сахар-сырец, кофе, деревянное масло и соль, уменьшился сравнительно немного, а иногда и удерживался на уровне 1853 г. В гораздо большей степени снизился импорт машин и механизмов, некоторых красителей (индиго, крапа и др.). Особенно чувствительной для российской промышленности стала острая нехватка хлопка. Его ввоз через западную границу упал с 1 814 тыс. пудов (1853 г.) до 1 454 тыс. пудов (1854 г.) и 1 324 тыс. пудов (1855 г.) [Покровский, 1902. Таблицы. С. 87–102]. Основную роль в поставках хлопка стала играть Пруссия. Если в 1853 г. она экспортировала в Россию 75 тыс. пудов, то в 1854 г. – 816 тыс. пудов, а в 1855 г. – 1 265 тыс. пудов [Нифонтов, 1971. С. 89]. Преодолеть хотя бы отчасти хлопковый голод помог ввоз хлопка из Средней Азии, который за 1853–1855 гг. возрос почти в два раза – с 120 тыс. до 224 тыс. пудов. Однако в целом доля азиатской торговли в российском импорте в войну составляла не более 22–23% (вместо 16% в довоенные годы). Это не могло возместить упадка товарооборота на европейской границе. К тому же российский экспорт в Азию также несколько снизился – с 12,4 млн руб. (1852 г.) до 8 млн руб. (1853 г.), 9,9 млн руб. (1854 г.), 10,3 млн руб. (1855 г.) и 10,6 млн руб. (1856 г.). Импорт оставался достаточно стабильным и немного уменьшился только в 1853 г. Тем не менее в войну заметно возрос интерес коммерческих кругов к Средней Азии и как к рынку сбыта, и как к источнику поступления промышленного сырья.

Если в 1853 г. вывоз России по всем границам превышал ввоз на 45,4 млн руб., то в войну торговый баланс сводился с пассивным сальдо в размере 5 млн руб. (1854 г.) и 33,2 млн руб. (1855 г.). Таможенный доход упал с 28 млн руб. в 1853 г. до 20,2 млн руб. в 1854 г. и 17,9 млн руб. в 1855 г. [Покровский, 1902. Таблицы. С. 117, 141, 181, 184, 211]. Все ограничения российского экспорта были отменены высочайшим повелением от 23 марта 1856 г. (оформлено указами 2 и 5 апреля 1856 г.) [ПСЗ-II, 1857. № 30332, 30343]. Это сразу же вызвало резкое расширение товарообмена, который к концу года превысил довоенный объем. Вывоз по европейской границе достиг 146,8 млн руб. На западные рынки было отправлено 7,4 млн четвертей зерновых, в том числе 4,2 млн четвертей пшеницы [там же. С. 72, 74, 86]. Однако внешний спрос на российский хлеб в том году полностью удовлетворить не удалось. Для вывоза были использованы ограниченные запасы хлеба и сырья из западных губерний, испытавших наибольшие тяготы войны. Ведущее положение в российском экспорте вновь заняла Великобритания, куда в этом году было вывезено 44% всех товаров, отправленных через европейскую границу [Семенов, 1975. С. 153, 154]. Вместе с тем Пруссия во многом сохранила прежние позиции в торговле с Россией. Правда, в мае 1856 г. Министерство финансов ходатайствовало об отмене льготных пошлин для импорта

по сухопутной европейской границе. Но Государственный совет признал подобное предложение несвоевременным и принял решение сохранить временные льготы до издания нового таможенного тарифа (принят в 1857 г.). 4 июня 1856 г. император одобрил это постановление [ПСЗ-II, 1857. № 30546]. В 1856 г. активное сальдо торгового баланса составило 37,7 млн руб., и в последующие несколько лет Россия также имела небольшое, но устойчивое внешнеторговое преимущество. Таможенный доход возрос до 29,6 млн руб. (1856 г.) и 35,8 млн руб. (1857 г.) [Покровский, 1902. Таблицы. С. 117, 141, 211].

Крымская кампания потребовала мобилизации всех мощностей казенной военной промышленности, которая тем не менее не справлялась со снабжением армии. В осажденном Севастополе остро не хватало вооружения и боеприпасов. Запасы пороха в стране в 1853 г. составляли 370 тыс. пудов вместо положенных 457 тыс. В этом году пороховые Охтенский, Шостенский и Казанский заводы изготовили только 86,5 тыс. пудов. Война заставила их перейти на круглосуточный цикл и увеличить выпуск пороха до 158 тыс. пудов в 1854 г., 309,4 тыс. пудов в 1855 г. и 159,8 тыс. пудов в 1856 г. Однако из-за нехватки серы и селитры заводы так и не смогли обеспечить нужное количество пороха. Между тем только при обороне Севастополя было израсходовано 250 тыс. пудов. Кроме того, ускорение производственного процесса отрицательно повлияло на качество продукции. В 1854 г. по распоряжению Военного министерства за границей было закуплено 44,7 тыс. пудов, а в 1855 г. – 49,7 тыс. [Затлер, 1877. С. 316, 317]. Не лучше обстояло дело с поставками снарядов. Луганский литейный завод, который снабжал боеприпасами Севастополь, перешел на круглосуточный график работы, были возвращены все ранее уволенные рабочие, увеличена сдельная плата. Если в мирное время ежедневная норма предприятия составляла 80 пудов снарядов, то к концу 1854 г. она достигла 600 пудов. Всего в 1854 г. завод выдал 64,5 тыс. пудов, а в 1855 г. – 294,8 тыс. пудов снарядов. Однако и этого количества не хватало. Артиллерийская экспедиция Черноморского флота требовала увеличить производство до 2 тыс. пудов в сутки [Азанчеев, 1900. С. 11, 13; Дружинина, 1981. С. 203, 204].

В войну отчетливо проявилась отсталость уральских казенных предприятий, работавших на изношенном оборудовании и применявших крепостной труд. С 1834 по 1852 гг. на этих заводах были отлиты 1 542 орудия, т. е. менее половины требовавшихся по правительственным нарядам. Годовые заказы на производство снарядов выполнялись лишь на 23–35% при браке 60–80%. К началу войны в крепостной артиллерии не доставало 1 586 орудий и почти 1 млн снарядов [Исторический очерк..., 1879. С. 199; Ляпин, 1982. С. 103, 104]. В 1854 г. уральские заводы произвели 68,2 тыс. пудов орудий и снарядов, в 1855 г. – 431,6 тыс. В 1853–1855 гг. были отлиты 460 чугунных крепостных и береговых пушек, из них 363 орудия малого калибра и только 97 орудий большого калибра, в которых так нуждался севастопольский гарнизон. Однако изготовленные пушки поступали на театр военных действий с большим опозданием. Орудия, отправленные в 1855 г., были доставлены в Крым только после заключения перемирия. Между тем за время осады Севастополя пришли в негодность 900 пушек [Скиндер, 1893. С. 261; Азанчеев, 1900. С. 14, 15]. Производство медных полевых и осадных орудий было в основном сосредоточено в мастерских петербургского и брянского артиллерийских арсеналов. В киевском, грузинском, кавказском и новороссийском арсеналах занимались главным образом ремонтно-восстановительными работами. Всего в арсеналах в 1853–1856 гг. были отлиты 768 и отремонтированы 705 пушек. В армии был налицо и некомплект стрелкового оружия, который к началу 1853 г. составлял 686 501 ед. В войну он отчасти восполнялся починкой кремневых ружей и их переделкой в ударные. В 1853–1856 гг. на казенных Тульском, Сестрорецком и Ижевском заводах было починено 64 827 ружей и пистолетов, в арсеналах – 241 057 и переделано 146 560 ружей. На вооружении армии состояло в основном гладкоствольное оружие. Нарезных ружей (штуцеров) было мало (в 1854 г. – всего 24 ед. на батальон), и к началу войны они уже устарели. В 1853–1856 г. заводы произвели 153 499 гладкоствольных ружей и 15 657 пистолетов,

а нарезного оружия – 172 758 ед. (в основном в 1855 и 1856 гг.), но оно стало поступать в армию лишь в конце войны [Исторический очерк..., 1879. С. 215, Приложение № 28, 30].

Перед Морским министерством стояла задача ускорения сооружения новых кораблей, чтобы хотя бы отчасти компенсировать подавляющее военно-морское превосходство противника. Война приостановила строительство деревянных винтовых судов, так как английское правительство конфисковало заказанные Россией судовые машины. Поэтому министерство разместило заказы на частных российских заводах Д. Берда и Л. Э. Нобеля. В войну началась постройка винтовых кораблей «Илья Муромец», «Громобой» и «Ретвизан», парусники «Гангут» и «Вола» были переделаны в винтовые. С 1855 г. в Петербурге сооружались 14 корветов, а в Архангельске – 6 клиперов. Но почти все эти суда были спущены на воду уже после войны. Для защиты балтийского побережья от угрозы английского флота правительство приняло программу строительства винтовых канонерских лодок. Из запланированных 75 судов в 1855 г. были готовы 40, остальные вступили в строй после подписания мира [Мордовин, 1881. С. 102–106; Бескровный, 1973. С. 496–498].

При подготовке к кампании Военное министерство должным образом не позаботилось об организации снабжения армии провиантом. На дунайском и кавказском театрах со времен русско-турецкой войны 1828–1829 гг. сохранилась сеть прежних продовольственных магазинов, которая могла обеспечить питание войск только в мирное время. Начало боевых действий в Крыму застало командование врасплох, поскольку в спешном порядке созданная на полуострове 300-тысячная группировка не располагала ни собственными интендантскими органами, ни какими-либо существенными запасами. Она была сконцентрирована на небольшом пространстве, отделена от южных хлебоборodных губерний несколькими сотнями верст степного пространства и связана с ними только плохими грунтовыми дорогами, которые во время весенней и осенней распутицы были почти непроходимы. Из-за полного отсутствия армейских перевозочных средств доставка продовольствия осуществлялась вольнонаемным транспортом, который не справлялся с большим объемом грузов. Потребности войск в провианте удовлетворялись только на 60–70%, что обрекало их на фактическое голодание. Острый недостаток фуража вызывал падеж лошадей и волов. Нехватка достаточного количества топлива приводила к массовым случаям обморожения военнослужащих. Не лучше обстояло дело и с вещевым довольствием: заготовленную на складах центральной России продукцию казенных фабрик из-за транспортных проблем было крайне сложно доставлять в места дислокации воинских частей. Со временем обмундирование на солдатах превращалось в лохмотья, и они были вынуждены снимать еще пригодную для использования одежду со своих убитых товарищей. В итоге из-за провалов в интендантском снабжении армия несла огромные потери в личном составе [Вещиков, 1997. С. 65–74; Янбердин, 2006. С. 67–75; Гаврилов, 2010. С. 247–249, 308–313].

Если казенная промышленность при всем напряжении своих производственных возможностей обнаруживала признаки застоя, то в частном секторе сложилась иная ситуация. Период 1851–1853 гг. характеризовался благоприятной хозяйственной конъюнктурой и развитием торгово-промышленной деятельности. Об этом свидетельствуют рост общей численности наемных рабочих, увеличение импорта хлопка, расширение хлебного экспорта, устойчивость оборотов Нижегородской ярмарки. С началом войны обозначилась некоторая «заминка» в коммерческих делах, вызванная недостаточными урожаями зерновых и значительным сокращением внешней торговли. Если в 1853 г. возникли 7 акционерных компаний с капиталом 9,6 млн руб., то в 1854 г. – только 3, с капиталом 3,4 млн руб. За два первых военных года число рабочих на предприятиях снизилось с 481 тыс. до 459,6 тыс. чел., привоз товаров на нижегородскую ярмарку – с 63,5 млн до 59,2 млн руб., объем продукции бумаготкацкой промышленности – с 15,9 млн до 11,9 млн руб., кожевенной – с 10 млн до 9,1 млн руб., выплавка чугуна – с 14,5 млн до 14,2 млн пудов. Падение производства в некоторых отраслях было более продолжительным. В 1853–1855 гг. выпуск

продукции бумагопрядильной промышленности сократился с 17,3 млн до 15,2 млн руб., ситценабивной – с 16,8 млн до 12,1 млн руб., шелковой – с 5,5 млн до 4,9 млн руб., производство сахарного песка снизилось с 1 190 тыс. до 948,6 тыс. пудов, потребление хлопка – с 1,9 млн до 1,5 млн пудов. Прекратилось начавшееся в 1851 г. строительство железной дороги С.-Петербург–Варшава. Вместе с тем в начале войны по-прежнему наблюдался рост производства в полотняной, льняной, суконной, камвольной и металлообрабатывающей промышленности, а также добычи золота и донецкого угля [Безобразов, 1882. С. 132; Туган-Барановский, 1900. С. 77; Хромов, 1950. С. 438; Яковлев, 1955. С. 64; Шепелев, 1973. С. 63; Нифонтов, 1972. С. 47, 51].

Однако уже в 1855 г. началось оживление коммерческой жизни, вызванное военной конъюнктурой, увеличением спроса на различные товары и обилием в обращении бумажных денег. Инфляция подхлестнула рост цен и способствовала развитию частного предпринимательства, росту акционерного учредительства и биржевому ажиотажу. Правительство, разочарованное в возможностях казенной промышленности, стало поощрять частную инициативу. Снижение 20 июля 1857 г. процента по вкладам в казенных кредитных учреждениях с 4 до 3% повысило ценность биржевых бумаг, привело к массовому изъятию средств из банков и их отливу в акционерное учредительство [Шепелев, 1973. С. 69–78]. Стимулирующим фактором стали и выгодные государственные заказы частным предприятиям на поставки военной продукции по более высоким ценам. Например, если чугунные снаряды на казенных Уральских и Олонецких заводах обходились в сумму от 72 коп. до 1,15 руб. за пуд, то частным владельцам уплачивалось от 1,37 руб. до 2,75 руб., т. е. в два раза больше [Яковлев, 1955. С. 62].

Известный экономист В. П. Безобразов вспоминал о тех годах как о «золотом времени», когда «фабрики не успевали изготавливать товары, которые быстро расхватывались; строились новые фабрики и расширялись старые; удваивалось число рабочих часов, работали ночью; цены на все товары и заработки росли непомерно» [Безобразов, 1863. С. 20–21]. В 1855 г. возникли 5 новых акционерных компаний с капиталом 4,7 млн руб., в 1856 г. – 8 (16,7 млн руб.), в 1857 г. – 15 (148,6 млн руб.). Привоз товаров на Нижегородскую ярмарку увеличился до 63,8 млн руб. (1854 г.), 69,6 млн руб. (1856 г.) и 87,1 млн руб. (1857 г.); число рабочих на предприятиях, которое в 1854 г. снизилось до 459,6 тыс. чел., в 1856 г. составляло уже 518,7 тыс. чел. В эти годы рост обозначился почти во всех отраслях, кроме полотняного и льняного производств, а также добычи донецкого угля. Выпуск продукции обрабатывающей промышленности увеличился с 165,5 млн руб. (1855 г.) до 203,3 млн руб. (1857 г.) [Безобразов, 1882. С. 302; Туган-Барановский, 1900. С. 77; Яковлев, 1955. С. 64; Струмилин, 1960. С. 426; Шепелев, 1973. С. 63, 66; Лизунов, 2004. С. 115–120].

Однако инфляция и военная конъюнктура не могли быть устойчивыми факторами экономического развития. В конце 1857 г. появились признаки спада, причинами которого стали расстройство денежного обращения, уменьшение казенных заказов и влияние начавшегося на Западе экономического кризиса. Это выразилось в сокращении объема продукции бумаготкацкой, шелковой, суконной, камвольной, кожевенной и металлообрабатывающей промышленности. С 1856 по 1857 гг. производство сахарного песка снизилось с 2 611,8 тыс. до 1 911,4 тыс. пудов, выплавка чугуна – с 15,8 млн до 13,1 млн пудов [Яковлев, 1955. С. 64]. Кризис был отчасти нейтрализован удовлетворительными урожаями 1857 г. (153 млн четвертей) и 1858 г. (170 млн четвертей). Акционерный ажиотаж достиг апогея. В 1858 г. были учреждены 43 новые компании с капиталом 63,4 млн руб. При этом вместо прежнего обилия капиталов наступили безденежье и застой в торговле, началось падение товарных цен. Крах казенных банков, вызванный «изгнанием вкладов» в 1857 г., крайне затруднил кредитование промышленности, торговли и транспорта. Следствием исчезновения из обращения звонкой монеты стала острая нехватка оборотных средств. Мировой экономический кризис привел к стеснению внешней торговли. Российский экспорт упал с 169,7 млн руб. (1857 г.) до

151,2 млн руб. (1858 г.). Активное сальдо торгового баланса, составлявшее в 1857 г. 18 млн руб., уменьшилось в следующем году до 1,8 млн руб. Отлив золота за границу, составивший в 1857–1859 гг. 79,7 млн руб., значительно ухудшил расчетный баланс страны.

В полном масштабе кризис охватил народное хозяйство в 1859–1860 гг. Этому способствовал неурожай 1859 г. (105 млн четвертей), последствия которого не смог компенсировать средний урожай 1860 г. (156 млн четвертей). Вместе с тем, несмотря на ухудшение рыночной конъюнктуры, продолжался общий рост производства. Выпуск продукции обрабатывающей промышленности в 1859 г. составил 252,7 млн, а в 1860 г. – 268,8 млн руб. Однако, хотя привоз товаров на Нижегородскую ярмарку до 1860 г. постоянно возрастал, с их реализацией всякий раз возникали большие трудности. Резко сократился приток капиталов в акционерное учредительство. В 1859 г. число новых компаний составило 26 с капиталом 66,2 млн руб., а в 1860 г. – 17, с капиталом 8,9 млн руб. По стране прошла волна банкротств акционерных обществ, банков, торговых и промышленных фирм. Многие предприятия, основанные в годы оживления, сокращали свое производство и закрывались. Недавнее увлечение населения акционерным делом сменилось биржевой паникой. Депрессия в народном хозяйстве затянулась до середины 1860-х гг. [Покровский, 1902. С. 328; Таблицы. С. 117, 141; Яковлев, 1955. С. 69–80; Мендельсон, 1959. С. 570–574; Струмилин, 1960. С. 426, 476–483; Шепелев, 1973. С. 66; Нифонтов, 1972. С. 45; Лизунов, 2004. С. 120–125].

* * *

Даже после того, как русские войска покинули южную часть Севастополя, Александр II был готов продолжать борьбу. Он еще более утвердился в этом стремлении после неудачной попытки английского флота в августе 1855 г. захватить Свеаборг и взятия в ноябре этого же года турецкой крепости Карс на Кавказе. Однако финансовый кризис и невозможность достаточного материального обеспечения вооруженных сил стали одной из основных причин, заставивших «верхи» империи признать поражение России. В начале января 1856 г. в Зимнем дворце под председательством императора состоялось заседание высших сановников государства, на котором было принято решение о заключении мира [Муханов, 1896. С. 164–166]. Спустя несколько дней императрица Александра Федоровна сообщила своей фрейлине А.Ф. Тютчевой: «Все были того мнения, что продолжение войны невозможно в виду состояния армии и финансов». Она особо отметила, что «наши финансы истощены», и в войсках «не было ни оружия, ни снарядов» [Тютчева, 2002. С. 234, 235].

Финансовый кризис и экономические трудности переживали и страны враждебной коалиции. Однако при отсталости России и ограниченности ее финансовых возможностей война особенно негативно отразилась на ее народном хозяйстве. Она привела к затратам огромных людских и материальных ресурсов, значительному росту государственной задолженности, дезорганизации денежной системы, которая обострила послевоенный экономический кризис, наступивший после кратковременного оживления торгово-промышленной деятельности. М. Х. Рейтерн в официальной записке 1866 г. подчеркивал, что из Крымской войны «Россия вышла утомленная исполинской борьбой, с истощенными финансами и денежным обращением, главное основание которого нарушено выпуском 400 млн кредитных билетов» [Судьбы России. 1999. С. 114]. После заключения мира империя вступила в полосу экономических преобразований, которые стали важнейшей составной частью Великих реформ. С целью мобилизации внутренних ресурсов и привлечения в страну иностранных капиталов высшая бюрократия частично отступила от вековых автократических традиций экономической политики и стала ориентироваться на опыт западных стран, которые достигли прогресса на основе свободы предпринимательства. Большую популярность в правительственных кругах и обществе приобрели идеи

экономического либерализма с их апологией частной собственности, частной инициативы и конкуренции. Новые веяния выразились в смягчении таможенной политики, поощрении предпринимательства и акционерного учредительства, отчуждении части казенных предприятий, развитии частного кредита, либерализации питейного и соляного дела, строительстве железных дорог силами частных компаний. Особое значение в географических условиях России имело создание транспортной инфраструктуры, так как именно отсутствие возможности быстрой переброски войск на театр военных действий сыграло роковую роль в исходе войны. Правительству частично удалось преодолеть финансовые трудности: к началу 1870-х гг. были ликвидированы бюджетные дефициты; установлено бюджетное и кассовое единство доходов и расходов казны; реорганизовано ведомство Государственного контроля; учрежден Государственный банк; начала создаваться сеть сберегательных касс; проведена серия мероприятий по подготовке условий для стабилизации денежного обращения и восстановления свободного размена кредитных билетов на драгоценные металлы. Однако многолетние усилия Министерства финансов были во многом перечеркнуты Русско-турецкой войной 1877–1878 гг., когда политические соображения вновь возобладали над экономическими интересами. В итоге даже победоносная для России кампания обернулась очередным финансовым расстройством и кризисом в промышленности [Степанов, 2015. С. 99–119].

ЛИТЕРАТУРА

- Азанчеев Ю. (1900). Очерк деятельности казенных горных заводов по изготовлению предметов вооружения за 200-летие существования Горного ведомства. СПб.: Тип. М. Меркушева.
- Баллас М. (1895). Виноделие в России (историко-статистический очерк). Ч. 1. СПб.: Деп. зем.
- Безобразов В.П. (1863). О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. Ч. 2. М.: Унив. тип.
- Безобразов В. П. (1882). Народное хозяйство России. Ч. 1. СПб.: Деп. торг. и мануфактур.
- Бескровный Л. Г. (1973). Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал России. М.: Наука.
- Блиох И.С. (1882). Финансы России XIX столетия: история – статистика. Т. 2. СПб.: Общественная Польза.
- Блиох И.С. (1898). Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Т. 4. СПб.: Тип. И.А. Ефрона.
- Боголепов М.И. (1910). Государственный долг (К теории государственного кредита). Типологический очерк. СПб.: Тип. О.Н. Попова.
- Боголепов М.И. (1914). Война, финансы и народное хозяйство. Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва фин.
- Бржеский Н.К. (1884). Государственные долги России: Историко-статистическое исследование. СПб.: Типолит. А.М. Вольфа.
- Вещиков П.И. (1997). Продовольственная служба армии и флота государства российского: исторический очерк. М.: Ин-т воен. истории Мин-ва обороны РФ.
- Гаврилов С.В. (2010). Развитие материального снабжения русской армии в XIX веке: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПбГУ.
- Дружинина Е.И. (1981). Южная Украина в период кризиса феодализма: 1825–1860 гг. М.: Наука.
- Еще раз о развитии внутренних сил России в минувшую войну (1857) // Военный журнал. № 3. С. 191–194.
- Затлер Ф.К. (1860). Записки о продовольствии войск в военное время. Ч. 2. СПб.: тип. торг. д. С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°.
- Затлер Ф.К. (1877). Описание распоряжений по снабжению Крымской армии в войну с 1854–1856 год продовольственными и огнестрельными припасами и суда над интендантством. Лейпциг: В. Гергард.
- Извлечение из всеподданнейшего отчета г. министра внутренних дел за 1855 год (1856) // Журнал Министерства внутренних дел. № 12. С. 59–124.
- Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.). / Составитель генерал-майор М.С. Максимовский. (1879). Т. 2. СПб.: Тип. М. Стасюлевича.
- Каменев К.И. (1884). Историческое описание Охтенского порохового завода: Период второй (1816–1890 гг.). СПб.: Гл. арт. упр. Воен. м-ва.
- Кауфман И.И. (1885). Государственные долги России // Вестник Европы. № 2. С. 572–618.
- Кашкаров М.П. (1898). Денежное обращение в России: Историко-статистическое исследование. Т. 1. СПб.: Государственная тип.

- Крым: прошлое и настоящее. [Бибииков М.В., Егоров В.Л., Некрасов А.М., и др.]; Отв. ред. С.Г. Агаджанов и А.Н. Сахаров. (1988). М.: Мысль, 1988.
- Кухарук А.В. (1999). Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Ламанский Е.И. (1854). Статистический обзор операций Государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени // Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением Императорского русского географического общества. Кн. 2. СПб.: Тип. Морского м-ва. С. 159–305.
- Лавин В.В. (1991). Военные расходы России в XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб.: Наука. С. 148–160.
- Лизунов П.В. (2004). Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц».
- Ляпин В.А. (1982). Вклад уральской казенной промышленности в военное производство России в первой половине XIX в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск: УНЦ АН СССР. С. 103–105.
- Маркевич А.И. (1905). Таврическая губерния во время Крымской войны. Симферополь: Тип. Тавр. губ. земства.
- Материалы по денежной реформе 1895–1897 гг. / Под ред. А.И. Буковецкого. (1923). Вып. 1. Пг.: М.
- Мендельсон Л.А. (1959). Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 1. М.: Соцэкгиз.
- Мигулин П.П. (1899). Русский государственный кредит (1769–1899): опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков: Типо-лит. «Печатное дело» кн. К.Н. Гагарина.
- Мигулин П.П. (1907). Русский государственный кредит (1769–1906): опыт историко-критического обзора. Т. 3. Вып. 5. Харьков: Типо-лит. «Печатное дело» кн. К.Н. Гагарина.
- Мордовин П. (1881). Русское военное судостроение в течение последних 25 лет: 1855–1880 гг. // Морской сборник. Т. 185. № 7. С. 97–133.
- Муханов В.А. Из дневных записок (1896) // Русский архив. Кн. 3. № 10. С. 161–199.
- Нифонтов А.С. (1971). Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853–1856 гг. // Проблемы социально-экономической истории России: Сборник статей. М.: Наука. С. 69–90.
- Нифонтов А.С. (1972). Хозяйственная конъюнктура в России во второй половине XIX века // История СССР. № 3. С. 42–64.
- Покровский В.И. (1902). Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб.: Деп. таможенных сборов.
- Полное собрание законов Российской империи. (1854). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 28. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1855). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 29. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1856). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 30. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1857). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 31. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1858). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 32. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1854). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 33. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1860.
- Пономарев В.Н. (1993). Крымская война и русско-американские отношения. М.: ИРИ.
- Семенов Л.С. (1975). Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Скальковский К.А. (1890). Наши государственные и общественные деятели. СПб.: Тип. А.С. Суворина.
- Скиндрер А.И. (1893). Горнозаводское дело в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 9. СПб.: АО «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон». С. 258–263.
- Статистический временник Российской империи. (1886). Серия 3. Вып. 15. СПб.: Центральный статистический ком. М-ва внутр. дел.
- Степанов В.Л. (2015). Цена победы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. № 6. С. 99–119.
- Струмилин С.Г. (1960). Очерки экономической истории России. М.: Соцэкгиз.
- Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) (1999) / Публ. Л.Е. Шепелева. СПб.: Лики России.
- Тарле Е.В. (1950). Крымская война: в 2 т. М.; Л.: Акад. наук СССР. Т. 1.
- Тернер Ф.Г. (1858). Движение внешней торговли России с 1853 по 1856 г. // Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением Императорского русского географического общества. Кн. 3. СПб.: Тип. Морского м-ва. С. 1–341.

- Туган-Барановский М.И. (1900). Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. СПб.: О.Н. Попова.
- Тютчева А.Ф. (2002). При дворе двух императоров. М.: Изд-во «Захаров».
- Хромов П.А. (1950). Экономическое развитие России в XIX–XX веках. М.: Гослитиздат.
- Шевченко М.М. (2007). Историческое значение политической системы императора Николая I: к новой точке зрения // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация / Труды ГИМ. Вып. 163. М.: ГИМ. С. 281–302.
- Шепелев Л.Е. (1973). Акционерные компании в России. Л.: Наука.
- Яковлев А.Ф. (1955). Экономические кризисы в России. М.: Госполитиздат.
- Янбердин И.Т. (2006). Развитие провиантской службы русской армии во второй половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т военной истории МО РФ.
- Kennedy P. (1989). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House.
- Leroy-Beaulieu P. (1869). *Recherches économiques historiques et statistiques sur les guerres contemporaines (1853–1866)*. Paris: Librairie International: A. Lacroix, Verboeckhoven et Cie, Editeurs.
- Pintner W. (1959). Inflation in Russia During the Crimean War Period // *The American Slavic and East European Review*. Vol. XVIII. No. 1. Pp. 81–87.

Степанов Валерий Леонидович

valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov

doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
valerij-stepanov@mail.ru

THE CRIMEAN WAR AND THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract. The article is devoted to the study of the consequences of the Crimean War (1853–1856) for Russian economy, as well as the influence of the country's economic backwardness on the course of the campaign. A large part of the able-bodied rural population was drafted into the army and the militia. The unprecedented growth of the billeting and the cart duty, as well as requisition collections by the authorities became a heavy burden for peasantry. Together with scant harvests of 1853–1856 it led to the decrease of areas under crops and cattle stock, the increase of prices on foodstuffs and the lowering of living standards of the population. Enormous war expenditure and the decrease of revenues led to the rising of the annual budget deficit. The latter had to be made up by mass emission of bank-bills, external loans and the borrowings from state banks. The result of financial difficulties was the growth of state indebtedness and the disorganisation of money circulation – the inflation and the drop of the rouble rate accompanied by constant fluctuations. The blockade of the Black Sea and the Baltic ports by the Anglo-French navy disturbed Russia's trade connections with other countries and abruptly reduced export and import operations and customs revenues. State industry did not manage supplying the army which badly needed equipment and munitions. Poor quality of transport communications and unsatisfactory organisation of the quartermaster's service did not allow supplying troops with uniforms, victuals and foddering to the extent required. In a few years the revival of commercial life and the development of private enterprise caused by the inflation and favourable military conjuncture gave way to an industrial crisis and common depression in the economy which dragged on till mid-1860s. Financial exhaustion and the inability to supply the army adequately were among the main reasons for Russia to conclude in 1856 the humiliating Paris peace treaty. The defeat in the Crimean War served as a stimulus for a number of economic transformations in the country which became the most important component of the Great Reforms.

Keywords: *war, economy, finance, military spending, industry.*

JEL Classification: N63, N53, N63, N73.

REFERENCES

- Azancheev Y.U. (1900). Oчерk deyatel'nosti kazennyh gornyh zavodov po izgotovleniyu predmetov vooruzheniya za 200-letie sushchestvovaniya Gornogo vedomstva. [A sketch of the activities of state mining plants for the manufacture of armaments for the 200th anniversary of the existence of the Mining Department]. SPb: Tip. M. Merkusheva.
- Ballas M. (1895). Vinodelie v Rossii (istoriko-statisticheskij oчерk). CH. 1. [Wine-making in Russia (historical and statistical essay)]. SPb.: Dep. zem.

- Bezobrazov V.P.* (1863). O nekotoryh yavleniyah denezhnogo obrashcheniya v Rossii v svyazi s promyshlennost'yu, trgovlej i kreditom. CH. 2. [On some phenomena of monetary circulation in Russia in connection with industry, trade and credit]. M.: Univ. tip.
- Bezobrazov V.P.* (1882). Narodnoe hozyajstvo Rossii. CH. 1. [The National Economy of Russia]. SPb.: Dep. torg. i manufaktur.
- Beskrovnyj L.G.* (1973). Russkaya armiya i flot v XIX veke: voenno-ehkonomicheskij potencial Rossii. [The Russian Army and Navy in the Twentieth Century: The Military and Economic Potential of Russia]. M.: Nauka.
- Blioh I.S.* (1882). Finansy Rossii XIX stoletiya: istoriya – statistika. T. 2. [Twentieth Century Finance in Russia: History – Statistics]. SPb.: Obshchestvennaya Pol'za.
- Blioh I.S.* (1898). Budushchaya vojna v tekhnicheskom, ehkonomicheskom i politicheskom otnosheniyah. T. 4. [The future war in technical, economic and political relations]. SPb.: Tip. I.A. Efrona.
- Bogolepov M.I.* (1910). Gosudarstvennyj dolg. (K teorii gosudarstvennogo kredita). Tipologicheskij ocherk. [State debt. (On the theory of public credit). Typological essay]. SPb.: Tip. O.N. Popova.
- Bogolepov M.I.* (1914). Vojna, finansy i narodnoe hozyajstvo. [War, finance and national economy]. Pg.: Tip. red. period. izd. M-va fin.
- Brzheskij N.K.* (1884). Gosudarstvennye dolgi Rossii: Istoriko-statisticheskoe issledovanie. [State Debts of Russia: Historical and Statistical Study]. SPb.: Tipol-lit. A.M. Vol'fa.
- Veshchikov P.I.* (1997). Prodovol'stvennaya sluzhba armii i flota gosudarstva rossijskogo: istoricheskij ocherk. [The Food Service of the Russian State Army and Fleet: A Historical Sketch]. M.: In-t voen. istorii Min-va oborony RF.
- Gavrilov S.V.* (2010). Razvitie material'nogo snabzheniya russkoj armii v XIX veke: dis. ... d-ra ist. nayk. [Development of the material supply of the Russian army in the nineteenth century]. SPb.: SPbGY.
- Druzhinina E.I.* (1981). Yuzhnaya Ukraina v period krizisa feodalizma: 1825–1860 gg. [South Ukraine during the crisis of feudalism: 1825–1860 gg.]. M.: Nauka.
- Eshche raz o razvitii vnutrennih sil Rossii v minuvshuyu vojnu (1857) [Once again about the development of Russia's internal forces in the past war] // Voennyj zhurnal. № 3. S. 191–194.
- Zatler F.K.* (1860). Zapiski o prodovol'stvii vojsk v voennoe vremya. CH. 2. [Notes on the food of troops in wartime]. SPb.: Tip. torg. d. S. Strugovshchikova, G. Pohitonova, N. Vodova i K°.
- Zatler F.K.* (1877). Opisanie rasporyazhenij po snabzheniyu Krymskoj armii v vojnu s 1854–1856 god prodovol'stvennymi i ognestrel'nymi pripasami i suda nad intendantstvom. [Description of the orders to supply the Crimean Army in the war from 1854–1856 with food and firearms and the trial of commissariat]. Lejpcig: V. Gergard.
- Izвлечение из всеподданнейшего отчета г. министра внутренних дел за 1855 год (1856) [Extract from the all-accounted report of the Minister of the Interior for 1855] // Zhurnal Ministerstva vnutrennih del. No. 12. Pp. 59–124.
- Istoricheskij ocherk deyatel'nosti Voennogo upravleniya v Rossii v pervoe dvadcatipyatiletie blagopoluchnogo carstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha (1855–1880 gg.) / Sostavitel general-mayor V.S. Maksimovskiy (1879). T. 2. [A historical sketch of the activities of the Military Administration in Russia in the first twenty-fifth anniversary of the safe reign of the Emperor Alexander Nikolayevich (1855–1880)]. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha.
- Kamenev K.I.* (1884). Istoricheskoe opisanie Ohtenskogo porohovogo zavoda: Period vtoroj (1816–1890 gg.). [Historical description of the Okhten Powder Factory: Period of the second (1816–1890)]. SPb.: Gl. art. upr. Voen. m-va.
- Kaufman I.I.* (1885). Gosudarstvennye dolgi Rossii [Government Debts of Russia] // Vestnik Evropy. No. 2. Pp. 572–618.
- Kashkarov M.P.* (1898). Denezhnoe obrashchenie v Rossii: Istoriko-statisticheskoe issledovanie. T. 1. [Money circulation in Russia: Historical and statistical research]. SPb.: Gosudarstvennaya tip.
- Krym: proshloe i nastoyashchee [Bibikov M.V., Egorov V.L., Nekrasov A.M. i dr.]; Otv. Red. S.G. Agadzhyanov i A.N. Sakharov. (1988). [Crimea: Past and Present]. M.: Mysl', 1988.
- Kubaruk A.V.* (1999). Dejstvuyushchaya armiya v voennyh preobrazovaniyah pravitel'stva Nikolaya I: Dis. ... kand. ist. nauk. [The active army in the military reforms of the government of Nicholas I]. M.: MGU im. M.V. Lomonosova.
- Lamanskij E.I.* (1854). Statisticheskij obzor operacij Gosudarstvennykh kreditnykh ustanovlenij s 1817 g. do nastoyashchego vremeni // Sbornik statisticheskikh svedenij o Rossii, izdavaemyj Statisticheskim otdeleniem Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 2. [Statistical Review of Operations of State Credit Institutions from 1817 to the Present]. SPb.: Tip. Morskogo m-va. Pp. 159–305.
- Lapin V.V.* (1991). Voennye rashody Rossii v XIX v. // Problemy social'no-ehkonomicheskoy istorii Rossii: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Borisa Aleksandrovicha Romanova. [Military expenditures of Russia in the twentieth century]. SPb.: Naukaie. Pp. 148–160.
- Lizunov P.V.* (2004). Sankt-Peterburgskaya birzha i rossijskij rynek cennykh bumag (1703–1917 gg.). [St. Petersburg Stock Exchange and the Russian securities market (1703–1917)]. SPb.: Russko-Baltijskij informacionnyj centr «Blic».
- Lyapin V.A.* (1982). Vklad ural'skoj kazennoj promyshlennosti v voennoe proizvodstvo Rossii v pervoj polovine XIX v. // Razvitie promyshlennosti i rabocheho klassa gornozavodskogo Urala v dosovetskij period. [The

- contribution of the Urals state industry to the military production of Russia in the first half of the 20th century]. Sverdlovsk: UNC AN SSSR. Pp. 103–105.
- Markevich A.I.* (1905). Tavrisheskaya guberniya vo vremya Krymskoj vojny. [Taurian Gubernia during the Crimean War]. Simferopol': Tip. Tavr. gub. zemstva.
- Materialy po denezhnoj reforme 1895–1897 gg. / Pod red. A.I. Bukoveckogo. (1923). Vyp. 1. [Materials on the monetary reform of 1895–1897]. Pg.: M.
- Mendel'son L.A.* (1959). Teoriya i istoriya ehkonomicheskikh krizisov i ciklov. Vol. 1. [Theory and history of economic crises and cycles]. M.: Socehgiz.
- Migulin P.P.* (1899). Russkij gosudarstvennyj kredit (1769–1899): Opyt istoriko-kriticheskogo obzora. Vol. 1. [Russian state credit (1769–1899): Experience of the historical-critical review]. Har'kov: Tipo-lit. «Pечатnoe delo» kn. K.N. Gagarina.
- Migulin P.P.* (1907). Russkij gosudarstvennyj kredit (1769–1906): Opyt istoriko-kriticheskogo obzora. Vol. 3. Vyp. 5. [Russian state credit (1769–1899): Experience of the historical-critical review]. Har'kov: Tipo-lit. «Pечатnoe delo» kn. K.N. Gagarina.
- Mordovin P.* (1881). Russkoe voennoe sudostroenie v techenie poslednih 25 let: 1855–1880 gg. [Russian military shipbuilding during the last 25 years: 1855–1880] // Morskoy sbornik. Vol. 185. No. 7. S. 97–133.
- Muhanov V.A.* Iz dnevnyh zapisok (1896) [From day notes] // Russkij arhiv. Kn. 3. No. 10. Pp. 161–199.
- Nifontov A.S.* (1971). Vneshnyaya trgovlya Rossii vo vremya Vostochnoj vojny 1853–1856 gg. // Problemy social'no-ehkonomicheskoy istorii Rossii: Sbornik statej. [Foreign Trade of Russia during the Eastern War of 1853–1856]. M.: Nauka. Pp. 69–90.
- Nifontov A.S.* (1972). Hozyajstvennaya kon'yunktura v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [Economic conjuncture in Russia in the second half of the nineteenth century] // Istoriya SSSR. No. 3. Pp. 42–64.
- Pokrovskij V.I.* (1902). Sbornik svedenij po istorii i statistike vneshnej trgovli Rossii. Vol. 1. [Collection of information on the history and statistics of foreign trade of Russia]. SPb.: Dep. tamozhennyh sborov.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1854). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 28. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1855). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 29. Otd. 1. SPb.: V Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II].
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1856). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 30. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1857). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 31. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1858). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 32. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1860). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 33. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii.
- Ponomarev V.N.* (1993). Krymskaya vojna i rusko-amerikanskije otnosheniya. [The Crimean War and Russian-American Relations]. M.: IRI.
- Semenov L.S.* (1975). Rossiya i Angliya: Ekonomicheskie otnosheniya v seredine XIX veka. [Russia and England: Economic Relations in the Mid-Nineteenth Century]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta.
- Skal'kovskij K.A.* (1890). Nashi gosudarstvennye i obshchestvennye deyateli. [Our state and public figures]. SPb: Tip. A.S. Suvorina.
- Skinder A.I.* (1893). Gornozavodskoe delo v Rossii [Mining in Russia] // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. Vol. 9. SPb.: AO «E.A. Brokgauz-I.A. Efron». Pp. 258–263.
- Statisticheskij vremennik Rossijskoj imperii. (1886). Seriya 3. Vyp. 15. [Statistical epoch of the Russian Empire]. SPb.: Central'nyj statisticheskij kom. M-va vnutr. del.
- Stepanov V.L.* (2015). Cena pobedy: Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg. i ehkonomika Rossii [The price of victory: Russian-Turkish war of 1877–1878 and the Russian economy] // Rossijskaya istoriya. No. 6. Pp. 99–119.
- Strumilin S.G.* (1960). Oчерki ehkonomicheskoy istorii Rossii. [Essays on the Economic History of Russia]. M.: Socehgiz.
- Sud'by Rossii. Doklady i zapiski gosudarstvennyh deyatelej imperatoram o problemah ehkonomicheskogo razvitiya strany (vtoraya polovina XIX v.) (1999) / Publ. L. E. Shepeleva. [Fate of Russia: Reports and notes of statesmen to emperors on the problems of the country's economic development (second half of the 20th century)]. SPb.: Liki Rossii.
- Tarle E.V.* (1950). Krymskaya vojna: v 2 t. [Crimean War]. Vol. 1. M.; L.: Akad. nauk SSSR.
- Turner F.G.* (1858). Dvizhenie vneshnej trgovli Rossii s 1853 po 1856 g. // Sbornik statisticheskikh svedenij o Rossii, izdavaemyj Statisticheskim otdeleniem Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 3. [The movement of foreign trade of Russia from 1853 to 1856]. SPb.: Tip. Morskogo m-va. Pp. 1–341.
- Tugan-Baranovskij M.I.* (1900). Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem: Istoriko-ehkonomicheskoe issledovanie. [Russian factory in the past and present: Historical and economic research]. SPb.: O.N. Popova.

- Tyutcheva A.F.* (2002). *Pri dvore dvuh imperatorov*. [At the court of two emperors]. M.: Izd-vo «Zaharov».
- Hromov P.A.* (1950). *Ekonomicheskoe razvitie Rossii v XIX–XX vekah*. [Economic development of Russia in the XX–XX centuries]. M.: Goslitizdat.
- Shevchenko M.M.* (2007). *Istoricheskoe znachenie politicheskoy sistemy imperatora Nikolaya I: K novej tochke zreniya // XIX vek v istorii Rossii: Sovremennye koncepcii istorii Rossii XIX veka i ih muzejnaya interpretaciya / Trudy GIM. Vyp. 163*. [The historical significance of the political system of Emperor Nicholas I: To a new point of view]. M.: GIM. Pp. 281–302.
- Shepelev L.E.* (1973). *Akcionernye kompanii v Rossii*. [Joint-stock companies in Russia]. L.: Nauka.
- Yakovlev A.F.* (1955). *Ekonomicheskie krizisy v Rossii*. [Economic crises in Russia]. M.: Gospolitizdat.
- Yanberdin I.T.* (2006). *Razvitie proviantskoj sluzhby russkoj armii vo vtoroj polovine XIX v.: dis ... kand. ist. nauk*. [Development of provisions for the Russian army in the second half of the 20th century]. M.: In-t Voennoy istorii MO RF.
- Kennedy P.* (1989). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House.
- Leroy-Beaulieu P.* (1869). *Recherches économiques historiques et statistiques sur les guerres contemporaines (1853–1866)*. Paris: Librairie International: A. Lacroix, Verboeckhoven et C-ie, Editeurs.
- Pintner W.* (1959). *Inflation in Russia During the Crimean War Period // The American Slavic and East European Review. Vol. XVIII. No. 1. Pp. 81–87*.

П.А. Ореховский

д.э.н., профессор, Институт экономики РАН (Москва)

РЕАЛЬНОСТЬ: КЛАССИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (о книге В.Т. Рязанова «(Не)Реальный капитализм»)¹

Аннотация. Рецензируемая работа В.Т. Рязанова представляет собой пока еще редкое в современной российской литературе описание последних 25 лет зарубежной и российской экономической истории. Автор приводит множество данных, характеризующих разворачивание последних финансовых кризисов, политических мероприятий по их преодолению, а также описывает последствия их реализации. Плодотворность классической методологии анализа, применяемая В.Т. Рязановым к современным событиям, вызывает серьезные сомнения. Автор занимает однозначную позицию осуждения тенденции роста финансового и сокращения реального сектора в богатых экономиках, предлагая меры государственного вмешательства, которое ограничило бы нарастание диспропорций. При этом упускается из виду опережение роста оплаты труда по сравнению с ростом производительности. Такое опережение вызывает кризисы куда чаще, чем финансовые спекуляции.

В то же время книга В.Т. Рязанова вносит заметный вклад в понимание экономических механизмов развития мировой экономики в целом и России в частности. Она безусловно полезна всем, кто размышляет над возможными сценариями развития отечественной экономики в будущем

Ключевые слова: кризисы, циклы, глобализация, Маркс и Кейнс, неоиндустриализация.

Классификация JEL: E32, F44, J24, J31.

Со времени кризиса 2008 г. прошло уже 10 лет, однако осмысление его продолжается. Большая книга известного российского экономиста, петербургского профессора В.Т. Рязанова – новое обширное исследование этой темы. Оригинальность подхода, заявленная во введении, основана на том, что: 1) «полярность понятий “реальный и нереальный” отражает такое разграничение, когда капитал и его современные формы уходят в тень, все в большей степени превращаясь во что-то внешне невидимое и виртуальное, а сам капитализм растворяется в социально близких формах в виде некоего информационного общества, экономики знаний, и т.д. Вроде бы, капитализм становится “нереальным”, но при этом вполне реальными и осязаемыми остаются исторически сопутствующие ему социальные последствия – безработица, социальная дифференциация, социальные конфликты, экологические катастрофы и т.д.» [С. 8]; 2) «приоритет отдан классической политической экономии, накопленный методологический багаж которой вполне применим к современному кризисному состоянию общества» [С. 9].

Это сочетание озадачивает и интригует. Вроде бы классическая политэкономия, имевшая дело с проблемами «реального капитализма» XIX в., оперировавшая понятиями классового распределения дохода, стоимости, основанной на средних издержках производства, грубой количественной теории денег, во многом уже неприложима к проблемам экономики XXI в. Но на протяжении всей книги автор периодически пытается убедить читателя в обратном.

¹ [Рязанов, 2016]. Далее цитаты из книги В.Т. Рязанова даются без указания источника, в квадратных скобках приводятся только номера страниц.

1. Кризисы и циклы. Постглобализация

В первой части, озаглавленной «Кризис глобализации и его системные последствия», характеристика механизма разворачивания кризиса, в общем-то, следует за общепринятой логикой: финансиализация – сложные финансовые инструменты ипотечного кредитования – секьюритизация – финансовый пузырь – кризис – аналогия с Великой депрессией 30-х гг. XX в. Так, названия параграфов в соответствующих главах работы выглядят следующим образом: **«1.2. Финансиализация глобальной экономики и финансовый капитализм. 1.2.1. Реальная экономика и финансовый капитал. 1.2.2. Место и роль финансового капитала в исторической эволюции капитализма. 1.2.3. Финансиализация глобальной экономики: фиктивность капитала и виртуализация хозяйственной деятельности. 1.2.4. Экономика нереальных ценностей: природа спекуляций и «спекулятивных пузырей». 1.3. Предпосылки мирового кризиса: ипотечный рынок и кредитно-долговая экспансия. 1.3.1. Рынок жилья и его роль в современной модели капитализма. 1.3.2. Превращение «эффекта богатства» в «ловушку богатства». 1.3.3. Особенности развития кризиса на кредитно-долговом рынке. 1.3.4. Обвал кредитно-долгового рынка как спусковой механизм глобального кризиса. 1.3.5. Глобальные последствия кредитно-долгового кризиса в США. ... 1.5. Истоки и основные характеристики современного кризиса глобализации. 1.5.1. Предыстория кризиса глобализации: сигнальные кризисы. 1.5.2. Роль денег в формировании спекулятивного мотива. 1.5.3. Денежная политика и глобальные финансовые активы. 1.5.4. Последствия возвышения финансовой сферы. 1.6. Великая депрессия и Великая рецессия: общее и особенное. 1.6.1. Особенности взаимосвязи кризисов. 1.6.2. Великая депрессия: предсказания и взгляды австрийской школы о кризисе. 1.6.3. Великая депрессия и Великая рецессия: сравнительные характеристики. 1.6.4. Великая депрессия и Великая рецессия: причины и последствия. 1.6.5. Антикризисная политика и ее эффективность»** [С. 3–4].

Введенное в первой главе первой части различие государственно-монополистического капитализма (ГМК-1) и глобально-монополистического капитализма (ГМК-2) мало что добавляет к характеристике кризиса 2008 г. Замечания о «геополитэкономии» сводятся к характеристике тривиальных противоречий между богатыми и бедными, усилению дифференциации, но сами по себе не позволяют сделать ни заключения о невозможности «догоняющего развития», ни выводов о невозможности сокращения бедности в результате, скажем, либерализации экономики (как, впрочем, и о невозможности дирижистской модернизации). При этом сравнение главы 1.6. книги В.Т. Рязанова и большой работы Б. Эйхенгрин [Эйхенгрин, 2016] показывает, что авторы используют похожие дискурсы при обсуждении кризиса 2008 г. и депрессии 30-х гг. Общая логика обсуждения кризисов и депрессий, похоже, возникает безотносительно заявленной разницы в методологии анализа. Хотя и Рязанов, и Эйхенгрин придерживаются логики исторических событий, которая влияет на изложение, по-видимому, сильнее, чем принадлежность к той или иной научной школе.

Особняком в рецензируемой работе стоит глава **1.4. Теория экономических кризисов при капитализме: возвращение политической экономии**. Здесь действительно чувствуется сильное влияние классики. Кризисы рассматриваются как результат перенакопления капитала, ведущего заодно и к перепроизводству товаров. Поскольку такое перенакопление происходит в рамках «реального капитализма», постольку вслед за укоренившейся в отечественной литературе традицией В.Т. Рязанов выделяет и экономические циклы, связанные со сроками службы материальных активов, – Китчина (товарно-материальные запасы), Жюглара (производственное оборудование), Кузнеца (строительство жилищ), Кондратьева (дороги, мосты, каналы; впоследствии, в шумпетерианской трактовке, – технологии). В предыдущем номере «ВТЭ» об этом писал М.Г. Покидченко [Покидченко, 2017],

в рецензируемой работе характеристика этих циклов приводится в §1.4.2. *Циклические и нециклические параметры экономических кризисов: политэкономический подход* [С. 131–142]. Вопрос, который при этом не замечается экономистами, использующими методологию классической политэкономии, состоит в том, каким образом промышленность, удельный вес которой в ВВП большинства развитых стран существенно меньше 20% (исключение – ФРГ, где удельный вес производственных отраслей немногим более 25%), генерирует указанные циклы. Другими словами, если объем промышленного производства, скажем, в соответствии с циклом Китчина, демонстрирует снижение на 1–2%, это должно привести к снижению ВВП на 0,2–0,4% (предположим, что удельный вес промышленности при этом достаточно высок и занимает 20% ВВП). Не будет ли это снижение перекрываться, например, ростом сферы услуг на 1–2% (при удельном весе последней в 60% ВВП)? Едва ли не три четверти добавленной стоимости в этой сфере создается финансами, НИОКР, образованием, здравоохранением, на эти секторы колебания товарно-материальных запасов не оказывают сколько-нибудь существенного влияния. То же самое касается и остальных циклов, основой которых являются сроки службы материальных активов. Возможно, они сохраняют свое значение, но тогда должна быть предъявлена модель, объясняющая механизм межсекторного взаимодействия и результирующего влияния на динамику ВВП, занятость, инфляцию, процентные ставки и т.д.

Сам В.Т. Рязанов указывает: «Следует отметить, что выявленное многообразие экономических циклов впечатляет. Так, Фондом изучения циклов в США классифицировано 1 380 видов экономических циклов продолжительностью от 20 часов до 700 лет» [С. 140]. Это действительно впечатляет и заставляет задуматься, что в категорию того или иного «цикла», похоже, можно зачислить любое изменение конъюнктуры. Сомнительно, однако, что все это связано с перенакоплением капитала в классическом смысле.

Естественно, что обратной стороной «перепроизводства» является «недопотребление». Последнее сразу же вызывает ассоциации с дефицитом совокупного спроса по Кейнсу. Кажется, можно провести логическую параллель между «перепроизводством по Марксу» и необходимостью «стимулирования совокупного спроса по Кейнсу», что В.Т. Рязанов в данной главе и делает. И, в общем-то, напрасно. Недостаток спроса по Марксу объясняется производством прибавочной стоимости, превращаемой в капитал. При этом Маркс, как и все классики, придерживается концепции общего равновесия, о чем свидетельствуют и его вера в «закон стоимости», и в уравнения простого и расширенного воспроизводства. Недопотребление – это результат «абсолютного обнищания рабочего класса», связанного с ростом органического строения капитала. Другими словами, доля заработной платы в ВВП сокращается, а доля доходов от капитала – растет. Кризис перепроизводства в конечном итоге обесценивает капитал и повышает стоимость труда, снижая органическое строение, равновесие восстанавливается.

Дефицит совокупного спроса по Кейнсу вызван высоким предпочтением ликвидности и нежеланием капиталистов инвестировать, создавать новый капитал, а работников – тратить свои сбережения в условиях снижения цен, дефляции. Поэтому и борьба с безработицей и кризисом, «по Марксу», если не брать в расчет пролетарскую революцию, заключается в улучшении условий труда, сокращении рабочего дня и повышении заработной платы, как это и предлагал марксист-ревизионист Э. Бернштейн. Напротив, борьба с депрессией «по Кейнсу» – это денежная эмиссия, снижение процентной ставки, что должно простимулировать частные инвестиции; дополнительно, при необходимости, это все дополняется ростом государственных расходов. Очевидно, что всем классикам, а не только Марксу, идея снижения безработицы с помощью механизма денежно-кредитной экспансии показалась бы жуткой ересью. В этом отношении «постмарксистский синтез», предлагаемый В.Т. Рязановым, представляет собой, скорее, отказ от Маркса. Но тогда причём здесь «классическая методология»?

В этой же главе указывается: «Классовая борьба в экономическом плане – это борьба за раздел новой стоимости на прибыль и заработную плату... добиться социального равновесия непросто. Чтобы его обеспечить, необходимо найти сложно определяемый и подвижный баланс в распределении вновь созданной стоимости, который подкрепляется соответствующими изменениями в отношениях собственности и в новой комбинации имущественных прав, что позволяет минимизировать социальные риски и полноценно реализовать экономические интересы в развитии и совершенствовании производства» [С. 183]. Неожиданно! В классовой борьбе достигается «социальное равновесие» и достигается «новая комбинация имущественных прав», что позволяет реализовать – по-видимому, всем противоборствующим классам – «экономические интересы в развитии и совершенствовании производства». Если «комбинацию» заменить на «пучок», то данное выражение подозрительно напоминает Р. Коуза и неинституциональный подход, а классовая борьба – просто торг за заключение контракта. Возможно, это и есть «нереальный» капитализм, тем более, что далее В.Т. Рязанов приводит моральные оценки кризиса представителей Поместных Православных Церквей и послание Папы Римского Бенедикта XVI к «Граду и миру» (29 декабря 2009 г.). Это, безусловно, расширяет когнитивное восприятие мирового кризиса, однако не может обсуждаться в рамках небольшой рецензии.

Первая часть книги завершается главой **1.7. Системные последствия мирового кризиса: постглобализация и ее основные направления**. 1.7.1. Кризис глобализации, его причины и последствия. 1.7.2. Неолиберальная глобализация и деиндустриализация. 1.7.3. Постглобальная экономика и возможные направления ее развития. 1.7.4. Глобальная экономическая нестабильность: роль наднациональных и национальных регуляторов. 1.7.5. От «большой» к «малой» глобализации: от ЕС к США? 1.7.6. Государство в постглобальной экономике: новое качество.

В.Т. Рязанов исходит из того, что: «Если содержательный смысл глобализации определять как настойчивую попытку замещения национальных государств глобальными рынками и их институтами, то тогда одной из важнейших характеристик произошедшего мирового экономического кризиса в 2008–2009 гг. становится то, что он предстает как кризис *неолиберальной глобализации* (курсив Рязанова. – П.О.). По существу данный вывод равнозначен признанию провала внедряемого глобального проекта» [С. 273]. Если согласиться с этим выводом, то что дальше? Автор предлагает вниманию читателей четыре сценария:

1) «реставрация неолиберальной глобализационной модели экономического развития. Она предполагает ее частичную модернизацию и не исключено – смену глобального лидера в перспективе» [С. 287];

2) «переход к протекционистской модели посткризисной экономики. Такой вариант полностью противостоит предшествующему курсу на открытость, дерегулирование и либерализацию рынков, делая ставку на полномасштабное восстановление регулирующей и особенно защитной функции государства» [С. 289];

3) «регионализация вместо глобализации» [С. 290];

4) «переход к модели экономического развития в варианте деглобализации, восстанавливающий национальные регулирующие механизмы. Если развивать оценку современного мирового кризиса как системного кризиса глобализации, то вполне логично предположить, что по-настоящему выход из него не может не основываться на устранении коренных причин, его породивших» [С. 291].

В.Т. Рязанов полагает, что четвертый сценарий относится «к числу наиболее адекватных реакций на глобальный кризис и на потребность переформатирования мирового хозяйственного порядка» [С. 291]. Может, оно и так, хотя возможность «вернуть все хорошее назад» всегда вызывает определенные сомнения. Но дело не в этом. В экономической теории существует глубокая, восходящая еще к Д. Рикардо и А. Смиту, традиция фритре-

дерства, обосновывающая преимущества функционирования свободных мировых рынков. Как показывает Э. Райнерт в своей, ставшей экономическим бестселлером, книге, ей противостоит «другой канон», не менее давний, восходящий к меркантилистам [Райнерт, 2014]. В случае победы «другого канона» речь пойдет скорее о втором сценарии, с *временным*, в стиле экономического национализма Ф. Листа, восстановлением «защитной функции» государства, однако без возврата к идеям кейнсианского дирижизма.

Эволюция мировой торговли после 2014 г. с постоянным расширением применения экономических санкций и торговых ограничений показывает, что место неолиберализма в экономической политике постепенно занимает неомеркантилизм. Странно, однако, что не только автор рецензируемой работы, но и другие теоретики не предлагают моделей, которые демонстрировали бы некорректность концепции Хекшера–Олина (Улина). Более того, «новая экономическая география» и введение в анализ Хекшера–Олина убывающих издержек трансформации, которые делают кривые издержек транснациональных корпораций схожими с естественными монополиями, приводят к выводу, что от либерализации торговли и движения капитала должны выигрывать все. Если не принимать в расчет упреки экономистов, обвиняющих правящие круги, в первую очередь, российские, *в иррациональности*, то приходится констатировать, что сколько-нибудь фундированной «теорией постглобализации» нынешняя экономическая наука не располагает.

2. Россия: классическая ретроспектива

Вторая часть работы В.Т. Рязанова «Кризис глобализации и Россия: экономическое развитие и новая индустриализация» в основном посвящена анализу траектории экономического развития России после 1990 г. Она состоит из следующих семи глав:

2.8. Кризис в России (1990 – 1998 гг.): финальный аккорд неолиберальной утопии?

2.9. Экономика России (1999 – 2008 гг.): десятилетие после кризиса

2.10. Рентно-сырьевая экономика, ее характеристики и возможности

2.11. Мировой экономический кризис и Россия: почему не устояла экономика?

2.12 Экономический рост и экономическая политика после кризиса: мировое хозяйство и Россия

2.13. Новая индустриализация России: стратегические цели и приоритеты развития

2.14. Перспективы «нового посткризисного мира»: будущая экономика и самоопределение России.

Надо отдать должное автору – первые пять глав второй части представляют собой прекрасное, живое и полемичное изложение последних двадцати пяти лет российской истории. Последняя быстро забывается, поэтому цитаты известных либеральных отечественных экономистов, которые приводит В.Т. Рязанов, выглядят порой весьма неожиданно. Стоит выделить анализ работы правительства Примакова – Маслякова, сделанный автором, поскольку в настоящий момент, пожалуй, действительно доминирует впечатление, что после обесценения рубля и дефолта экономика «наладилась сама собой». Автор убедительно показывает упущенные шансы в импортозамещении, дает взвешенные оценки «рентно-сырьевой» экономики, приводит описание сформировавшихся к 2009 г. *отечественных пузырей* на рынках недвижимости и потребительского кредитования.

Кризис 2008–2009 гг. в российской экономике В.Т. Рязанов связывает с «сырьевой односторонностью и особой ее хрупкостью в условиях преждевременной внешней открытости, что обусловило появление двойной зависимости – от падения цен на энергоресурсы и от способности экономики страны без серьезных издержек справиться с проблемой рефинансирования критически высокого уровня внешней задолженности российских

банков и компаний» [С. 424]. Собственно, такую оценку разделяет, по-видимому, большинство отечественных экономистов. Отсюда и основная рекомендация автора, развиваемая в последних главах, – необходимо провести новую (нео) индустриализацию, которая позволит создать высокотехнологичный и одновременно достаточно трудоемкий реальный сектор, который смог бы сформировать рабочие места для населения, массово получающего высшее образование. Вдобавок эти рабочие места должны генерировать и достаточно высокую добавленную стоимость, что позволит повысить заработную плату и реальные доходы населения.

Надо сказать, что В.Т. Рязанов замечает определенные парадоксы отечественного экономического развития: «Хотя в последние годы рост зарплаты превышал темпы роста производительности труда, но это не привело к увеличению ее доли в издержках производства. Так, в 2005–2010 гг. удельный вес зарплаты в народном хозяйстве, включая единый социальный налог и страховые взносы, снизился с 18,1 до 17,4% в затратах на производство и продажу продукции. Это происходило практически во всех отраслях народного хозяйства, за исключением торговли, гостиниц и ресторанов, что свидетельствует об удешевлении удельных расходов в компаниях на оплату труда» [С. 552]. Далее следует уже привычный для людей прогрессивных взглядов пассаж о том, что «у нас не заработная плата и доходы высоки, а сверхвысока их дифференциация – межотраслевая, межрегиональная и социальная» [С. 552].

Однако если удельный вес заработной платы снижался, то как она могла расти быстрее производительности труда?! Что-то здесь явно не так. По данным справочника Росстата за 2017 г. все это выглядит следующим образом (см. табл.).

Таблица

Заработная плата и ВВП на душу населения в России в 2000–2015 гг.

Показатели	2000	2010	Темп роста 2010 /2000	2015	Темп роста 2015 /2010	Темп роста 2015 /2000
Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата, руб.	2 223	20 952	9,4	34 030	1,6	15,3
ВВП на душу населения в текущих ценах, руб.	49 835	324 177	6,5	551 919	1,7	11,1

Источник: Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 31.

Если опираться на взгляды экономистов классической школы, то опережение роста оплаты труда роста производительности должно способствовать разгону инфляции с последующим экономическим кризисом. Собственно, именно это и имело место в России, когда темпы роста ВВП в 2012 г. внезапно упали вопреки всем ожиданиям правительства. И это было еще до воссоединения с Крымом и последовавших после этого экзогенных шоков. Рост, имевший место в 2017 г., объясняется как раз тем, что уже в 2015 г. заработная плата и душевой ВВП в реальном выражении снизились, но при этом первая намного больше, чем второй. Об этом и свидетельствует превышение темпа роста душевого ВВП по сравнению с заработной платой на один пункт в приведенной таблице.

В.Т. Рязанов с сочувствием относится к реальному сектору и осуждает чрезмерное развитие «финансового капитализма». Такие оценки разделяются многими отечественными и зарубежными экономистами, собственно, нравственное осуждение «хрематистики» можно встретить уже у Аристотеля. Однако вопросы о том, какова эффективность труда в российском финансовом секторе и как поднять производительность в секторе реальном, остаются открытыми.

Говоря о неоиндустриализации страны, автор отмечает приоритеты развития Сибири, Урала и Дальнего Востока. И в этом его можно только поддержать. Однако мысль, «чтобы Москва выполняла традиционные политические функции столицы государства и реализовывала уже сформировавшуюся роль финансового центра, но одновременно переместить функцию экономического центра в реализации программы неоиндустриализации на Восток страны» [С. 617], кажется туманной. Возникает разрыв между финансами, политикой и экономикой. Что будет представлять собой «функция экономического центра»? И не выполняют ли уже ее Ханты-Мансийск или, скажем, Норильск? А почему нельзя переносить политическую столицу? Неужели Москва и Московская область, в которых осуществляются и НИОКР, и эффективное промышленное производство, потеряют функцию экономического центра из-за превращения Кремля в музей? От аналогичной трансформации Зимнего дворца промышленность Санкт-Петербурга вроде бы не пострадала.

Предлагаемые автором приоритеты и направления неоиндустриализации, призванные укрепить экономику России и сделать развитие страны более экологичным, гуманным, соответствующим высоким нравственным ценностям, понятны и очень симпатичны. Можно ли эти приоритеты реализовать – отдельный и очень дискуссионный вопрос.

Заключение. Большая книга В.Т. Рязанова, если ее рассматривать как труд по недавней мировой и российской экономической истории, безусловно, заслуживает самых высоких оценок. Как теоретический трактат, где автор пытается актуализировать классические взгляды, она вызывает большие сомнения. Еще большие сомнения возникают в отношении реалистичности предлагаемых мер экономической политики.

В то же время – и это следует отнести к достоинствам работы – в ней неявно ставятся вопросы о соотношении различных подходов к анализу современных проблем. Похоже, споры о наследии кризиса 2008 г. далеко не закончены. Подводить итоги пока рано.

ЛИТЕРАТУРА

- Покидченко М.Г. (2017). Существует ли экономический цикл? // Вопросы теоретической экономики. №1. Т. 1. С. 66–73.
- Райнерт Э. (2014). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Рязанов В.Т. (2016). (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.
- Эйхенгрин Б. (2016). Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Ореховский Петр Александрович
orekhovskypa@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.
orekhovskypa@mail.ru

REALITY: CLASSICAL INTERPRETATION (REVIEW OF THE BOOK OF V.T. RYAZANOV. (NOT)REAL CAPITALISM)

Abstract. The reviewed of Ryzanov's work is still a rare description of the last 25 years of world and Russian economic history. The author cites a lot of data characterizing the unfolding of the latest financial crises, political measures to overcome them, and also describes the consequences of these events.

The Instrumentality of the classical methodology of analysis, applied by V.T. Ryzanov to modern events, raises serious doubts. The author takes an unequivocal position condemning the financial growth trend and reducing the real sector in rich economies. He offers government intervention measures that would limit the growth of

disproportions. At the same time, the outpacing of wage growth over productivity growth is overlooked. Such anticipation causes crises much more often than financial speculation.

At the same time, Ryazanov's book makes an appreciable contribution to understanding the economic mechanisms of the development of the world economy in general and of Russia in particular. It is certainly useful reading to all, whom think about possible scenarios of the development of the domestic economy in the future.

Keywords: *crises, cycles, globalization, Marx and Keynes, neo-industrialization.*

JEL Classification: E32, F44, J24, J31.

REFERENCES

- Pokidchenko M.G.* (2017). Sushchestvuyet li ekonomicheskiy tsikl? [Is there an economic cycle?] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. Vol. 1. No. 1. Pp. 66–73.
- Reinert E.* (2014). *Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Became Rich and Why Poor Countries Remain Poor]. M.: ID Vyshey shkoly ekonomiki.
- Ryazanov V.T.* (2016). *(Ne)Real'nyy kapitalizm. Politekonomiya krizisa i yego posledstviy dlya mirovogo khozyaystva i Rossii* [(Not)Real Capitalism. Political economy of the crisis and its consequences for the world economy and Russia]. M.: Ekonomika, 2016.
- Eichengreen B.* (2016). *Zerkal'naya galereya. Velikaya depressiya, Velikaya retsessiya, usvoyennyye i neusvoyennyye uroki istorii* [Hall of Mirrors: The Great Depression, the Great Recession, and the Uses-and Misuses-of History]. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2016.

А.И. Волынский

м.н.с., Институт экономики РАН, Москва

М.С. Круглова

м.н.с., Институт экономики РАН, Москва

ОБ ИТОГАХ НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА «ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИОННОЙ И СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМ»*

Аннотация. В статье представлен обзор материалов и подведены некоторые итоги прошедшего 15 марта 2018 г. в Институте экономики РАН (Москва) научного симпозиума «Фундаментальные особенности мезоэкономического анализа: возможности и перспективы эволюционной и синергетической парадигм». Он был посвящен памяти Людмилы Петровны и Рубена Николаевича Евстигнеевых, классиков отечественной экономической синергетики. В его работе принимали участие исследователи как из Москвы, так и из других городов России, в том числе Волгограда, Белгорода, Тюмени. Обсуждались следующие проблемы: актуальность эволюционного и синергетического подходов в экономических исследованиях; исследование экономической динамики в рамках теории переключающегося режима воспроизводства; экономическая динамика как коэволюция когнитивных схем; сетевая перестройка экономических систем в условиях глобализации и нелинейного развития; теоретические и методологические основания самоорганизации в производственной сфере; экономика сложного человека на пути к гуманистической цивилизации, а также целый ряд вопросов, связанных со сравнительно молодым направлением экономической мысли – мезоэкономикой: от обзора русско- и англоязычных работ по данной тематике до определения предмета, объекта и методов исследований и подбора адекватных экономико-математических моделей. Особое внимание в программе мероприятия было уделено презентации вышедшей в 2017 г. в Институте экономики РАН монографии «Очерки по экономической синергетике», посвященной памяти Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых. Книга была представлена руководителем Центра эволюционной экономики ИЭ РАН акад. В.И. Маевским и г.н.с. сектора эволюции социально-экономических систем ИЭ РАН М.А. Дерябиной.

Ключевые слова: *экономическая синергетика, мезоэкономика, эволюция экономических систем; эволюционно-синергетическая парадигма.*

Классификация JEL: B52, B59.

Последние десятилетия были ознаменованы возросшим интересом представителей общественных и гуманитарных наук к идеям междисциплинарных исследований, привлечению понятийного аппарата и методов естественных наук к изучению общественных процессов. Ярким примером становления междисциплинарных научных концептов можно считать синергетику – науку о самоорганизации сложных развивающихся систем. Идея исследования необратимых процессов самоорганизации, сопровождаемых эффектами эмерджентности, оказалась созвучна работам многих экономистов, прежде всего – сторонников системного подхода и эволюционистов, что поспособствовало развитию теории экономической синергетики.

* Работа выполнена в рамках государственного задания по теме «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

Прошедший 15 марта 2018 года в Институте экономики РАН научный симпозиум «Фундаментальные особенности мезоэкономического анализа: возможности и перспективы эволюционной и синергетической парадигм» был посвящен памяти одного из наиболее известных представителей экономической синергетики в России Р.Н. Евстигнеева (1932–2017) и его супруги и соавтора Л.П. Евстигнеевой (1935–2015). Совместному авторству обоих супругов принадлежит целый ряд монографий, где были изложены результаты совместной работы над теорией экономической синергетики [Евстигнеев, Евстигнеева, 2011, 2012]. Особое место в программе симпозиума было отведено презентации коллективной монографии «Очерки по экономической синергетике» [Очерки..., 2017]. Подготовленная, равно как и симпозиум 15 марта, силами сотрудников Центра эволюционной экономики ИЭ РАН (ЦЭЭ ИЭ РАН), в котором последние годы жизни работал Р.Н. Евстигнеев, книга вышла в 2017 г. В заключительной главе монографии авторами был проанализирован вклад Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых в формирование теории экономической синергетики, а также опубликованы последние заметки с рабочего стола Р.Н. Евстигнеева – с его размышлениями о незавершенных элементах инструментария экономической синергетики.

Специфика работы ЦЭЭ ИЭ РАН, ведущего разработки в области мезоэкономического анализа, повлияла как на оригинальность монографии, так и на тематику симпозиума. Опыт проведенных исследований показал, что идеи мезоэкономического подхода схожи с представлениями экономической синергетики и теории экономической эволюции: во многих мезоэкономических работах мезоуровень понимается как пространство формирования институциональных структур и правил поведения, самоорганизации системобразующих структур, обладающих свойствами эмерджентности. Таким образом, показалось естественным начать поиск возможностей синтеза эволюционной и синергетической парадигм в пространстве мезоэкономического анализа, что и определило как заявленную тему симпозиума, так и список приглашенных докладчиков.

Открыл симпозиум член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер, классик российской мезоэкономической теории. В своем выступлении он определил суть мезоэкономики посредством метафоры: если сама экономика – это глобальный интегратор, соединительная ткань пространства и времени, ресурсов и человеческих талантов, то мезоэкономика – интегратор интегратора, если микроэкономика – это пол, а макро- – потолок, то мезоуровень – стены, создающие пространство для жизни и деятельности.

Докладом «Синергетика и экономика» продолжил тему д.ф.-м.н., сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН Г.Г. Малинецкий. Он напомнил о предсказанном Иммануилом Валлерстайном наступлении времени междисциплинарных подходов в социальных науках. По предположению Г.Г. Малинецкого, основой для синтеза гуманитарных и естественных наук может стать синергетика, обладающая широким практическим потенциалом. Так, например, он считает, что анализ с точки зрения синергетического подхода может помочь в решении задач проектирования будущего, эффективности программы развития цифровой экономики, управления рисками.

К мезоэкономическому дискурсу вернул слушателей доклад члена-корреспондента РАН В.Е. Дементьева из Центрального экономико-математического института РАН – «Мезоэкономика – ключ к пониманию экономического развития». На примере анализа стран с рыночной экономикой и практик применения в них различных редиистрибутивных механизмов, влияющих на координацию и коррекцию инвестиционных потоков, он показал, что главенствующую роль в процессах инвестиционного стимулирования инновационных технологических процессов играют мезоэкономические подсистемы. Разговор о проблематике мезоэкономического анализа продолжил руководитель ЦЭЭ ИЭ РАН, академик РАН В.И. Маевский. В своем докладе «О некоторых особенностях мезоуровня как саморазвивающейся системы» он предложил выделить в ней «ядро саморазвития» – группу машиностроительных и строительных отраслей, способных,

с одной стороны, к взаимной внутренней координации и самовоспроизводству, с другой – создающих орудия труда для других отраслей народного хозяйства. Особенность ядра – мезоструктуры – в ее постоянном взаимодействии с микроэкономическим агентом: отдельной фирмой, оптимальная стратегия которой напрямую зависит от структуры самого индустриального ядра. В свою очередь оно само находится в постоянной прямой зависимости от внешних возмущений, под воздействием которых происходит его самотрансформация. Вместе с тем ядро состоит из разновозрастных подсистем, способных функционировать в переключающемся режиме воспроизводства. Для анализа соответствующих процессов сотрудниками ЦЭЭ ИЭ РАН разрабатывается мезоэкономическая воспроизводственная модель. Соработчик модели, д.т.н. С.Ю. Малков в своем докладе «Особенности математического моделирования мезоэкономических процессов» затронул проблему неприменимости имеющихся микроэкономических моделей в силу их неспособности «видеть» системные эффекты от трансформации экономических институтов и их влияние на динамику экономического развития и представил обзор модели переключающегося режима воспроизводства (ПРВ). Предприятия в данной модели объединены по признаку возраста основного капитала, а ключевая поставленная проблема – обеспечение сбалансированности (скоординированности) экономического развития этих групп в процессе периодического обновления их основного капитала, принципы решения которой зависят от особенностей мезоэкономической структуры институтов планирования, кредитования и инвестирования.

В своем докладе «Мезоэкономика и экономика сложности: общее и особенное» д.социол.н. С.Г. Кирдина-Чэндлер обратила внимание слушателей на проблему сходств и различий между мезоэкономическим научным течением и экономикой сложности (Complexity Economic, или QE). Оба направления начали формироваться в англоязычной среде в один и тот же исторический период – в 1980-х гг., и обнаружили принципиальную парадигмальную схожесть: внимание к формированию и конституированию правил и институтов, определяющих контуры экономического развития. В пределы синергетической парадигмы вернула дискуссию к.э.н. М.А. Дерябина. В докладе «Методологический анализ мезоуровня в рамках синергетической парадигмы» она указала на возможность исследования систем и системных состояний именно на мезоскопическом уровне, что, с точки зрения синергетики, объясняется началом формирования структур именно на мезоуровне. Д.э.н. П.А. Ореховский продолжил разговор о мезоструктурах, предложив в докладе ««Рынки и фирмы как разнородные структуры в мезоэкономическом анализе», вслед за Н. Флигстином, рассматривать рынок как социальный конструкт, использовать не концепцию равновесия, а исследовать рынок как эволюционирующую структуру и изучать принципы его функционирования с позиций мезоэкономического анализа. К экономике сложности обратилась к.э.н. Н.В. Смородинская, указав в докладе «Сетевая перестройка экономических систем в условиях глобализации нелинейного развития» на усложнение экономической среды и на необходимость восприятия глобальной экономики и ее компонентов как сложных нелинейных систем, в рамках которых взаимодействия на микроуровне генерируют макроперемены, не равнозначные простой агрегации результатов этих взаимодействий.

Во второй сессии дискуссии о мезоэкономике приобрели более практический и во многом отраслевой характер. Начало было положено докладом к.э.н. Т.Р. Гареева «Платформенные рынки: место в развитии мезоэкономических систем». Докладчик указал на глобальный и долгосрочный тренд формирования платформенных рынков – институционально-технологических систем на мезоуровне, приходящих на смену идеям зонирования и кластирования экономической деятельности – концептов, определявших долгое время дискурс отраслевых исследований.

О результатах эволюционно-статистического исследования динамики межотраслевой структуры национальной экономики на макро- и мезоуровне рассказали в своем

докладе с соответствующим названием к.э.н. Н.Е. Булетова и к.ф.-м.н. И.В. Шаркевич. В докладе «Мезоуровень экономики фондового рынка как объект исследований в российской научной литературе» к.э.н. Т.Б. Бердникова подвела итоги своего анализа российских научных публикаций, посвященных рассмотрению данной проблемы.

К попытке вписать в зарождающийся академический дискурс мезоэкономической теории элементы маркетингового подхода призвала в своем докладе «Ценностно-интегрированный эволюционный маркетинг – новая методология мезоэкономического анализа» к.б.н. А.С. Стрекалова. В качестве концепции, наиболее адекватной задачам мезоэкономической теории, был предложен актуальный ныне ценностно-интегрированный эволюционный маркетинг (ЦЭМ). В противовес товарным и потребительским маркетинговым теориям ЦЭМ ориентирован на комплексный анализ ценностей субъектов как спроса, так и предложения, задействует эволюционный подход, инструментарий поколенческого и фазового анализа, что делает возможным его применение для изучения развития институтов социально-экологических систем и территориальных образований различного масштаба.

Заседание третьей сессии открыл д.э.н. Д.П. Фролов докладом «От гипотезы об институциональных диссонансах – к теории институциональных аномалий». Отталкиваясь от гипотезы о разнообразных формах рассогласования комплементарности институтов X- и Y-матриц экономических систем [Кирдина-Чэндлер, 2017], трактуемой им как идеи мезоэкономической по сути, он предложил перейти к дальнейшему развитию общей теории институциональных аномалий в русле постинституционализма.

К творческому наследию Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых обратилась в своем докладе «Экономика сложного человека на пути к гуманистической цивилизации» Н.М. Плискевич. Говоря о поиске точек соприкосновения между вопросами этики, экономической эффективности и технического прогресса, она напомнила об идее Евстигнеевых ввести в экономический анализ категорию ментальности, включающую в себя социокультурные, образовательные и этические факторы, что позволит существенно расширить горизонты экономического анализа и прогнозирования.

М.н.с. ЦЭЭ ИЭ РАН И.Л. Кирилюк затронул в своем докладе проблему выбора моделей для мезоэкономического анализа. Две выделенные им ключевые проблемы данных моделей заключаются, с одной стороны, в наличии характерных для мезоуровня нелинейностей и обратных связей, с другой – в дефиците информации, обусловленной характерными для мезоэкономических индикаторов распределениями с толстыми хвостами, требующими большого числа данных для получения достоверных выводов. Вместе с тем при поиске наиболее релевантных решений в процессе нахождения и выбора моделей необходимо учитывать, по мысли докладчика, достижения одного из направлений математической статистики, известного как «выбор моделей», в том числе использовать принцип соответствия в силу различности масштабов изучаемых явлений микро-, мезо-, макроэкономических уровней. Завершил сессию доклад к.э.н. Д.Ю. Руденко «Мезоуровень в пространственном измерении», в котором он предпринял попытку сопоставления и синтеза эволюционной географии и тринарной микро-, мезо-, макромоделей экономической иерархии.

Заседание четвертой, заключительной сессии открылось двумя докладами м.н.с. ЦЭЭ ИЭ РАН М.С. Кругловой и А.И. Волынского, в которых были представлены результаты исследования англоязычной и русскоязычной традиций мезоэкономического анализа – как с точки зрения ретроспективного обзора основных теоретических работ в этой области, так и с учетом изучения библиометрических баз данных Google Scholar и РИНЦ. Полученные данные позволили сделать вывод о возрастающем интересе исследователей к проблемам мезоэкономики.

Продолжил работу четвертой сессии доклад д.э.н. Ю.К. Князева «Роль субъективных факторов в рыночной экономике и на ее мезоуровне». В нем он обратился к необходимости

признания свободной воли и личностных качеств и предпочтений экономических акторов в качестве движущей силы экономических процессов и эволюционных трансформаций, что может и должно быть применимо и к разработке мезоэкономических теоретических и практических конструктов. В завершении сессии с докладом «Особенности институциональных механизмов инновационной политики на мезоуровне (на примере госкорпораций)» выступила м.н.с. ЦЭЭ ИЭ РАН Е.В. Камко. В нем феномен создаваемых в России государственных корпораций был рассмотрен как элемент механизма мезоэкономической среды, ретранслирующей приоритеты инновационной политики макроуровня на микроуровень экономики.

Разнообразный круг интересов привлеченных к участию на симпозиуме докладчиков позволил продемонстрировать широкие возможности развития мезоэкономического анализа на теоретическом уровне, его синтеза с эволюционной и синергетической парадигмами, а также его применения при решении практических задач.

ЛИТЕРАТУРА

- Евстигнеев Р.Н., Евстигнеева Л.П.* (2011). Новые грани ментальности. Синергетический подход. М.: ЛЕНАНД.
- Евстигнеев Р.Н., Евстигнеева Л.П.* (2012). Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* (2017). Мезоуровень: новый взгляд на экономику? Научный доклад (препринт). М.: ИЭ РАН.
- Очерки по экономической синергетике (2017) / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, М.А. Дерябиной. М.: ИЭ РАН.

Волынский Андрей Игоревич

*младший научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, Москва
ava3003@gmail.com*

Круглова Мария Семеновна

*младший научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, Москва
mashakruglova999@gmail.com*

Andrei Volynskii

*junior researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow
ava3003@gmail.com*

Maria Kruglova

*junior researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow.
mashakruglova999@gmail.com*

ON THE RESULTS OF THE SCIENTIFIC SYMPOSIUM «FUNDAMENTAL FEATURES OF MESOECONOMIC ANALYSIS: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS OF THE EVOLUTIONARY AND SYNERGETIC PARADIGM» IN INSTITUTE OF ECONOMICS, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Abstract. The article presents an overview and summarizes some results of the March 15, 2018 scientific symposium “Fundamental Features of Meso-economic Analysis: Opportunities and Perspectives of Evolutionary and Synergetic Paradigms” at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow). The symposium was dedicated to the memory of Lyudmila Petrovna Evstigneeva and Ruben Nikolayevich Evstigneev, classics of domestic economic synergetics. The symposium program included an extensive list of speakers from research centers in Moscow and other Russian cities, including Volgograd, Belgorod, and Tyumen. At the symposium, the following questions were raised: the relevance of evolutionary and synergetic approaches in economic research; the study of economic dynamics within the framework of the theory of shifting mode of economic reproduction; economic dynamics as a co-evolution of cognitive schemes; network restructuring of economic systems in the context of globalization and non-linear development; theoretical and methodological foundations of self-organization in the production sphere; economics of a complex human on the road to humanistic civilization, as well as a whole series of issues related to the relatively young direction of economic thought – mesoeconomics:

from a review of Russian and English-language mesoeconomic studies to questions of determining the subject, object and methods of mesoeconomic research and selection of adequate economic and mathematical models for relevant research. Particular attention in the program of the event was given to the presentation of the monograph “Essays on Economic Synergetics” published in the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences in 2017. Dedicated to the memory of L.P. and R.N. Evstigneev’s book, was presented by the head of the Center for Evolutionary Economics IE RAS acad. V. I. Mayevskiy and the chief researcher of the IE RAS center of the socioeconomic systems evolution M. A. Deryabina.

Keywords: *economic synergetics, mesoeconomics, evolution of economic systems; evolutionary-synergetic paradigm.*

JEL Classification: B52, B59.

REFERENCES

- Evstigneev R.N., Evstigneeva L.P.* (2011). *Novye grani mental’nosti. Sinergeticheskij podhod* [New facets of mentality. Synergetic approach]. M.: LENAND.
- Evstigneev R.N., Evstigneeva L.P.* (2012). *Jekonomika kak sinergeticheskaja Sistema* [Economy as a synergetic system]. M.: LENAND.
- Kirdina-Chandler S.* (2017). *Mezouroven’: novyj vzgljad na jekonomiku?* [The Meso Level: A New Look in Economics?] Working paper. M.: IE RAS.
- Ocherki po jekonomicheskoj sinergetike* (2017) [Essays on Economic Synergetics] / Ed. by V.I. Mayevsky, S.G. Kirdina-Chandler, M.A. Deryabina. M.: IE RAS.